

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

Том 7, № 3 (31), 2022

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лобанов Иван Васильевич – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Алиев Назим Талат оглы – Начальник Академии полиции МВД Азербайджанской Республики, майор полиции, доктор юридических наук

Аликперов Ханлар Джафарович – директор Центра правовых исследований (Азербайджан), доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Брандштеттер Вольфганг – руководитель Института австрийского и европейского экономического уголовного права Венского университета экономики и бизнеса, доктор права, профессор

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Георг Става – член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – профессор кафедры управления рисками, страхования и ценных бумаг Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент Национальной академии наук Азербайджана, академик НАНА, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Гурбанов Рамин Афад оглы – президент Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья города Баку, доктор юридических наук

ECONOMICS LAW SOCIETY

EDITORIAL BOARD

Lobanov Ivan Vasilievich – Chairman of the Editorial Board, Rector of Plekhanov Russian University of Economics, PhD of Law, Associate Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Aliiev Nazim Talat ogly – Head of the Police Academy of the of the Azerbaijan Republic, Police Major General, Doctor of Law

Aliqperov Khanlar Jafarovich – Director of the Center for Legal Studies (Azerbaijan), Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Brandstetter Wolfgang – Head of the Institute for Austrian and European Economic Criminal Law at the Vienna University of Economics and Business, Doctor of Law, Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Georg Stawa – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Professor of Risk Management, Insurance and Securities Department of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor

Gurbanov Ramin Afad oglu – President of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of Baku City, Doctor of Law

Джафаров Азер Мамед оглы – заместитель Министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, ректор Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – заведующая кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – и.о. директора Высшей школы права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Виллен Николаевич – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кнежевич Златко – судья Конституционного суда Боснии и Герцеговины

Крюкова Нина Ивановна – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Мазур Иван Иванович – председатель правления АО «РАО Роснефтегазстрой», доктор технических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Минашкин Виталий Григорьевич – проректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Мирмохаммади Мостафа – руководитель группы международного права и прав человека Университета Мофид (Иран), доктор юридических наук, профессор

Мустафазаде Айтен Инглаб кызы – директор Института права и прав человека НАН Азербайджана, доктор юридических наук, профессор

Jafarov Azer Mammad ogly – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Dovnar Taisiya Ivanovna – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Deputy Chairman of the Standing Committee on Legislation of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Rector of the Belarusian State University of Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Acting Director of the Higher School of Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Science Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Knežević Zlatko – Judge of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina

Kryukova Nina Ivanovna – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Lisitsin-Svetlanov Andrey Gennadievich – Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mazur Ivan Ivanovich – Chairman of the Board of JSC «RAO Rosneftegazstroy», Doctor of Engineering Science, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Minashkin Vitaly Grigorievich – Vice-Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mirmohammadi Mostafa – Director for International Law and Human Rights Group, Mofid University (Iran), Doctor of Law, Professor

Mustafazade Ayten Inqilab qizi – Director of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Law, Professor

Плигин Владимир Николаевич – председатель Ассоциации юристов России, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, иностранный член Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истине, доктор политических наук

Свечникова Наталья Викторовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Хасбулатов Руслан Имранович – заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Яблочкина Ирина Валерьевна – и.о. директора Высшей школы социально-гуманитарных наук, профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Pligin Vladimir Nikolaevich – Chairman of the Association of Lawyers of Russia, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the International Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region Countries, Foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of law, Professor

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science

Svechnikova Natalia Viktorovna – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Law, Associate Professor

Fatyanov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Khasbulatov Ruslan Imranovich – Head of the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Yablochkina Irina Valerievna – Acting Director of the Higher School of Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Адрес редакции:
117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru
Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместители главного редактора: **А. М. Беялова,**
К. И. Налетов, Н. В. Свечникова
Ответственный секретарь **М. О. Румянцева**
Редактор **Т. Л. Савельева**
Оформление обложки **Ю. С. Жигалова**
Подписано в печать 19.10.2022. Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 14,25. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 13,33.
Тираж 500 экз. Заказ .
Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru
Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editors: **A. M. Belyalova, K. I. Naletov,**
N. V. Svechnikova
Executive Secretary **M. O. Rumyantseva**
Editor **T. L. Saveleva**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**
Signed in print 19.10.2022. Format 60 x 84 1/8.
Printed sheets 14,25. Conv. sheets 13,25. Publ. sheets 13,33.
Circulation 500. Order .
Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.

СОДЕРЖАНИЕ

Цифровые технологии и цифровое право	
Курбанов Р. А., Моисеев А. М.	
Анализ правового регулирования оборота цифровых прав в Республике Беларусь	7
Румянцева М. О., Свечников В. А.	
Анализ правового регулирования оборота цифровых прав в Канаде	14
Гурко А. В.	
Токенизация произведений искусства и исключительное право	20
Гражданское право	
Кокоева Л. Т., Станкевич Г. В.	
Гражданско-правовая ответственность в сфере закупок: особенности применения	25
Мартынова А. А.	
Признание права собственности в порядке приобретательной давности: проблемы судебной практики	31
Ушаков Р. М.	
О сущности и проблемах института наследственного договора	40
Семейное право	
Сайфутдинова В. М.	
О правах и обязанностях родителей: спорные вопросы создания произведений детьми и родителями	46
Международное право и сравнительное правоведение	
Жданов С. П., Качурина И. Б., Скрычев А. М.	
Международные стандарты в области прав и свобод человека	50
Фролова А. Д.	
Основные тенденции правового регулирования персональных данных в России и Европейском союзе и их влияние на бизнес	56
Государство и право	
Серегин А. В.	
Софискратическая (интеллектуально-аристократическая) теория происхождения государства и права	62
Зульфугарзаде Т. Э.	
Совершенствование правового и организационного обеспечения новационного формата реализации нацпроектов Российской Федерации	68
Инвестиционное право	
Абрамов Р. А., Якубова Д. Р.	
Внедрение ESG-принципов как фактор повышения инвестиционной привлекательности региона	79
Свечникова Н. В., Щанкина Л. Н.	
Формирование инвестиционного законодательства в России: история и перспективы	85
Макарова А. А.	
Россия в глобальном управлении трансграничным движением прямых инвестиций	93
Миграционное право	
Гарная-Иванова И. А.	
Организационно-правовое регулирование трудовой миграции и ее влияние на экономику современной России	98
Уголовное право	
Исаков В. С.	
Исчисление срока уголовного наказания в виде принудительных работ	104
Требования к публикациям	113

CONTENTS

Digital Technologies and Digital Law	
Kurbanov R. A., Moiseev A.M.	
Analysis of Legal Regulation of the Digital Rights Turnover in the Republic of Belarus	7
Rumyantseva M. O., Svechnikov V. A.	
Analysis of Legal Regulation of the Digital Rights Turnover in Canada	14
Gurko A. V.	
Art Tokenization and Exclusive Rights	20
Civil Law	
Kokoeva L. T., Stankevich G. V.	
Civil Liability in the Field of Procurement: Application Features	25
Martynova A. A.	
Recognition of Property Rights in the Order of Acquisition Prescription: Problems of Judicial Practice	31
Ushakov R. M.	
On the Essence and Problems of the Institute of Inheritance Contract	40
Family Law	
Sayfutdinova V. M.	
On the Rights and Obligations of Parents: Controversial Issues of Creating Works by Children and Parents	46
International law and comparative law	
Zhdanov S. P., Kachurina I. B., Skryachev A. M.	
International Standards in the Field of Human Rights and Freedoms	50
Frolova A. D.	
The Main Trends in the Legal Regulation of Personal Data in Russia and The European Union and Their Impact on Business	56
State and Law	
Seregin A. V.	
Sophiocratic (Intellectual-Aristocratic) Theory of the Origin of the State and Law	62
Zulfugarzade T. E.	
Improving the Legal and Organizational Support of the Innovative Format of the Implementation of National Projects of the Russian Federation	68
Investment law	
Abramov R. A., Yakubova D. R.	
Introduction of ESG Principles as a Factor of Increasing the Investment Attractiveness of the Region	79
Svechnikova N. V., Shchankina L. N.	
Formation of Investment Legislation in Russia: History and Prospects	85
Makarova A. A.	
Russia in the Global Management of the Cross-Border Movement of Direct Investments	93
Migration Law	
Garnaya-Ivanova I. A.	
Organizational and Legal Regulation of Labor Migration and its Impact on the Economy of Modern Russia	98
Criminal Law	
Isakov V. S.	
Calculation of the Term of Criminal Punishment in the Form of Forced Labor	104
Requirements to the Publications	113

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-7-13>

Анализ правового регулирования оборота цифровых прав в Республике Беларусь¹

Р. А. Курбанов

заслуженный юрист Российской Федерации

доктор юридических наук, профессор,

заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Kurbanov.RA@rea.ru

А. М. Моисеев

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова;

ответственный секретарь Комиссии по законодательству

и государственному строительству Ассоциации юристов России.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36;

Комиссия по законодательству и государственному строительству Ассоциации юристов России

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стрение1.

E-mail: Moiseev.AM@rea.ru

Analysis of the Legal Regulation of the Digital Rights Turnover in the Republic of Belarus

R. A. Kurbanov

Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor,

Head of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: Kurbanov.RA@rea.ru

A. M. Moiseev

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

of the PRUE;

Executive Secretary of the Commission on Legislation and State Construction

Associations of Lawyers of Russia

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation;

The Commission on Legislation and State Construction Associations of Lawyers of Russia

24/7 Myasnitskaya street, Building 1, Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: Moiseev.AM@rea.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию актуального вопроса оборота цифровых прав в Республике Беларусь. В качестве основы исследования авторами был положен Декрет Президента Республики Бела-

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-20415.

рუსь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», приложением к которому является Положение о Парке высоких технологий, успешно функционирующим в Беларуси. Авторами проведен анализ как структуры нормативного акта, так и отдельных понятий, а также алгоритма совершения операций с цифровой валютой. Авторами проанализированы положительные положения регулирования. Выделены также и отдельные недостатки, которыми, на взгляд авторов, являются неясность ряда требований, например, манипулирование ценами на токены. Кроме того, в документе отмечено множество требований к добросовестности, что может затруднить понимание со стороны рядового пользователя.

Ключевые слова: цифровая экономика, токен, криптобиржа, криптовалюта, блокчейн, смарт-контракт, высокие технологии.

Abstract

This article is devoted to the study of the actual issue of digital rights turnover in the Republic of Belarus. The authors used the Decree of the President of the Republic of Belarus No. 8 dated December 21, 2017 "On the development of the digital Economy" as the basis of the study, the annex to which is the Regulation on the High-Tech Park successfully operating in Belarus. The authors analyzed both the structure of the regulatory act and individual concepts, as well as the algorithm for performing operations with digital currency. The authors analyzed the positive provisions of regulation. Some disadvantages are also highlighted, which, in the opinion of the authors, are the ambiguity of a number of requirements, for example, manipulation of token prices. In addition, the document notes many requirements for good conscience, which may make it difficult for an ordinary user to understand.

Keywords: digital economy, token, crypto exchange, cryptocurrency, blockchain, smart contract, high technologies.

Для развития человечества момент изобретения компьютера стал определяющим. Конечно, нельзя недооценивать роль законов физики, биологии и социологических концепций развития общества. Однако становится очевидным, что развитие общества идет в сторону цифровизации.

Можно по-разному относиться к результатам исследований влияния цифровых технологий на человека, но, отказываясь от новых технологий, человечество лишит себя возможности творчески развиваться, противодействовать эпидемиям, покорять космос. Цифровые технологии уже прочно вошли в индустрию развлечений, комфорта, но это являет собой лишь вершину айсберга, видимую для масс. Для ученых, руководителей и менеджеров грамотное использование новейших технологий (практически все они так и иначе связаны с цифрой) создает как конкурентное преимущество, так и большие возможности моделирования, ускорения множества процессов, что в конечном итоге приведет к снижению издержек.

Недоверие части населения к процессу цифровизации, на наш взгляд, вполне рядовое явление, с которым человечество сталкивается каждый раз. Большинство открытий, которые сейчас воспринимаются как само собой разумеющееся, встречали неприятие и страх общества.

Неизвестность всегда отпугивает, настораживает людей. В связи с этим право в его объективном смысле позволяет создать те границы,

которые дают обществу уверенность, защищенность и контроль в определенной ситуации. Право позволяет нивелировать разницу между экспертом и пользователем-новичком¹.

Нормативно-правовое регулирование цифровой экономики в Республике Беларусь

Для исследования опыта Республики Беларусь в применении цифрового права обратимся к акту, предопределившему развитие этой сферы.

Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»² (далее – Декрет) стал прорывом для государства по многим причинам: Республика Беларусь – первое государство, которое реализовало на нормативном уровне смарт-контракты; разработка данного акта была инициирована самим бизнес-сообществом, что помогает удовлетворить нужды интересантов; в разработке этого акта принимали участие не только юристы-эксперты, но и представители Парка высоких

¹ См.: например, Правила дорожного движения уравнивают в правах водителя со стажом и начинающих водителей.

² См.: Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики». – URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dek-ret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/ (дата обращения: 27.06.2022).

технологий. Остановимся на основных положениях данного акта.

Структура Декрета отличается от привычных для нас актов. Так, понятийный аппарат заключен в приложении № 1 «Перечень используемых терминов и их определений» (далее – Приложение № 1). На наш взгляд, такой подход стоит поприветствовать. Любой акт, должен выполнять свои цели и задачи. В данном случае его однозначное понимание должно быть нацелено на конечного пользователя, что влияет и на его структуру. Российскому законодателю следует этот опыт оценить. Необходимо приблизить закон к структуре самого цифрового контента, так как структура подобных актов – важная часть их успешного внедрения в общество.

В Приложении № 1 определены ключевые понятия данной системы. Начнем с реестра блоков транзакций (блокчейн), под которым понимается последовательность блоков, выстроенная на основе заданных алгоритмов в распределенной децентрализованной информационной системе. Блоки содержат информацию о совершенных в такой системе операциях.

Анализируя перспективы применения блокчейн-технологий, Н. Коренев и С. Мазуров отмечают, что «суть блокчейна заключается не в том, что он позволяет надежно сохранить документ, а в том, что он прежде всего является темпорально-событийной базой данных фактов, которые являются неотъемлемой частью прав и обязанностей в реальном мире, а это значит, что хранить в нем нужно сведения о событиях, а не сами документы. Поскольку информация в блокчейне хранится децентрализованно, не требуется создания централизованной инфраструктуры, что само по себе позволяет организациям экономить огромное количество ресурсов. Минимизация расходов на поддержание работоспособности оборудования достигается тем, что центральный сервер как таковой отсутствует: полные и актуальные копии реестров или баз данных хранятся на многочисленных компьютерах этой сети» [2. – С. 66].

Эта точка зрения раскрывает причины непонимания технологии блокчейн: человек ищет материальное подтверждение авторитетной централизованной организации и какой-то документ, притом что суть новой технологии как раз и заключается в избавлении от документа. Подтверждение операции гарантируется самой цепочкой

событий, а децентрализованное хранение позволяет избежать коррупции в финансовой сфере¹.

Наиболее важное положение данного документа – разъяснение понятия «смарт-контракт»: «программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок, совершения иных юридически значимых действий».

На наш взгляд, мешает принятию идеи смарт-контракта ожидание от него усовершенствованного с помощью цифровых технологий обычного контракта.

Кроме того, важное место в Декрете занимает понятие цифрового знака (токена) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой. В данном случае с понятием токена соседствует понятие криптовалюты². По сути, криптовалюта является одним из вариантов токена.

Таким образом, Республика Беларусь признает в качестве токена: запись, подтверждающую права на объект; криптовалюту, которая имеет международное хождение.

Реализация заложенных в Декрете идей сосредоточена вокруг Парка высоких технологий, правовое регулирование которого заключено в Декрете Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12³ (в редакции Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8). Для удобства будем называть его «Положение о ПВТ».

¹ Строгое соответствие технологии блокчейн принципу отсутствия между участниками посредника должно олицетворять генеральную идею самого идеолога данной технологии Сатоши Накамото [возможно – псевдоним]: при одноранговом устройстве денежной системы можно совершать электронные транзакции между участниками напрямую, минуя любые финансовые институты. Эту задачу частично помогает решить использование цифровой подписи, но необходимость присутствия доверенного лица для контроля за двойной тратой лишает подход всех преимуществ.

² Криптовалюта – биткойн, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена.

³ Декрет Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 «О Парке высоких технологий». Зарегистрирован в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь 23 сентября 2005 г. № 1/6811.

Необходимо отметить, что в Положении о ПВТ отмечены виды деятельности, которыми должен заниматься резидент ПВТ. Авторы документа ушли от использования привычной аббревиатуры ОКВЭД¹ к подробному перечислению видов деятельности, в частности:

- оказание услуг, связанных с созданием и размещением цифровых знаков (токенов) с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, включая услуги по продвижению цифровых знаков (токенов), консультационные и иные сопутствующие услуги;
- деятельность оператора криптоплатформы;
- деятельность оператора обмена криптовалют;
- майнинг;
- иная деятельность с использованием цифровых знаков (токенов).

На наш взгляд, избранный авторами подход стоит признать верным, так как ОКВЭД не содержит таких видов деятельности. С этой проблемой столкнется и наш законодатель, которому придется либо пойти по этому же пути, не считая данные виды деятельности основными, либо вносить специальный раздел в классификатор.

Порядок регистрации резидента ПВТ

На июнь 2022 г. в ПВТ зарегистрировано 10 организаций² по видам деятельности: организатор ICO, криптобиржа, оператор обмена криптовалют, майнинг, создание собственных цифровых знаков (токенов).

Для того чтобы стать резидентом ПВТ необходимо подать следующие документы:

- копию устава и свидетельство о госрегистрации;
- бизнес-проект³.

Получив вышеуказанные документы, администрация их рассматривает и со своим заключением направляет в Наблюдательный совет. Главная

цель такого заключения – дать ответ целесообразна/нецелесообразна регистрация лица в качестве резидента ПВТ. Наблюдательный совет в свою очередь должен дать ответ о важности и значении представленного бизнес-проекта.

При необходимости Наблюдательный совет может поручить администрации ПВТ провести научно-техническую экспертизу.

В регистрации организации в качестве резидента ПВТ могут и отказать, поводом для чего является либо отрицательное заключение экспертизы, либо принятие Наблюдательным советом решения об отсутствии важности и значения бизнес-проекта для развития сферы новых и высоких технологий. Сам процесс занимает один месяц без учета времени, необходимого для проведения экспертизы.

Права и обязанности резидента ПВТ

Деятельность резидента ПВТ осуществляется на основании договора. Положение о ПВТ нормативно определяет ряд обязанностей резидента:

- производить отчисления в размере 1% от выручки;
- ежегодно проводить обязательный аудит годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности и представлять аудиторское заключение в администрацию ПВТ;
- получать заключение внешнего аудита и др.

Помимо указанных обязанностей, у резидентов ПВТ есть широкий набор прав, среди которых можно выделить, например, выдачу за счет прибыли займов своим сотрудникам, получение выручки от использования разработанного им самим программного обеспечения, покупка иностранной валюты на внутреннем валютном рынке без ограничений целей ее использования и др.

Кроме того, необходимо выделить ряд послаблений для резидентов ПВТ в области ведения бухгалтерского учета и гражданского оборота. Например, при совершении хозяйственных операций с нерезидентами Республики Беларусь резиденты ПВТ вправе оформлять две и более однородные хозяйственные операции, совершенные в один календарный месяц, одним первичным учетным документом, в том числе составленным единолично. Простая письменная форма сделки, в том числе внешнеэкономической, считается соблюденной, если предложение заключить договор, в том числе в виде программного кода, электронного или иного сообщения, независимо от наличия в таком предложе-

¹ Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности» (ОКЭД).

² «Битфурми», «Гринмайнер», ДФС, «Карренси Ком Бел», Компания УМСО, «Майнинг Бразерс», «МайнСтоун», «Пиксель Интернет», «Смартпул», «Уайт Бёрд».

³ На наш взгляд, это важная и интересная часть требований. Соответствие деятельности организации целям, провозглашенным в Положении о ПВТ, позволяет спокойно уйти от привязки к ОКВЭД в сторону анализа бизнес-проекта.

нии подписи, если обстоятельства заключения договора позволяют определить, что оно исходит от стороны по договору.

Меры государственной поддержки резидентов ПБТ

При создании любых зон, в которых государство предполагает существенное развитие, бизнес-сообщество вынуждено обращаться к мерам государственной поддержки. В частности, Положение о ПБТ предусматривает освобождение резидентов от налога на прибыль, налога на добавленную стоимость, офшорного сбора. Среди налоговых льгот можно выделить и освобождение от земельного налога на 3 года, а также бессрочно от налога на недвижимость, за исключением случаев сдачи таких объектов в аренду. Нельзя не отметить и подоходный налог физических лиц и ИП, который исчисляется по ставке 9%.

Помимо прочего, не подлежит обязательной продаже иностранная валюта, полученная резидентами ПБТ, а также не требуется согласие антимонопольного органа на реорганизацию юридических лиц, зарегистрированных в качестве резидентов ПБТ, совершение сделок с акциями, долями (частями долей) в уставных фондах ПБТ.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать главный вывод: законодатель пошел по простому пути, выделив в одном акте все особенности участия организации в качестве резидента ПБТ. Безусловно, это можно признать положительным опытом. Российский законодатель (например, Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»), во-первых, наполнил закон множеством отсылочных норм, во-вторых, включил меньше льгот для участников.

В случае же с Положением о ПБТ можно отметить минимум отсылочных норм, все льготы установлены напрямую, что, на наш взгляд, является следствием участия в разработке данного документа самих будущих резидентов. Это показывает, что для создания условий развития цифрового бизнеса совсем не обязательно вносить множество изменений в нормативные акты. Пункт 11 Положения о ПБТ предусматривает, что после регистрации заявителя в качестве резидента ПБТ администрация Парка вносит сведения в реестр ПБТ, выдает заявителю свидетельство и направляет информацию в органы государственной статистики, Фонда социальной защиты населения

Министерства труда и социальной защиты, Инспекцию Министерства по налогам и сборам.

Стоит отметить, что и здесь государство взяло на себя бремя взаимодействия с Федеральными органами исполнительной власти (ФОИВ), что позволяет исследователям полностью быть погруженными в цифровые процессы.

Дополнительные требования к деятельности с цифровыми знаками (токенами)

Наблюдательным советом утверждены определенные дополнительные требования к деятельности, связанной с цифровыми знаками (токенами):

- требования к оператору криптоплатформы;
- требования к оператору обмена криптовалютой;
- требования к организатору ICO.

Остановимся на наиболее важных положениях оператора криптоплатформы. Среди обязанностей оператора криптоплатформы можно выделить:

- разделение учета и хранения токенов/денег и электронных денег, причем как своих, так и клиентов;
- осуществление записи переговоров с клиентами. На наш взгляд, включение подобных положений нормативно-правового регулирования на высоком уровне существенно повышает доверие к этой системе. Очевидно, что записи можно будет использовать в суде при оспаривании сделок или доказательства злоупотреблений со стороны оператора криптоплатформы;
- копирование данных о совершенных клиентами сделках (операциях) по завершении каждого дня. Для повышения доверия к системе оборота цифровых активов возможно разработать алгоритм контроля за этими действиями, а также установить ответственность за нарушения. Доверие к операциям – основа этой впервые созданной системы, соответственно обеспечено оно может быть только при системообразующей ответственности сильного участника;
- исполнение заявок на покупку и (или) продажу токенов за деньги или электронные деньги либо обмен токенов.

Кроме того, нельзя не отметить важность знания законодательства сотрудниками оператора криптоплатформы. Возможно, российскому зако-

нодателю необходимо принять эти идеи, определив требования к знанию законодательства.

Немаловажным фактором для обеспечения доверия к системе выступают элементы контроля со стороны клиента операций оператора криптоплатформы. Эти элементы могут также предусматривать ответственность лица, а также возможную блокировку операций.

Важно отметить, что даже нормы гражданско-правового характера о порядке и правилах заключения договоров с клиентами регулируются отдельным актом, утвержденным Наблюдательным советом ПВТ. Так, для заключения договора необходимо получить согласие, указать фамилию, собственное имя, отчество (если таковое имеется), дату рождения, адрес места жительства физического лица; наименование, место нахождения, учетный номер плательщика или Tax ID number, контактные данные клиента, позволяющие установить с ним связь (адрес электронной почты и при необходимости иные контактные данные) – юридического лица.

Для исключения случаев заключения сделок с лицами, которые недостаточно хорошо разбираются в токенах, оператор криптоплатформы перед совершением сделок обязан направить вопросник, который позволит определить компетенцию человека.

Отдельно путем уточнения в локальном нормативном акте регулируется реклама. При этом законодательство устанавливает запрет на недобросовестную рекламу.

Рассмотрим особенности организации оператором криптоплатформы торговли токенами:

1) необходимо обеспечить предоставление доступа клиента к системе;

2) в обороте могут участвовать только допущенные правилами токены;

3) торговля осуществляется по следующей схеме: размещение заявки и последующее приобретение токенов за деньги/электронные деньги/другие токены (в виде обмена);

4) обмен токенов осуществляется только при наличии встречной заявки.

Остановимся на особенностях совершения оператором криптоплатформы (далее – ОК) сделок купли-продажи и обмена токенов вне его торговой системы и иных сделок с токенами:

1) если законодательством не запрещено, то ОК может осуществлять сделки с токенами и вне торговой системы с любыми клиентами;

2) при совершении таких сделок необходимо также использовать информационную систему ОК;

3) незамедлительное направление сообщения клиенту по условиям сделки;

4) клиент направляет ОК оферты (т. е. заявки на совершение сделок);

5) ОК обязан совершить сделку при наличии следующих условий: наличие заявки плюс техническая возможность ее осуществления; цена сделки должна соответствовать той, что была сообщена клиенту. Лучше всего это можно представить на примере работы популярных маркетплейсов. Сам оператор не является собственником продаваемой продукции, однако, предоставляя услуги своей платформы для совершения сделки по доставке и информированию, он помогает совершить сделку по цене, указанной оператором.

Рассмотрим особенности совершения ОК сделок на основе посреднических отношений с клиентами:

1) такие сделки осуществляются следующим образом: заключаются договор поручения (т. е. от имени и за счет клиентов); договор комиссии (за счет клиентов, но от своего имени); иная соответствующая договору форма;

2) ОК должен соблюдать интересы клиентов, быть добросовестным, разумным и компетентным, совершать сделки по наилучшей цене;

3) ОК обязан разъяснить возможный риск (существо и уровень) сделки;

4) установлен запрет на совершение сделок в интересах клиентов по цене, существенно (более чем на 10%) отличающейся от рыночной цены.

Подводя итог анализу правового регулирования, авторами выделены следующие черты законодательства Республики Беларусь:

– избранный подход направлен на конечного пользователя: в одном нормативном акте сосредоточены как нормы правового регулирования в сфере таможен, налогов, так и положения гражданско-правового характера;

– предусмотрен алгоритм совершения отдельных операций, что делает этот процесс существенно прозрачным;

– авторы проекта старались максимально отразить все нюансы совершения операций с криптовалютой, вплоть до времени осуществления отдельных операций.

При этом, как и любой акт, он не лишен недостатков. Например, для лица, которое только

начинает свой путь в цифровой экономике, могут показаться неясными требования следующего характера: манипулирование ценами на токены – совершение действий, оказывающих существенное влияние на спрос на токен и (или) предложение токена, рыночную цену токена или объем торгов токенами, которые имеют целью искусственное завышение либо занижение цен на токены относительно уровня, складывающегося в обычных рыночных условиях. Всецело поддерживая запрет на манипулирование ценой, необходимо четко осознавать, что именно является искусственным завышением. Работа биржи как раз и строится на этих механизмах. Кроме того, в документах содержится множество требований к добросовестности, но для рядового пользователя – это пока еще весьма эфемерное понятие.

Среди недостатков можно отметить, что увлечение авторов алгоритмом совершения всех операций оставляет сомнения относительно ответственности участников торговли, операторов. Очевидно, что данные проблемы будут решены, согласно практике применения стандартов той же самой добросовестности. В целом, на наш взгляд, нормативно-правовое регулирование цифровых прав в Республике Беларусь стоит поддержать, а отдельные вопросы могут быть (наверное, должны) приняты российским законодательством по данной тематике.

Учитывая, что Российская Федерация и Республика Беларусь составляют Союзное государство, а также входят в ЕАЭС, то ряд идей развития цифровой экономики может быть реализован на международном уровне.

Список литературы

1. Быков А.Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. Москва: Проспект, 2018
2. Коренев Н., Мазуров С. Перспективы применения технологии блокчейн в Республике Беларусь // Банкаўскі веснік, чэрвень. – 2017. – № 66. – С. 66–71.
3. Кресс В. В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 67–76.
4. Руденко Е. Ю. К вопросу о понятии цифровых прав как объектов гражданских правоотношений // Гражданское право. – 2021. – № 4. – С. 7–10.
5. Рыбакова С. В. Правовая легитимация цифровой валюты (криптовалюты) в аспекте правообразующего условия трансформации правосубъектности кредитных организаций // Финансовое право. – 2022. – № 2. – С. 9–13.
6. Савельев А. И. Комментарий на положения о регулировании операций с криптовалютами и иных отношений, основанных на технологии блокчейн Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики». – 2017. – № 8. – URL: <https://publications.hse.ru/articles/213716092>
7. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 2-е изд. – М. : Статут, 2016.
8. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. – М. : 4 Принт, 2020.
9. Цареградская Ю. К. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 2. – С. 32–38.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-14-19>

Анализ правового регулирования оборота цифровых прав в Канаде¹

М. О. Румянцева

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова;
доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии;
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского психолого-социального университета.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36;
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4;
ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет»,
15191, Москва, 4-й Рощинский проезд, 9а.
E-mail: marianna_26rus@mail.ru

В. А. Свечников

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова
E-mail: svechnikov.va@rea.ru

Analysis of the Legal Regulation of Digital Rights Turnover in Canada

M. O. Rumyantseva

PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE;
Associate Professor of the Department of Civil Law of Russian Customs Academy;
Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
of Moscow Psychological and Social University.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation;
Russian Customs Academy, 4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation;
Moscow Psychological and Social University,
9a 4th Roshchinsky Passage, Moscow, 15191, Russian Federation.
E-mail: marianna_26rus@mail.ru

V. A. Svechnikov

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: svechnikov.va@rea.ru

Аннотация

В рамках настоящей статьи авторы предприняли попытку проанализировать систему нормативных правовых актов Канады, регулирующих оборот цифровых прав. Посредством проведения компаративистского исследования ключевых понятий авторами отмечается, что канадское законодательство имеет иной, чем принятый в России, подход к определению термина «цифровые права». В этой связи в статье затрагиваются вопросы становления и дальнейшего развития правового регулирования именно цифровых активов. Авторами сделан вывод, что канадское законодательство является одним из наиболее толерантных к

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-20415.

криптовалюте в мире, не признавая ее при этом в качестве валюты, однако позволяя использовать как средство платежа. В то же время правительство Канады предпринимает значительные меры к недопущению использования криптовалют и инвестиционных платформ для отмывания денег, финансирования терроризма и иной противозаконной деятельности. В статье исследуются критерии отнесения канадским регулятором криптоактивов к ценным бумагам, требования законодателя к регистрации платформ по торговле цифровыми валютами. Результаты проведенного исследования могут послужить основой для разработки предложений в целях дальнейшего совершенствования российского гражданского законодательства в части, касающейся регламентации порядка оборота цифровых активов.

Ключевые слова: цифровые активы, криптовалюта, цифровая валюта, криптовалютная биржа, инвестиционный контракт.

Abstract

Within the frameworks of this article, the authors launched to analyze the system of regulatory legal acts of Canada regulating the civil transactions of digital rights. Conducting a comparative study of key concepts, the authors find that Canadian legislation has a different approach to the definition of the term "digital rights" to this adopted in Russia. In this regard, the article touches the issues of the formation and further development of legal regulation of digital assets. The authors conclude that Canadian legislation is one of the most tolerant to cryptocurrency in the world, not recognizing it as a currency, nevertheless allowing its use as a mean of payment. At the same time, the authors conclude that the Government of Canada is taking significant measures to prevent the use of cryptocurrencies and investment platforms for money laundering, terrorist financing and other illegal activities. The authors investigate the criteria for classifying crypto assets as securities by the Canadian regulator, the requirements of the legislator for the registration of digital currency trading platforms. The results of the conducted research can serve as a basis for the development of proposals for further improvement of Russian civil legislation in terms of regulating the turnover of digital assets.

События последних нескольких лет, озадачив человечество поиском решений целого ряда глобальных вызовов, одновременно породили систему новых отношений и институтов, развивающихся минуя какие-либо уровни государственного контроля и регулирования. В качестве примера подобного рода новшеств следует назвать блокчейн-технологии, смарт-контракты, токены, и прочие атрибуты цифровой экономики, позволившие не только минимизировать реальные контакты между людьми, но и использовать новые средства платежа. Определяющими факторами развития цифровых технологий выступают не только технический прогресс и растущий спрос пользователей цифровых технологий, но и пандемия COVID-19, которая переместила большую часть жизни человечества в цифровую среду, цифровизировав повсеместно различные отрасли экономики и государственного управления. Подобные новеллы прочно вошли в жизнь каждого человека, что в свою очередь потребовало сформировать законодательство в области цифровых прав граждан.

Поиск оптимальных путей законодательного регулирования цифровых прав в России вынуждает обращаться к зарубежному опыту разрешения аналогичных вопросов. Одним из государств, наиболее успешно осуществивших законодательное воплощение вопросов регулирования оборота

цифровых прав, выступает Канада. Выбор информационного законодательства Канады в качестве объекта исследования не случаен, поскольку впервые попытки применить правовое регулирование цифровых прав отмечались еще в 90-е гг. XX столетия, когда началась реализация планов по переводу правительственных сервисов в онлайн-формат. Достаточно вспомнить Civil Resolution Tribunal – Трибунал по гражданским делам, который одним из первых в мире с 2016 г. осуществляет правосудие посредством информационных технологий.

Перед началом анализа правил регулирования цифровых прав в Канаде следует отметить, что канадское законодательство совсем иначе подходит к пониманию термина «цифровые права», чем российское. Так, если под цифровыми правами в российском законодательстве понимают определенные обязательственные и иные права, к коим, в частности, относятся цифровые финансовые активы, то в канадском законодательстве цифровые права определяют как предоставленную и гарантированную государством возможность всем субъектам участвовать в электронном цифровом пространстве и пользоваться существующими информационными технологиями.

В связи с растущим распространением цифровых бизнес-отношений правительство Канады

запустило Канадскую программу внедрения цифровых технологий (CDAP), инвестировав 4 млрд долларов в планы помощи компаниям в расширении их цифровых возможностей. В частности, правительство Канады предлагает предпринимателям развивать свой бизнес посредством электронной коммерции, внедрения цифровых технологий в производство для повышения производительности и цифровых инвестиций.

Более того, начиная с 2020 г. в Канаде особое внимание законодателей направлено на защиту конфиденциальных данных пользователей электронным пространством.

В августе 2022 г. правительство Канады внесло на рассмотрение в Палату общин законопроект C-27 «Закон о реализации цифровой хартии», которым предусмотрено введение трех законов: Закона о защите конфиденциальности потребителей, Закона об искусственном интеллекте и Закона о Трибунале по защите личной информации и данных¹. Этот законопроект воплощает в себе принципы Цифровой Хартии Канады 2022, в которой Интернет рассматривается в качестве инструмента как для внедрения инноваций, так и для общественного блага в целом. Иными словами, канадские законодатели считают необходимым не только развивать правовую основу функционирования цифровых технологий, но и создавать эффективные инструменты реализации прав на использование цифровых технологий.

Если же говорить о правовом регулировании цифровых активов в Канаде, необходимо отметить, что Канада – одно из первых государств в мире наряду с США, Бахрейном, ОАЭ, осознавших необходимость создания правового поля для функционирования криптовалют, не признавая при этом цифровые валюты в качестве законного средства платежа, и, как следствие, не создавая специальных правил их использования, «которые могут препятствовать их росту и потенциалу» [4]. Кроме того, Канада активно использует автоматизированные обменники – биткойн-банкоматы, которые позволяют вносить наличные в обмен на биткойны, и наоборот, биткойны на наличные.

Как отмечает А. П. Алексеенко, на сегодняшний день использование цифровых валют в Ка-

наде рассматривается как сделка мены, т. е. приобретаемый товар фактически обменивается на товар-криптовалюту [1].

При этом к транзакциям в цифровой валюте применяются налоговые правила. Иными словами, цифровые валюты, будучи товаром, подпадают под действие Закона о подоходном налоге (Income Tax Act – ITA). Лица, осуществляющие торговлю криптовалютами, должны в налоговой декларации сообщать о любой прибыли, а также убытках (убытки подлежат вычету) от продажи или покупки цифровых валют. Вместе с тем налогообложение осуществляется не только на федеральном уровне, где налоговая ставка может составлять от 15 до 33% в зависимости от суммы годового дохода, но и на уровне провинции, в пределах которой осуществляется криптовалютная деятельность.

В канадском законодательстве также отсутствует определение деятельности по торговле виртуальной валютой. FinTRAC – Центр анализа финансовых операций и отчетности Канады упоминает лишь деятельность по обмену виртуальной валюты и услуги по переводу виртуальной валюты. Осуществлять подобную деятельность могут физические и юридические лица, в том числе иностранные, зарегистрированные в качестве предприятия, предоставляющего денежные услуги (MSB). Обмен виртуальной валюты при этом определяется как «обмен по запросу другого физического или юридического лица виртуальной валюты на денежные средства, денежных средств на виртуальную валюту или одной виртуальной валюты на другую»².

Понимая неизбежность дальнейшего расширения применения криптовалют, еще 11 февраля 2014 г. в парламент был внесен Законопроект C-31 (утвержден 19 июня 2014 г.), представлявший собой целый ряд поправок к Закону Канады о доходах от преступной деятельности (отмывания денег) и финансирования терроризма, в рамках которого цифровые валюты были названы в качестве одного из возможных предприятий по обслуживанию денег в сфере легализации преступных доходов. Как отмечают аналитики, «вовлечение криптовалюты в этот закон сделало его

¹ Bill C-27 Summary: Digital Charter Implementation Act, 2022. – URL: <https://ised-isde.canada.ca/site/innovation-better-canada/en/canadas-digital-charter/bill-summary-digital-charter-implementation-act-2020>.

² Руководство FinTRAC по совершению операций по обмену виртуальной валюты. – URL: <https://www.fintrac-canafe.gc.ca/msb-esm/intro-eng>.

первым национальным законом, непосредственно применяемым к цифровым валютам» [5].

В настоящее время виртуальные валюты также могут подпадать под действие законов о ценных бумагах. Следует обратить внимание на то, что законодательство о ценных бумагах находится в совместном ведении правительства Канады (в меньшей степени) и правительств провинций и территорий (в большей степени). На федеральном уровне регулирование осуществляется посредством введения требований к проспекту эмиссии, регистрации дилеров, консультантов и управляющих инвестиционными фондами, определенных требований, предъявляемых к тем операционным биржам, альтернативным торговым площадкам или другим рынкам, которые облегчают торговую деятельность, а также соответствующих требований к отчетности и раскрытию информации. На уровне провинций и территорий внимание, как правило, сосредоточено на защите интересов лиц, имеющих цифровую валюту, от недобросовестных действий других лиц.

Относя инвестиционный контракт к ценным бумагам, Администратор ценных бумаг Канады (CSA) в Консультативном документе 21-402 (предлагаемая структура для платформ для торговли криптоактивами) выработал ряд характеристик, наличие которых (нескольких или всех одновременно) позволит рассматривать виртуальную валюту как инвестиционный контракт:

- базовая технология или платформа блокчейна не была полностью разработана;
- токен не сразу доставляется покупателю;
- заявленная цель размещения – привлечение капитала, который будет использоваться для выполнения ключевых действий, поддерживающих стоимость токена или бизнеса эмитента;
- эмитент предлагает льготы лицам, продвигающим предложение;
- у руководства эмитента остается значительное количество непроданных токенов;
- токен продается в количестве, намного большем, чем может использовать любой покупатель;
- эмитент предполагает, что токены будут использоваться в качестве валюты или иметь полезность за пределами его собственной платформы, но ни то, ни другое не имеет места на момент заявления;
- руководство представляет или делает другие заявления, предполагающие увеличение стоимости токенов;

— токен имеет фиксированную стоимость на платформе, которая не увеличивается автоматически с течением времени и не изменяется в зависимости от некоммерческих факторов;

— количество выпускаемых токенов ограничено или есть разумные основания полагать, что доступ к новым токенам в будущем будет ограничен;

— эмитент разрешает или требует от покупателей приобретать токены на сумму, которая не соответствует предполагаемой полезности токенов;

— токен взаимозаменяем;

— токены распространяются по денежной цене;

— разумно ожидать, что токен будет продаваться на торговой платформе или продаваться иным образом на вторичном рынке¹.

Особое внимание в канадском законодательстве уделяется вопросам контроля за деятельностью криптовалютных бирж.

Если изначально в Канаде на протяжении длительного периода времени отсутствовали нормативные акты, затрагивающие индустрию криптовалют, то в марте 2019 г. Администратор ценных бумаг Канады (CSA) и Организация по регулированию инвестиционной деятельности Канады (IIROC) озаботились необходимостью правового урегулирования деятельности бирж криптовалют. Как следствие, в январе 2020 г. Администратор ценных бумаг Канады (CSA) распространил данное законодательство о ценных бумагах на деятельность криптовалютных бирж. В частности, в Уведомлении 21-327 отмечается, что «если криптоактивы, являющиеся ценными бумагами или производными финансовыми инструментами, торгуются на платформе, то такая платформа будет подпадать под действие законодательства о ценных бумагах»². Законодатель-

¹ Canadian Securities Administrators and Investment Industry Regulatory Organization of Canada, Consultation Paper 21-402 – Proposed Framework for Crypto-Asset Trading Platforms (Canadian Securities Administrators and Investment Industry Regulatory Organization of Canada, 2019) // the Consultation Paper. – URL: <https://www.osc.ca/en/securities-law/instruments-rules-policies/21-402/joint-canadian-securities-administrators-investment-industry-regulatory-organization-canada>.

² CSA Staff Notice 21-327 Guidance on the Application of Securities Legislation to Entities Facilitating the Trading of Crypto Assets. – URL: https://www.osc.ca/sites/default/files/pdfs/irps/csa_20200116_21-327_trading-crypto-assets.pdf.

ство о ценных бумагах стали применять также к платформам, которые облегчают покупку и продажу криптоактивов.

В марте 2021 г. появилось совместное Уведомление персонала CSA / IIROC 21-329 – Руководство для платформ, торгующих криптоактивами: соответствие нормативным требованиям¹. Так, дилерские платформы, которые торгуют криптовалютными контрактами и торгуют или предлагают сделки для розничных инвесторов, должны быть зарегистрированы в качестве инвестиционных дилеров и стать членами IIROC.

В случае, если криптоплатформы игнорируют канадское законодательство о ценных бумагах, CSA может применить к нарушителям различные меры наказаний. Так, в июле 2022 г. Администратором ценных бумаг (CSA) в отношении криптоплатформы Coinsquare Ltd было принято первое в истории решение о выплате штрафных санкций в размере более 2,2 млн канадских долларов. Затем последовали дела в отношении KuCoin и Bybit Fintech Limited.

Следует отметить, что FinTRAC с 1 июня 2020 г. также ужесточил Правила по регулированию деятельности криптовалютных бирж. В первую очередь ужесточения коснулись компаний, оборот которых составляет более 10 тыс. канадских долларов (7,5 тыс. американских долларов). Подобные криптовалютные биржи должны были зарегистрироваться в качестве оператора денежных средств в Центре анализа финансовых операций и отчетности Канады. Кроме того, биржи обязаны сообщать FinTRAC обо всех подозрительных транзакциях (при совершении транзакции на сумму свыше одной тысячи канадских долларов следует сообщать сведения об отправителе и получателе криптовалюты, их адреса, дату рождения, номер контактного телефона и наименование криптовалюты, в отношении которой была совершена сделка).

Проводимое исследование было бы неполным без обзора правового регулирования процесса добычи виртуальной валюты – майнинга. Канадское законодательство предусматривает два вида майнинга: для удовольствия и для получения прибыли. Соответственно, добыча для

удовольствия не является источником дохода для целей налогообложения. Если речь идет о добыче биткойнов для извлечения прибыли, полученные биткойны должны быть включены в доход налогоплательщика в момент их получения. Налоговая служба Канады (CRA) подтвердила обязанность майнера включать в доход стоимость оказанных услуг или стоимость полученных биткойнов в зависимости от того, что легче оценить. В большинстве случаев CRA ожидает, что стоимость полученных биткойнов будет оценена с большей готовностью, и, соответственно, это та сумма, которую нужно превратить в доход².

Таким образом, по результатам проведенного исследования следует озвучить ряд выводов. На сегодняшний день в Канаде отсутствует единая система регулирования цифровых активов. Нормативную базу оборота цифровых активов составляет ряд уведомлений, руководств и консультативных документов Канадского Администратора ценных бумаг (CSA) и Организации по регулированию инвестиционной деятельности Канады (IIROC).

Криптовалюта рассматривается в канадском законодательстве не как законное средство платежа, а как разновидность товара, на который может быть произведен обмен других товаров, следовательно, за совершение операций с товаром-криптовалютой взимается налог на двух уровнях: федеральном и уровне провинций и территорий.

В большинстве случаев деятельность по обороту криптовалют рассматривается как деятельность по совершению операций с ценными бумагами. Регулирование оборота ценных бумаг находится в совместном ведении Канады, ее провинций и территорий, т. е. каждая провинция или территория имеет собственную нормативную базу. При этом если федеральное законодательство нацелено в первую очередь на организацию деятельности с виртуальной валютой в целом, то законодательство провинций и территорий направлено на защиту участников операций с цифровыми валютами от мошеннических действий.

В свою очередь криптовалютные биржи рассматриваются как предприятия по обслуживанию денег, подчиняющиеся требованиям законов о

¹ Joint CSA/IIROC Staff Notice 21-329 – Guidance for Crypto-Asset Trading Platforms: Compliance with Regulatory Requirements. – URL: https://www.osc.ca/sites/default/files/2021-03/csa_20210329_21-329_compliance-regulatory-requirements.pdf.

² Canada Revenue Agency, Compliance, Virtual Currency, last modified 26 June 2019.

противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма.

В заключение необходимо отметить, что представленный опыт Канады в правовом регу-

лировании цифровых активов может оказаться полезным для разработки российской системы цифрового законодательства.

Список литературы

1. Алексеев А. П. Правовое регулирование использования криптовалюты: опыт иностранных государств // Экономика. Налоги. Право. – Т. 14. – 2021. – № 5. – С. 143.
2. Иксанов И. С., Остроушко А. В. Мировой опыт правового регулирования цифровых финансовых активов // Экономика и современный менеджмент: в поисках новой модели инновационного развития : монография. – Пенза, 2019. – С. 44.
3. Ильин А.Ю. Криптовалюта как платежный инструмент на мировом финансовом рынке // Правовой альманах. – 2020. – № 1 (5). – С. 14.
4. Canadian Senate says No to Regulating Digital Currencies // Bitcoin Magazine. – 2015. June 20. – URL: <https://bitcoinmagazine.com/business/canadian-senate-says-no-regulating-digital-currencies-14347595>
5. How-Cryptocurrency-Is-Regulated-In-Canada. – URL: // https://www.gate.io/ru/blog_detail/1265/

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-20-24>

Токенизация произведений искусства и исключительное право¹

А. В. Гурко

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36
E-mail: a_gurko_work@mail.ru

Art Tokenization and Exclusive Rights

A. V. Gurko

PhD, Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: a_gurko_work@mail.ru

Аннотация

В 2022 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов)», предусматривающий расширение перечня охраняемой законом интеллектуальной собственности. Проект Федерального закона предполагает обеспечить правовую охрану экземпляров произведений искусства в виде невзаимозаменяемых NFT-токенов. В этой связи в настоящей статье рассмотрена правовая природа экземпляров произведений искусства в виде невзаимозаменяемых NFT-токенов. Автор отмечает, что создание и использование NFT-токенов произведений искусства охватывается исключительным правом на произведение, в то время как создание такого токена фактически не ведет к созданию нового результата интеллектуальной деятельности, в связи с чем введение данной правовой новеллы видится спорным. В то же время отмечается, что с 2019 г. в Российской Федерации развивается новый правовой институт цифровых прав, правовая природа которого представляется более близкой к отношениям по поводу владения и распоряжения экземплярами произведений искусства, записанных в виде невзаимозаменяемых токенов.

Ключевые слова: невзаимозаменяемый токен, авторское право, результаты интеллектуальной деятельности, право интеллектуальной собственности, оригинал произведения, экземпляр произведения, запись произведения в память программы для ЭВМ, распространение произведения, исчерпание права.

Abstract

In 2022, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation submitted a draft Federal Law "On Amendments to Article 1225 of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (in part of expanding the list of protected results of intellectual activity in the form of non-fungible tokens)", providing for the expansion of the list of legally protected intellectual property. The draft federal law proposes to establish legal protection for copies of works of art in the form of non-fungible NFT tokens. In this regard, this article discusses the legal nature of copies of works of art in the form of non-fungible NFT tokens. The author notes that the creation and use of NFT-tokens of works of art is covered by the exclusive right to the work, while the creation of such a token does not actually lead to the creation of a new result of intellectual activity, and therefore the introduction of this legal novel seems disputable. At the same time, it is noted that since 2019 a new legal institution of digital rights has been developing in the Russian Federation, which legal nature seems to be closer to relations regarding the ownership and disposal of copies of works of art recorded in the form of non-fungible tokens.

Keywords: non-fungible token, copyright, results of intellectual activity, intellectual property right, original of work, copy of work, recording of work in computer program memory, distribution of work, exhaustion of rights.

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проведенного при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-20415.

В последнее время монетизация различных цифровых объектов, таких как криптовалюты, токены и прочее, приобрела массовый характер. Эти активы могут вводиться в оборот по значительной стоимости. Вполне закономерно, что это привлекает внимание законодателя, который стремится урегулировать данные общественные отношения. В первую очередь государство предприняло попытки взять под контроль рынок криптовалют, так как многие предполагали, что они заменят традиционную финансово-денежную систему. Однако выпуск и коммерциализация произведений искусства в виде невзаимозаменяемых NFT-токенов тоже не остались без внимания законодательной власти.

Так, согласно проекту Федерального закона¹, предполагается внесение изменений в статью 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)², устанавливающую исчерпывающий перечень охраняемой в Российской Федерации интеллектуальной собственности. Его предлагается дополнить таким объектом, как невзаимозаменяемый токен.

В законе дается следующее определение нового объекта: «невзаимозаменяемый токен уникального цифрового актива (изображений, видео или другого цифрового контента или актива) в виде невзаимозаменяемых данных, хранящихся в системе распределенного реестра (системе блокчейн)». Помимо этого, законопроект никаких новаций не предполагает.

Согласно заключению Правового комитета Государственной Думы Федерального Собрания

Российской Федерации³, само по себе введение в часть 4 ГК РФ термина «невзаимозаменяемый токен цифрового актива» недостаточно для предоставления данному объекту правовой охраны, поскольку остаются неурегулированными такие вопросы, как срок действия исключительного права на токен как результат интеллектуальной деятельности, основания и порядок возникновения этого права, его продления, передачи, прекращения. В заключении также отмечены недостатки, связанные с юридической техникой.

Полагаем, что данные выводы являются оправданными и разумными. Правовая охрана и защита интеллектуальной собственности основывается на детальной регламентации режима ее видов, без которой отнесение любого нового нематериального объекта к интеллектуальной собственности лишено смысла.

Как отмечает Савина В. С., в настоящее время наблюдается существенное расширение круга субъектов и круга правомочий правообладателей и обусловленная этим трансформация круга природы объектов интеллектуальной собственности [1. – С. 133]. Нет оснований не согласиться с данным утверждением, однако, полагаем, расширение круга охраняемых объектов не должно происходить машинально.

Важно подчеркнуть, что правом интеллектуальной собственности как подотраслью гражданского права охраняются результаты интеллектуальной деятельности человека и приравненные к ним средства индивидуализации. И результаты интеллектуальной деятельности, и средства индивидуализации носят нематериальный характер, но системообразующими для права интеллектуальной собственности являются именно результаты интеллектуальной деятельности, поскольку для регулирования общественных отношений по поводу них данная сфера права и возникла. Результаты интеллектуальной деятельности всегда представляет собой продукт деятельности человеческого разума, творческой деятельности, приводящей к созданию некоего ново-

¹ Проект федерального закона № 126586-8 «О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов)». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8>.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая (принята Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ; введена в действие Федеральным законом Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52. – Статья 5496; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Статья 3301.

³ Заключение Правового комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации на Федеральный закон № 126586-8 «О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов)». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8>

го, вследствие чего особенно ценного продукта. В этом и кроется весь смысл правовой охраны интеллектуальной собственности – поощрение и стимулирование творческой деятельности человека, а также инвестиций в нее.

Средства индивидуализации результатами интеллектуальной деятельности не являются, они к ним приравнены. Средства индивидуализации можно назвать утилитарным объектом, поскольку их охрана связана с возможностью средств индивидуализации выполнять индивидуализирующую функцию. Нет индивидуализирующей функции у обозначения, нет правовой охраны. Поэтому, например, правовая охрана товарных знаков предоставляется в отношении определенных классов Международной классификации товаров и услуг (МКТУ), в отношении которых она выполняет индивидуализирующую функцию. При неиспользовании обозначения для индивидуализации товаров определенной категории правовая охрана товарного знака в отношении данной категории может быть прекращена. В качестве средств индивидуализации могут охраняться обозначения, являющиеся результатом творческой деятельности человека, а также не носящие творческий характер. Для выполнения индивидуализирующей функции творческий характер обозначений не играет роли и, соответственно, не имеет правового значения. Поэтому средства индивидуализации приравнены к результатам интеллектуальной деятельности, но таковыми не являются. Приравнивали их ввиду нематериального характера, поскольку для нематериальных объектов нет физических ограничений по их использованию (например, копированию), характерных для объектов вещных прав, что требует применения института исключительных прав.

В этой связи следует отметить, что при создании невзаимозаменяемых токенов произведений искусства создание нового результата интеллектуальной деятельности не происходит, а осуществляется запись уже существующих результатов в новой машиночитаемой форме, которая осуществляется по заранее известным алгоритмам программными средствами в автоматическом режиме. Это обуславливает нецелесообразность признания невзаимозаменяемых токенов произведений искусства самостоятельными и новыми результатами интеллектуальной деятельности.

Возникает вопрос: следует ли невзаимозаменяемые токены произведений искусства прирав-

нять к результатам интеллектуальной деятельности по аналогии со средствами индивидуализации? Полагаем, данное решение также имело бы существенные изъяны.

Несмотря на то что невзаимозаменяемый токен произведения искусства представляет собой нематериальный объект, по своей сути, он является уникальной зашифрованной записью цифрового экземпляра такого произведения, которая может быть только одна в своем роде. В связи с этим невзаимозаменяемый токен произведения искусства приобретает свойство, которое характерно для оригинала произведения искусства – он становится уникальной цифровой копией произведения искусства, единственной в своем роде и поэтому более ценной по сравнению с обычными цифровыми копиями, подлежащими легкому тиражированию. Ввиду отсутствия возможности легкого и неограниченного копирования (использования) появляются естественные ограничения в его использовании неограниченным кругом лиц, характерные для фактических ограничений по использованию оригинала произведения искусства как уникального материального объекта широким кругом лиц. Таким образом, нематериальность невзаимозаменяемого токена сводится к тому, что его нельзя никак осязать и использовать без использования специальных программных и аппаратных средств.

Таким образом, проявляется ранее обозначенная нами дихотомия тиражируемости и товарности произведений [1. – С. 49]. В условиях цифровой экономики проблемно осуществлять контроль за использованием тиражируемых (книги, музыка, программы для ЭВМ, фотографии, аудиовизуальные произведения и др.) произведений ввиду легкости их нелегального копирования и тиражирования. Соответственно, авторы и правообладатели стремятся найти новые способы извлечения прибыли из охраняемых произведений науки, литературы и искусства, которые предоставляют больше возможности для осуществления контроля за их использованием. Данные способы так или иначе связаны с приданием экземплярам произведений свойства товарности, что создает дополнительные физические ограничения для несанкционированного использования таких произведений. В свою очередь это побуждает пользователей неизбежно обращаться к авторам и правообладателям и лицензионным каналам дистрибуции.

Создание невзаимозаменяемых токенов, по своим характеристикам являющихся уникальными цифровыми копиями произведений, аналогично обороту оригиналов известных произведений искусства, которые, будучи единственными в своем роде, обладают огромной ценностью по сравнению с их копиями (экземплярами).

Тезис об уникальности цифровой копии произведения в виде невзаимозаменяемого токена также озвучивали Н. Г. Валеева и Г. Б. Хазиева, отмечая, что цифровая репродукция произведения науки, литературы и искусства становится уникальной, оригинальной в цифровой среде благодаря тому, что информация о таком объекте записывается и хранится в блокчейне [3. – С. 20].

Соответственно, нет оснований, чтобы приравнять этот объект к результатам интеллектуальной деятельности для целей правовой охраны по аналогии со средствами индивидуализации, поскольку установление новых объектов интеллектуальной собственности и новых режимов может быть обусловлено только появлением новых результатов интеллектуальной деятельности, которые не подпадают под один из уже существующих режимов (патентное, авторское право и др.), или нематериальных объектов, обладающих схожей правовой природой, определяющей применимость института исключительных прав (как в случае с недавним включением в список охраняемых средств индивидуализации географических указаний).

Поскольку при создании цифрового экземпляра произведения искусства в виде невзаимозаменяемого токена не происходит создания нового результата интеллектуальной деятельности, необходимо учесть, что таковые действия охватываются исключительным правом на такое произведение (если срок правовой охраны не истек).

Так, согласно подпункту 1 пункта 2 статьи 1270 части 4 ГК РФ, под воспроизведением произведения понимается изготовление одного и более экземпляра произведения или его части в любой материальной форме, в том числе в форме звуко- или видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного и более экземпляра двухмерного произведения и в двух измерениях одного и более экземпляра трехмерного произведения. В законоположении указано, что запись произведения на электронном носителе, в том числе запись в память ЭВМ, также считается воспроизведением. При этом важно понимать, что формат и иные технические характеристики такой записи

не имеют правового значения для квалификации действий по ее записи как воспроизведения произведения. Это проявление так называемой технологической нейтральности права интеллектуальной собственности. В этом случае правовая охрана предоставляется произведениям независимо от их технических характеристик и способов фиксации формы выражения, охватывает как существующие форматы, так и те, которые могут появиться в будущем.

Таким образом, создание экземпляра произведения искусства в виде невзаимозаменяемого токена охватывается исключительным правом на такое произведение, не влечет создания нового результата интеллектуальной деятельности, а только способствует появлению нового материального носителя произведения в особой форме. В этой связи введение нового объекта интеллектуальной собственности для регулирования отношений по поводу создания и использования такого токена нецелесообразно, поскольку по смыслу пункта 4 статьи 129 ГК РФ оборотоспособными являются не сами результаты интеллектуальной деятельности, а только права на них и их материальные носители, оборот которых опосредуется иными правовыми институтами, например, правом собственности и иными вещными правами.

Если произведение, экземпляр которого создается в форме невзаимозаменяемого токена, охраняется авторским правом и не перешло в общественное достояние, то его создание и использование должно осуществляться с соблюдением исключительного права правообладателя. Поскольку речь идет о специфичном, но всего лишь материальном носителе произведения, полагаем, что в полной мере применимы положения статьи 1272 ГК РФ, в соответствии с которой если оригинал или экземпляры произведения правомерно введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации путем их продажи или иного отчуждения, дальнейшее распространение оригинала или экземпляров произведения допускается без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения. То есть воспроизведение произведения в форме невзаимозаменяемого токена и его отчуждение должны осуществляться с согласия правообладателя, после чего владелец токена вправе самостоятельно распоряжаться данным токеном любым не противоречащим законом способом без согласия правообладателя.

Как отмечает О. А. Дворянкин, NFT по своей инфраструктуре можно назвать реестровой системой, т. е. в каждом токене вместе с файлом (информацией или точнее – произведением) закодирован набор прав, которыми покупатель вправе пользоваться [4. – С. 24]. В этой связи необходимо также понимать, что предоставляемый объем прав, информация о котором закодирована в токене, должен не противоречить требованиям законодательства. Так, следует считать ничтожной информацию о правах в токене, если она предусматривает переход личных неимущественных прав владельцу токена, которые неотчуждаемы и непередаваемы.

Как отмечено выше, невзаимозаменяемые токены произведений искусства представляют собой нематериальный объект, которым невозможно владеть, пользоваться и распоряжаться без специальных программно-аппаратных комплексов, что не дает рассматривать такие токены через призму вещных прав. Вместе с тем в гражданском праве с 2019 г. развивается институт цифровых прав, который, на наш взгляд, наиболее близок по правовой природе свойствам невзаимозаменяемых токенов.

Так, согласно статье 141.1 ГК РФ, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами ин-

формационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом, возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Полагаем, что невзаимозаменяемые токены, независимо от сферы их применения, подлежат рассмотрению и регулированию через призму цифровых прав. Данную точку зрения разделяют Ю. А. Крохина и В. А. Свечников [2]. Авторы отмечают, что некоторые цифровые права не нашли легитимации. Они указывают, что федеральными законами проигнорированы невзаимозаменяемые токены (NFT): они не соотносятся с юридическими признаками цифровых финансовых активов и не перечислены в составе утилитарных цифровых прав [2. – С. 86].

В связи с этим полагаем целесообразным для регулирования общественных отношений по поводу создания и использования невзаимозаменяемых токенов (причем, не только экземпляров произведений в форме невзаимозаменяемых токенов) не расширять систему охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, а развивать новый институт цифровых прав. Это было бы логичным шагом по развитию данного правового института в противовес размытию и без того не в полной мере устоявшихся границ.

Список литературы

1. Савина В. С. Эволюция концепции права интеллектуальной собственности: актуальные вопросы. – М. : Юрсервитум, 2019.
2. Гурко А. В. Правовая природа авторского права и смежных прав: диалектический аспект (часть 1) // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 7. – С. 45–50.
3. Валеева Н. Г., Хазиева Г. Б. Цифровые копии объектов авторских прав, хранящиеся в блокчейне // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 6. – С. 17–21.
4. Дворянкин О. А. NFT-технология – это революция или эволюция авторского права? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 6. – С. 21–28.
5. Крохина Ю. А., Свечников В. А. Гражданско-правовые способы распоряжения цифровыми правами: проблемы реализации и защиты // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2022. – № 3 (66). – С. 84–88.

Гражданско-правовая ответственность в сфере закупок: особенности применения

Л. Т. Кокоева

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой предпринимательского и трудового права,
Северо-Кавказского горно-металлургического института
(государственного технологического университета).

Адрес: ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет)»,
362021, Республика Северная Осетия-Алания, Владикавказ, ул. Николаева, д. 44.
E-mail: ltkokoeva@yandex.ru

Г. В. Станкевич

доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры
предпринимательского и трудового права, Северо-Кавказского горно-металлургического института
(государственного технологического университета);

ведущий научный сотрудник департамента координации научно-исследовательской
Адрес: ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет)»,
362021, Республика Северная Осетия-Алания, Владикавказ, ул. Николаева, д. 44.
E-mail: stankevich.g@yandex.ru

Civil Liability in the Field of Procurement: Application Features

L. T. Kokoeva

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Business and Labor Law,
of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University).

Address: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)",
44 Nikolaeva Street., Vladikavkaz, 362021, Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation.
E-mail: ltkokoeva@yandex.ru

G. V. Stankevich

Doctor of Political Sciences, PhD, Associate Professor, Professor of the Department of Business
and Labor Law of the North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University).

Address: North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University),
44 Nikolaeva Street, Vladikavkaz, 362021, Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation;
E-mail: stankevich.g@yandex.ru

Аннотация

В статье проведен анализ особенностей применения мер гражданско-правовой ответственности в сфере государственных закупок, раскрывается карательный характер гражданско-правовой ответственности, выявляются особенности применения гражданско-правовых санкций. Предметом исследования выступают гражданско-правовые нормы, регламентирующие особенности применения мер гражданско-правовой ответственности в сфере государственных закупок. В целях анализа выбранной проблематики использованы такие методы, как сравнительно-правовой, правовое моделирование, системный анализ. Научная новизна выбранной проблематики заключается в том, что в статье проведен анализ гражданско-правовых норм, регулирующих механизм применения мер гражданско-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязательств, предусмотренных государственным контрактом. Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы: гражданско-правовая ответственность, применяемая в сфере государственных и муниципальных закупок, представляет собой опосредованное правоотношение, возника-

ющее как следствие нарушения прав одной из сторон основных гражданско-правовых правоотношений другой стороной; гражданско-правовая ответственность обладает всеми признаками, свойственными гражданским правоотношениям; в сфере закупок применяются общегражданские меры гражданско-правовой ответственности, а именно: неустойка, взыскание убытков, взыскание процентов за неосновательное пользование чужими денежными средствами; гражданско-правовая ответственность в сфере закупок подразумевает наличие карательного элемента.

Ключевые слова: государственный контракт, гражданское правонарушение, деликтные отношения, поставщик, заказчик, неустойка, пени, санкции, штраф, вина.

Abstract

The article analyzes the features of the application of civil liability measures in the scope of public procurement, reveals the punitive nature of civil liability, identifies the features of the application of civil sanctions. The subject of the study is civil law provisions regulating the specifics of the application of civil liability measures in the field of public procurement. In order to analyze the selected issues, such methods as comparative legal, legal modeling, and system analysis were used. The scientific novelty of the chosen problem lies in the fact that the article analyzes the civil law provisions regulating the mechanism of application of civil liability measures for improper performance or non-performance of obligations stipulated by a state (public law) contract. The conducted research allows to formulate the following conclusions. Civil liability applied in the sphere of state and municipal procurement is an indirect legal relationship arising as a result of violation of the rights of one of the parties to the main civil legal relations by the other party. Accordingly, civil liability has all the features inherent in civil legal relations. In the field of procurement, general civil liability measures are applied, namely: penalty, recovery of losses, recovery of interest for unjustified use of other people's funds. Civil liability in the field of procurement implies the presence of a punitive element.

Ключевые слова: state contract, civil offense, tort relations, supplier, customer, penalty, penalties, sanctions, fine, guilt.

Традиционно в отечественной цивилистике выделяют позитивную и негативную юридическую ответственность. Источником первой является естественное право. Помимо этого, она тесно связана с такой категорией, как правосознание лица. В свою очередь вторая исходит из позитивного права и нормативности как основного свойства. Гражданско-правовая ответственность как разновидность юридической ответственности также подразделяется на позитивную и негативную.

Первостепенно законодатель гражданско-правовую ответственность трактует как негативную, т. е. ответственность, которая наступает для лица, уже совершившего правонарушение. Так как речь идет о фактически совершенном противоправном акте, то характер мер, применяемых к нарушителю, носит исключительно карательную функцию.

Действительно, в случае, когда речь идет, например, о договорной неустойке в рамках Федерального закона № 223-ФЗ¹, заказчик наделен изначально правом устанавливать процент пени или сумму штрафа по собственному усмотрению, руководствуясь исключительно принципами и

нормами гражданского законодательства, следовательно, в этом случае можно принимать такого рода неустойку в качестве карательной меры. Например, заказчик, работающий по Федеральному закону № 223-ФЗ, заключает по итогам конкурентной процедуры (в данном случае – электронного аукциона) договор на поставку товара (например, автотранспортного средства) на сумму 2 000 000,00 (два миллиона рублей 00 копеек). В проекте договора, являющемся приложением к извещению о проведении аукциона на поставку транспортного средства, заказчиком установлено условие о неустойке, в соответствии с которым поставщик уплачивает заказчику за несоблюдение сроков поставки товара неустойку (пени) в размере 3% цены договора за каждый день просрочки по день фактического исполнения обязательства (поставки товара). При заключении договора участник закупки не оспаривал посредством протокола разногласий указанное условие о неустойке. Допустим, что по вине поставщика в процессе исполнения договора были нарушены сроки поставки на 10 (десять) календарных дней.

По итогам поставки заказчиком в адрес поставщика выставлено требование (претензия) об уплате пени в размере 600 000,00 (шестьсот тысяч рублей 00 копеек).

Расчет пени заказчиком производился по следующей формуле:

¹ См.: Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 16 апреля 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30 (часть I). – Статья 4571.

$$С_n = С_t \cdot 0,03 \cdot КДП,$$

где $С_n$ – сумма неустойки;

$С_t$ – стоимость непоставленного товара;

КДП – количество дней просроченной поставки.

Таким образом, $С_n = 2\,000\,000,00 \cdot 0,03 \cdot 10 = 600\,000,00$ (рублей)

Предположим, что поставщик отказался уплатить пени в таком размере, притом что в последующем судебном разбирательстве судом сумма неустойки была уменьшена соразмерно допущенному нарушению, а именно 200 000,00 (две тысячи рублей 00 копеек).

Для поставщика назначенная судом сумма неустойки будет намного более приемлемой, чем первоначальная, однако, ее размер в любом случае существенен. Соответственно, уплата неустойки в таком размере для него является карательной мерой за нарушение условий договора на поставку транспортного средства, что, во-первых, обеспечит в дальнейшем стремление поставщика не нарушать сроков поставок товара по договорам и/или иных договорных обязательств, во-вторых, будет являться компенсацией ущерба, нанесенного заказчику поставщиком.

В случае если указанный пример перенести в сферу действия Федерального закона № 44-ФЗ¹, то ситуация в корне изменится. Для подобного контракта, заключенного согласно Федеральному закону № 44-ФЗ, неустойка будет законной, зафиксированной в тексте договора и ее размер будет исчисляться по формуле (изначально допускаем, что размер ключевой ставки Центрального банка на дату уплаты пени равен 7,5%)

$$П = СД \cdot ДП \cdot 1/300 \times С_{цб},$$

где $СД$ – сумма долга;

$ДП$ – количество дней просрочки;

$С_{цб}$ – размер ключевой ставки ЦБ на дату уплаты пени.

Таким образом, $П = 2\,000\,000,00 \cdot 10 \cdot 1/300 \cdot 7,5\% = 5\,000,00$ (рублей).

Для поставщика, ведущего предпринимательскую деятельность по торговле транспортными средствами, потеря в форме штрафной неустойки суммы в размере 5 000,00 (пять тысяч рублей

00 копеек) априори не может являться карательной мерой, скорее, ее можно отнести к незначительным производственным издержкам.

Иная ситуация наблюдается в части штрафов, размер которых установлен в Постановлении Правительства Российской Федерации № 1042². Так, за установленный факт нарушения обязательства по контракту в части, не связанной с нарушением сроков, например, в случае, если подрядчик перед началом ремонтных работ по условиям контракта обязан был к определенной в контракте дате осуществить полную закупку строительных материалов, стоимость и характеристики которых определены в сметном расчете, но не исполнил указанного обязательства, поставщик (подрядчик, исполнитель) в соответствии с пунктом 3 Правил, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации № 1042, обязан уплатить заказчику штраф в размере 10% от цены контракта (в случае, если цена контракта не превышает 3 (три) миллиона рублей).

В данном случае речь идет именно о конкретном нарушении обязательства по контракту, которое имеет стоимостное выражение в тексте контракта (в приведенном примере – в локальной смете или техническом задании). Соответственно, если цена контракта составляла, к примеру, 1 000 000,00 (один миллион рублей 00 копеек), то размер штрафа составит – 100 000,00 (сто тысяч рублей 00 копеек), что является весьма существенной финансовой санкцией для поставщика (подрядчика, исполнителя). При этом формула: чем выше цена контракта, тем выше размер штрафа, ограничена законодателем. Размер штрафа градуирован по фиксированным ценовым периодам. Так, в случае, если цена контракта превышает 3 (три) миллиона рублей, но меньше 50 (пятьдесят) миллионов, то размер

¹ См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 16 апреля 2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Статья 1652.

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 августа 2017 № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем)) о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1063» (ред. от 14 августа 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 36. – Ст. 5458.

штрафа устанавливается в виде фиксированной суммы, а именно 5% от цены контракта. В свою очередь если цена контракта составляет 3 000 000,00 (три миллиона рублей 00 копеек), то размер штрафа составит – 150 000,00 (сто пятьдесят тысяч рублей 00 копеек). В этом случае в определенном смысле поставщикам (подрядчикам, исполнителям) выгодно заключать более дорогостоящие контракты по Федеральному закону № 44-ФЗ.

При этом в рассмотренном случае, если заказчик будет взыскивать с подрядчика не штраф, а пени за нарушение сроков, установленных в контракте, в рамках которых последний должен был полностью закупить строительные материалы, то размер пени составит, например, за просрочку 30 календарных дней при условии, что размер ключевой ставки – 7,5%, а цена контракта 3 миллиона рублей – 22 500,00 (двадцать две тысячи пятьсот рублей 00 копеек). Более того, даже если взять для примера расчет пени на 16 марта 2022 г., когда размер ключевой ставки Центрального банка в первом полугодии 2022 г. достигал пиковых значений – 20%, размер неустойки за 30-дневную просрочку обязательств по контракту, цена которого составляет 3 миллиона рублей, составит 60 000,00 (шестьдесят тысяч рублей 00 копеек), что в любом случае в 2,5 раза меньше возможного 10%-ного штрафа за нарушение условия договора.

Таким образом, в большинстве случаев заказчик получает возможность выбрать санкции (пени или штраф), если условие договора имеет стоимостное значение, т. е. возможность выбрать компенсации. Несомненно, и в данном случае, как и в любом другом, для поставщика (подрядчика, исполнителя) остается возможность в судебном порядке снизить размер неустойки, если последствия нарушения для заказчика не соразмерны размеру неустойки. Однако это не так существенно. Важно иное: заказчик посредством выбора вида неустойки в определенных случаях способен регулировать уровень рутинного (карательного) элемента неустойки как меры гражданско-правовой ответственности. И в этом заключается, во-первых, свобода воли заказчика, во-вторых, доказательство того, что рутинность неустойки носит ограниченный характер, т. е. карательный элемент последней ограничен.

В рамках гражданского законодательства неустойка носит двойкий характер: она является санкцией, т. е. мерой гражданско-правовой от-

ветственности; способом обеспечения исполнения обязательств.

Как видно, изначально законодателем определено, что помимо карательного элемента неустойка, как и любая иная мера гражданско-правовой ответственности, включает обеспечительный элемент. Здесь необходимо вновь вспомнить о том, что юридическая ответственность, в том числе гражданско-правовая, может быть негативной и позитивной, т. е. по сути, юридическая ответственность любого вида одновременно всегда является и негативной, и позитивной. Указанное обусловлено тем, что в рамках здорового правосознания лицо будет препятствовать применению по отношению к себе санкций гражданско-правовой ответственности, избегая совершения противоправных поступков, но может и совершить их именно осознанно, вступая тем самым в активные правоотношения ответственности. Соответственно, во-первых, неустойка, как любая иная мера гражданско-правовой ответственности, включает в себя нравственно-волевой элемент, что является основной предпосылкой позитивной ее формы, во-вторых, что логично следует из предыдущего утверждения, характер гражданско-правовой ответственности полностью определяется свободой воли и выбора сторон.

Любое лицо, физическое или юридическое (последнее через своих представителей) несет ответственность за свои действия, а также за свой свободный выбор и последствия последнего. При этом границы свободы воли и выбора определяют собственно границу ответственности. Например, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) нарушены установленные государственным контрактом сроки поставки товара (выполнения работы, оказания услуги) ввиду действия подтвержденных и доказанных обстоятельств непреодолимой силы, соответственно, поставщик (подрядчик, исполнитель) будет освобожден от ответственности в виде санкций, так как был лишен в своих действиях свободы выбора и нарушил сроки исполнения обязательств по контракту вынужденно.

Таким образом, границы свободы воли и выбора лица нарушены, как нарушены и границы ответственности, т. е. ничтожность первого влечет за собой ничтожность последнего. Основным критерием ничтожности в таком случае будет отсутствие противоправности в совершенном деянии.

Возвращаясь к рассмотренному примеру о размере штрафа для поставщиков (подрядчиков,

исполнителей), установленном в Правилах, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации № 1042, необходимо отметить следующее. Приведенный пример затрагивал меру ответственности за нарушение обязательств по контракту, которое имеет стоимостное выражение. Законодателем предусмотрено ограничение, позволяющее пресекать злоупотребление правом со стороны заказчиков, а именно: в соответствии с пунктом 6 Правил, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации № 1042, за нарушение поставщиком обязательств по контракту, не выраженных в стоимостном значении, поставщик уплачивает заказчику штраф в размере 1 000,00 (одна тысяча рублей 00 копеек) в случае, если цена контракта меньше 3 (три) миллионов рублей; 5 000,00 (пять тысяч рублей 00 копеек) при цене контракта в пределах от 3 (три) до 50 (пятьдесят) миллионов рублей; 10 000,00 (десять тысяч рублей 00 копеек) при цене контракта в пределах от 50 (пятьдесят) до 100 (сто) миллионов рублей; 100 000,00 (сто тысяч рублей 00 копеек) при стоимости контракта от 100 (сто) миллионов рублей.

Так, если, по условиям контракта, заключенного по Федеральному закону № 44-ФЗ, исполнитель обязан был согласовать с заказчиком цветопробу до тиражирования брошюр, но не сделал указанного, а цена контракта составляла 1 000 000 (один) миллион рублей, то заказчик обязан взыскать с исполнителя штраф в размере 1 000 (одна) тысяча рублей. Подобный размер штрафа нельзя считать карательной мерой, одновременно он не несет в себе и обеспечительных мер. Последнее обусловлено первостепенно тем, что нарушение, описанное в приведенном примере, будет иметь для заказчика последствия более серьезные, чем мера обеспечения их исполнения. Издание брошюр, цветовое решение и качество исполнения которых не соответствует требованиям технического задания, т. е. ожиданиям заказчика, его потребностям и условиям контракта, приведет к тому, что итоговый результат оказания услуг поставщиком, собственно выпущенные брошюры, будут непригодны для дальнейшего использования заказчиком. При этом несмотря на то, что в приведенном примере уровень карательного и обеспечительного элемента неустойки будет минимальным, ведущую роль будет играть именно нравственно-волевой элемент. Последнее обусловлено, во-первых, тем, что в итоге более всего пострадает деловая ре-

путация исполнителя. В свою очередь низкий уровень деловой репутации может в последующем привести к нежеланию конкретного заказчика и связанных с ним заказчиков сотрудничать с данным исполнителем. Речь, конечно же, идет о заключении договоров с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), так как в случае конкурентных закупок заказчики лишены законной возможности препятствовать заключению контракта. При этом в настоящий момент ввиду сложившейся политико-экономической ситуации процент закупок с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) лишь возрастает, соответственно, у контрагентов с низким репутационным уровнем повышаются предпринимательские риски и сокращаются предпринимательские возможности.

Во-вторых, сама процедура закупок подразумевает, что большинство контрактов по Федеральному закону № 44-ФЗ и договоров по Федеральному закону № 223-ФЗ (за исключением «малых» закупок) публикуются в ЕИС, и заказчики обязаны отмечать при публикации сведений об исполнении контракта/договора информацию о применении к поставщику (подрядчику, исполнителю) штрафных санкций. Такие контракты/договоры в последующем в определенном смысле будут считаться бракованными по смыслу ЕИС и законодательства о закупках. Например, в соответствии с пунктом 1 части 18 статьи 22 Федерального закона № 44-ФЗ, заказчики обязаны использовать для обоснования начальной (максимальной) цены контракта в случаях, предусмотренных законом, общедоступную информацию, в том числе информацию о ценах товара, услуг или работ из контрактов, размещенных в ЕИС, при условии, что последние полностью исполнены (т. е. их исполнение завершено, а не прекращено) и что по ним не взыскивалась неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. Соответственно, сведения о неустойках в ЕИС также снижают репутационный уровень поставщиков (подрядчиков, исполнителей) [1. – С. 86]. Например, в соответствии с частью 8.1 статьи 96 Федерального закона № 44-ФЗ поставщик (подрядчик, исполнитель), являющийся субъектом малого и среднего предпринимательства, если условиями закупки была предусмотрена принадлежность к данной категории участников закупки, освобождается от предоставления обеспечения исполнения контракта посредством подтверждения своей поло-

жительной репутации и добросовестности. Подтверждение репутации достигается предоставлением сведений о трех контрактах, размещенных в ЕИС, заключенных в течение трех последних лет (с момента необходимости подтвердить репутационный статус), стороной которых является участник, подтверждающий свою репутацию, при условии, что указанные контракты исполнены и по ним не применялись неустойки в отношении лица, подтверждающего репутацию. Соответственно, сведения о применении неустойки к конкретному поставщику (подрядчику, исполнителю) в рамках контракта, размещенного в ЕИС, ограничивают возможности такого контрагента в системе государственных и муниципальных закупок и одновременно снижают его репутационный уровень [2. – С. 64].

В таком случае нравственно-волевой элемент гражданско-правовой ответственности напрямую связан с деловой репутацией. И здесь можно говорить как о репутации поставщиков (подрядчиков, исполнителей), так и репутации заказчиков, поскольку заказчик, обладающий низким репутационным статусом, например, к которому регулярно за нарушение сроков оплаты применяются неустойки, или заказчик, злоупотребляющий претензионной и исковой работой, чрезмерно придирчивый к контрагенту, попадает в ситуацию

обратного черного списка, когда контрагенты будут сознательно избегать участия в закупках такого заказчика [3. – С. 404].

Таким образом, именно свобода воли и выбора является основополагающим принципом гражданско-правовой ответственности. И если Федеральный закон № 44-ФЗ, будучи регламентным законом, целенаправленно ограничивает свободу воли, выбор сторон закупочной системы, диапазон содержания гражданско-правовой ответственности, то в рамках действия гражданского законодательства и Федерального закона № 223-ФЗ указанный принцип выражен наиболее ярко.

Итак, по нашему мнению, гражданско-правовая ответственность подразумевает наличие трех взаимодействующих элементов: карательного, обеспечительного и нравственно-волевого. При этом карательный элемент не может являться базисным свойством, его, скорее, целесообразно отнести к целевым, как и обеспечительный. Фундаментом гражданско-правовой ответственности, правоотношений ответственности является исключительно нравственно-волевой компонент, в основе которого лежит принцип свободы воли и выбора, а также принцип добросовестности. Последний в свою очередь определяют поступки лица, его законопослушность или деликтность его поведения.

Список литературы

1. Жданова Н. С. Неустойка как мера гражданско-правовой ответственности в государственных контрактах // Вестник магистратуры. – 2022. – № 3–2 (126). – С. 85–88.
2. Петрухина Н. В. Особенности привлечения к ответственности за нарушение законодательства в сфере закупок // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения : сборник статей 11-й Международной научно-практической конференции. – Курск, 2021. – С. 63–67.
3. Рыжков В. А. Особенности ответственности сторон государственного (муниципального) контракта : Международное и национальное право в условиях интеграции правовых систем : сборник материалов Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н. И. Петренко. – Чебоксары, 2022. – С. 403–407.

Признание права собственности в порядке приобретательной давности: проблемы судебной практики¹

А. А. Мартынова

аспирант кафедры гражданского права

Московского государственного юридического университета

имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет

имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»,

123001, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9.

Email: merelery@gmail.com

Recognition of Property Rights by Virtue of the Rules of the Acquisitive Prescription: Problems of Judicial Practice

A. A. Martynova

Postgraduate Student of the Civil law Department of MSAL.

Address: Kutafin Moscow State Law University, 9 Sadovaya-Kudrinskaya Street,

Moscow, 125993, Russian Federation.

E-mail: merelery@gmail.com

Аннотация

Автором статьи проведено исследование результатов практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов по делам о приобретении права собственности в силу действия норм приобретательной давности за 2020–2021 гг. Целью проведенного автором анализа является разрешение научной гипотезы об учете либо отсутствии учета правовых позиций, выработанных российской судебной практикой, на проект реформы института приобретательной давности. Методологическую основу исследования составили синтез, сравнительно-правовой, технико-юридический, формально-логический анализ. Выявлены особенности и проблемы процесса признания права собственности на жилые помещения, иные объекты недвижимости и движимые вещи в порядке приобретательной давности. Кроме того, определены дефекты механизма защиты прав давностного владельца, имеющие процессуальный характер, предложены варианты их устранения. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу об отсутствии учета правовых позиций, выработанных в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов по делам о приобретении права собственности в порядке приобретательной давности при подготовке проекта российской реформы института приобретательной давности.

Ключевые слова: вещное право, концепция развития законодательства о вещном праве, реформа вещного права в России, проблемы реформирования института приобретательной давности, давностное владение; приобретение права собственности; регистрация прав на недвижимость.

Abstract

The author of the article has conducted a study of the results of the practice of courts of general jurisdiction and arbitration courts in cases of acquisition of property rights by virtue of the rules of the acquisitive prescription for 2020–2021. The purpose of the analysis is to resolve the scientific hypothesis of the accounting of the legal positions developed by the Russian court practice on the project of acquisition prescription reform. The methodological basis of the study were analysis, synthesis, comparative legal, technical-legal, formal-logical methods. The author identifies the features and problems of the process of recognizing the ownership of residential premises, other real and movable property in the order of acquisition prescription. In addition, the author identified defects in the mechanism of property rights protection, which have a procedural nature, and

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-311-90076 «Концепция реформирования института приобретательной давности».

proposed options for their elimination. As a result of the analysis, the author concludes the absence of consideration of the legal positions developed in the practice of courts of general jurisdiction and arbitration courts in cases of acquisition of property rights in the order of the acquisitive prescription.

Keywords: property law; the concept of the development of legislation on property law; reform of property law in Russia; problems of reforming the institution of the acquisitive prescription; possession by prescription; recognition of ownership of residential premises; registration of rights to real estate.

Предстоящая реформа российского вещного права¹ уже на протяжении нескольких лет предлагает основания для научных изысканий современных ученых-цивилистов. Стоит отметить, что анализ материалов судебной практики, примененный как основной метод исследования в настоящей статье, в целом не нов, однако нацелен на дифференцированное изучение результатов деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов, поскольку необходимо установление специфики и проблем в процессе рассмотрения судами общей юрисдикции дел о признании права собственности на жилые помещения и определение особенностей приобретения права собственности на другие объекты недвижимости в ходе рассмотрения дел арбитражными судами.

В результате анализа судебной практики предполагается:

1. Произвести сравнительное исследование процесса приобретения права собственности на жилые помещения и другие виды недвижимого имущества в силу приобретательной давности исходя из результатов анализа судебной практики.

2. Установить проблемы порядка признания права собственности на недвижимое имущество в порядке приобретательной давности в судебном порядке и предложить пути их решения.

3. Выявить проблемы признания права собственности на движимые вещи в порядке приобретательной давности, предложить способы их решения.

4. Выявить дефекты механизма защиты прав давностного владельца, аргументировать способы его совершенствования.

Для анализа в рамках настоящего научного исследования были взяты судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанции Московского региона, принятые в порядке гражданского и арбитражного судопроизвод-

ства за 2020–2021 гг., размещенные в СПС «КонсультантПлюс».

Так, в рассматриваемый период по категории споров о приобретении права собственности в силу действия приобретательной давности Московским городским судом было принято 112 судебных постановлений², Московским областным судом – 3 судебных постановления, Вторым кассационным судом – 53 судебных постановления, Первым кассационным судом – 64 судебных постановления, Девятым арбитражным апелляционным судом – 70 судебных постановлений, Десятым арбитражным апелляционным судом – 19 судебных постановлений, Арбитражным судом Московского округа – 22 судебных постановления.

Суммарное количество принятых судебных постановлений судами общей юрисдикции (232) и арбитражными судами (111) свидетельствует, на наш взгляд, о направленности института приобретательной давности на защиту интересов, в первую очередь, физических лиц.

Кроме того, в результате анализа материалов судебной практики были выделены отдельные особенности, которыми обладает процесс приобретения права собственности на жилые помещения на основании норм о приобретательной давности.

Так, выявлено, что споры о правах на жилые помещения возникают из наследственных и обязательственных правоотношений.

В случае рассмотрения споров о праве собственности на жилое помещение, возникших из наследственных правоотношений, были выявлены следующие основания для предъявления исковых заявлений о признании права собственности на жилое помещение на основании норм о приобретательной давности:

- несвоевременное оформление прав наследниками на наследственное имущество;

¹ Концепция развития законодательства о вещном праве. – URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/konceptsiya1/> (дата обращения: 12.04.2022).

² Цифры приведены по состоянию на 13 мая 2022 г. согласно картотеке поиска судебных дел СПС «КонсультантПлюс».

— отсутствие надлежащего оформления права собственности наследодателя на наследственное имущество.

В рамках рассмотрения данной категории споров, как правило, предъявляются встречные иски от органов исполнительной власти субъектов, в полномочия которых входят функции по управлению и распоряжению недвижимым имуществом (в Москве – Департамент городского имущества города Москвы). Правовая позиция указанных органов власти исходит из необходимости признания спорных жилых помещений выморочным имуществом ввиду отсутствия фактического вступления в права наследования; наследников по закону и по завещанию после смерти наследодателя; открытых наследственных дел к имуществу умерших; информации о смерти одиноко проживавших наследодателей, повлекшее промедление в оформлении права собственности.

Вместе с тем стоит отметить, что 94% (33 из 35 судебных постановлений) разрешенных Московским городским судом споров о признании права собственности в силу приобретательной давности, возникших из наследственных правоотношений, рассмотрены в пользу граждан.

При разрешении рассматриваемой подкатегории споров в большинстве своем суды указывают на длительное непроявление интереса к потенциально выморочному имуществу, что указывает на фактический отказ от права собственности, устранение от действительного владения спорным объектом и содержания им. Кроме того, суды приводят следующие доводы, обосновывая наличие оснований для признания права собственности на основании приобретательной давности:

— добросовестность при исполнении возложенных на публично-правовое образование обязанностей заключается в принятии им своевременных мер по принятию во владение выморочных квартир. Между тем до обращения в суд уполномоченный орган власти в течение более 26 лет право собственности на спорное имущество не оформлял, не заявлял своих прав на недвижимое имущество и не выражал к нему интереса как к своему собственному, каких-либо действий и мер по содержанию данной квартиры не

предпринимал, законность владения не оспаривал¹;

— ответчиком не представлено каких-либо доказательств, свидетельствующих о том, что им принимались меры по регистрации права собственности на спорное имущество в виде доли в квартире, равно как не представлено доказательств несения бремени содержания спорного имущества. Названные обстоятельства объективно свидетельствуют о длительном бездействии публично-правового образования как участника гражданского оборота, не оформившего в разумный срок право собственности²;

— публично-правовое образование, обладающее исключительной компетенцией в части учета имущества, учета места пребывания и места жительства граждан, а также регистрации актов гражданского состояния, в том числе регистрации смерти граждан, должно и могло быть проинформировано о выявлении имущества, обладающего признаками выморочности, однако в течение более 15 лет публично-правовое образование не подавало исков об истребовании имущества, что в том числе является законным основанием к его утрате³;

— обстоятельство того, что спорная доля в праве собственности на квартиру обладает признаками выморочного имущества и считается принадлежащей Российской Федерации в силу закона, само по себе не может быть исключением для применения норм статьи 234 ГК РФ. Кроме того, указанное обстоятельство не может служить подтверждением недобросовестного владения квартирой, так как владение осуществлялось на основании права общей долевой собственности. Данные о том, что компетентные органы государственной власти, получившие выморочное имущество в виде спорной доли, проявляли какой-либо интерес к указанной доле в праве собственности, принадлежащей Российской Федерации, а впоследствии переданной в оперативное управление, совершали какие-либо действия по владению, пользованию и содержанию, не были представлены в суды ни одной из инстанций. Оформление выморочного имущества в

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 30 сентября 2021 г. по делу № 33-40065/2021.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 2 октября 2020 г. по делу № 33-38480/2020.

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 10 августа 2020 г. по делу № 33-19475/2020.

собственность и издание распорядительных актов о передаче имущества в оперативное управление, по мнению судебной коллегии, не свидетельствует о том, что собственник доли не устранился от владения указанной долей¹.

Таким образом, судебная практика исходит не только из необходимости доказывания добросовестности своего давностного владения лицом, предъявившим иск о признании права собственности на основании приобретательной давности, но и рассмотрения поведения публично-правового образования через призму критерия добросовестности и доктрину разумных ожиданий. Кроме того, исходя из анализа результатов судебной практики нами не было замечено тенденции к снижению значимости указанного критерия либо появлению каких-либо альтернативных признаков, предполагаемых к замене критерия добросовестности при рассмотрении споров о праве собственности в силу приобретательной давности. Между тем предусмотренные пунктом 1 статьи 242 Проекта изменений в ГК РФ² признаки приобретательной давности не включают указанный критерий в качестве необходимого.

Стоит подчеркнуть, что в судебных постановлениях, как правило, указывается о том, что основанием для внесения изменений в запись Единого государственного реестра прав на недвижимость является настоящее решение суда, следовательно, одного только истечения срока приобретательной давности недостаточно для возникновения права собственности. Вместе с тем из пункта 3 статьи 243 Проекта изменений в ГК РФ следует, что основанием для возникновения права собственности в силу приобретательной давности достаточно соответствия владения критериям открытости и непрерывности с момента истечения срока приобретательной давности.

Указанные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии учета правовых позиций отечественной судебной практики при подготовке реформы института приобретательной давности.

В случае рассмотрения споров о праве собственности на жилое помещение, в основе которых лежат обязательственные правоотношения, основанием для подачи исков о признании права собственности на жилое помещение в силу приобретательной давности являются:

- отсутствие регистрации договоров купли-продажи/мены спорного жилого помещения ввиду различных причин (незнания процедуры надлежащего оформления права собственности, смерти/пропажи продавца);

- вселение членом семьи в жилое помещение на основании договора безвозмездного пользования.

В процессе рассмотрения указанной подкатегории споров также предъявляются встречные иски публично-правового образования о признании спорного имущества выморочным, либо устанавливается факт своевременного оформления права собственности на выморочное имущество.

Анализ результатов судебной практики указанной подкатегории свидетельствует о том, что 50% судебных постановлений вынесено в пользу граждан, удовлетворены требования о признании права собственности на основании давностного владения, в 50% споров суд пришел к выводу об отказе в удовлетворении соответствующих требований.

Так, при рассмотрении гражданского дела № 33-1386/2021 Московский городской суд принял во внимание факт вселения истца в спорное жилое помещение бабушкой, которая наделила его правом пользования спорной квартирой. То обстоятельство, что истец продолжает проживать в спорном жилом помещении, оплачивает жилищно-коммунальные услуги, поддерживает жилое помещение в надлежащем состоянии, не подтверждает возникновения у него права собственности на основании приобретательной давности, так как указанные правоотношения возникли из права пользования квартирой, которым наделила истца его бабушка. Для приобретения права собственности в силу приобретательной давности владение имуществом как своим собственным свидетельствует об осуществлении владения не по договору, в связи с чем нормы статьи 234 ГК РФ не подлежат применению при осуществлении владения на основании договор-

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 6 августа 2020 г. по делу № 33-2072/2020, 2-1406/2019.

² Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URK: <http://privlaw.ru/codification/material-works/amendments-to-the-civil-code-of-rf/>

ных обязательств (договор безвозмездного пользования – не исключение)¹.

При рассмотрении гражданского дела № 33-15930/2021 Московский городской суд установил факт своевременного оформления права собственности города Москвы на выморочную квартиру, указал, что истец не приобрел право собственности на спорное имущество по договору мены, в соответствии с которым истец передала принадлежащую ей комнату. Таким образом, у истца не имелось правовых оснований для проживания на спорной жилой площади без наличия какого-либо соглашения между сторонами сделки².

В рамках рассмотрения другого дела Московский городской суд указал, что совершенная в надлежащей форме сделка, но не прошедшая государственной регистрации, выразила волю правообладателя недвижимого имущества на его отчуждение и явилась предпосылкой для возникновения владения истцом данным имуществом. Вступление истца во владение спорной квартирой не было противоправным, совершено правомерными действиями путем заключения сделки. Получая во владение спорную квартиру, истец достоверно был осведомлен о наличии законных оснований для возникновения права собственности на данную квартиру. На момент заключения договора продажи и передачи спорной квартиры во владение истцу права иных лиц, кроме истца, на спорное имущество, отсутствовали. Между тем до обращения истца с настоящим иском в суд публично-правовое образование в течение более 26 лет право собственности на спорное имущество не оформляло, не заявляло прав на недвижимое имущество и не выражало к нему интереса как к своему собственному, иных действий и мер по содержанию имущества не предпринимало, вопроса о законности владения не поднимало.

В связи с длительным бездействием публично-правовое образование не предприняло, согласно требованиям разумности и осмотрительности при осуществлении контроля над выморочным имуществом, своевременных мер по его выявлению и регистрации права собственности,

что не соответствует принципу добросовестности (ст. 1 и ст. 10 ГК РФ), распространяющемуся на всех участников гражданского оборота, в том числе и на публично-правовые образования³. Аналогичные выводы были приведены Московским городским судом при рассмотрении гражданского дела № 33-45076/2021⁴.

Отдельно стоит выделить следующие основания возникновения споров о праве собственности в силу приобретательной давности на жилое помещение, в рамках разрешения которых суды приходят к выводу об отказе в удовлетворении соответствующих требований граждан:

— так называемые самозахваты имущества, т. е. занятие жилого помещения без правоустанавливающих документов (при рассмотрении дела № 33-31527/2020 Московский городской суд указал, что нормы о приобретательной давности в рассматриваемом случае также не подлежат применению ввиду того, что владение в силу приобретательной давности означает именно отсутствие правового основания владения, в то время как истец связывает свое право на спорное имущество с предоставлением этого помещения прежним собственником⁵. При рассмотрении другого дела Московский городской суд отметил, что нельзя утверждать о неосведомленности истца по первоначальному иску о нахождении спорной квартиры в собственности города Москвы, что бесспорно означает исключение признака добросовестности последующего владения и признака об осуществлении владения имуществом как своим для целей приобретательской давности. Кроме того, не представлено доказательств законности вселения в спорное жилое помещение, что свидетельствует о самоуправном занятии спорного жилого помещения. Отсутствие добросовестности владения признается достаточным основанием для отказа в удовлетворении иска ввиду того, что в таком случае не имеется совокупности всех признаков, закрепленных в ст. 234 ГК РФ)⁶;

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 28 января 2021 г. по делу № 33-1386/2021.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 20 апреля 2021 г. по делу № 33-15930/2021.

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 30 сентября 2021 г. по делу № 33-40065/2021.

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 30 ноября 2021 г. по делу № 33-45076/2021.

⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 августа 2020 г. по делу № 33-31527/2020.

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 15 июня 2020 г. по делу № 33-1218/2020.

— неисполнение обязательства по освобождению квартиры, возникшее вследствие получения компенсации за изъятие для государственных нужд либо вследствие обеспечения другим жилым помещением в рамках жилищного учета (например, Московский городской суд при рассмотрении гражданского дела № 48830/2021 пришел к выводу, что владение матерью истца после 1991 г. (с момента предоставления квартиры вследствие изъятия земельного участка), и в последующем владение истцом указанной долей в праве собственности на жилой дом, не является добросовестным, поскольку после предоставления жилого помещения мать истца была обязана освободить занимаемое жилое помещение, чего не сделала)¹.

Переходя к рассмотрению споров о праве собственности в силу приобретательной давности в отношении иных объектов недвижимости (здания, строения, гаражи, подвалы, земельные участки), стоит отметить возможность их рассмотрения как в порядке гражданского, так и арбитражного судопроизводства (соответственно, в зависимости от правового положения инициатора спора). При этом процент решений об отказе в удовлетворении исковых требований, вынесенных в порядке арбитражного судопроизводства, на 9% больше соответствующих судебных постановлений судов общей юрисдикции (79% против 70% соответственно).

Вместе с тем исходя из анализа результатов судебной практики приходим к выводу о непопулярности рассмотрения споров о правах на земельные участки и гаражи/машино-места в рамках арбитражного судопроизводства: 19 рассмотренных Московским городским судом и Московским областным судом дел о правах на земельные участки против 4 дел, рассмотренных Девятым арбитражным апелляционным судом; 11 рассмотренных Московским городским судом и Московским областным судом дел о праве на гаражи/машино-места против 3 дел, рассмотренных Девятым и Десятым арбитражными апелляционными судами.

При этом если в арбитражной практике не имеется судебных постановлений о признании права собственности на основании приобретательной давности на земельный участок/

гараж/машино-место, то в практике судов общей юрисдикции результаты в рассматриваемый период времени сложились следующим образом: в отношении прав на земельные участки 89% споров разрешены с выводом об отказе в признании соответствующего права (17 дел из 19); в отношении прав на гаражи/машино-места 55% судебных постановлений вынесены об отказе в признании права (6 дел из 11).

В данной категории споров были выявлены следующие проблемы при рассмотрении иска о признании права собственности:

1. Подача иска о признании права собственности в отношении земельного участка, не поставленного на кадастровый учет, не сформированного и не выделенного надлежащим образом, что означает невозможность рассмотрения такого земельного участка в качестве объекта земельно-правовых отношений, и, соответственно, невозможность признания на него права собственности в силу приобретательной давности².

2. Преждевременность заявленных требований о признании права собственности на земельный участок в отсутствие попыток соблюдения процедуры регистрации соответствующего права в установленном законом порядке, что означает отсутствие нарушения права, требующего судебной защиты, а также попытку подмены деятельности уполномоченных органов³.

3. Подача иска о признании права собственности на земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена.

Основаниями для отказов таких исков указываются следующие:

— в действующем земельном законодательстве закреплена презумпция принадлежности

² Апелляционное определение Московского областного суда от 13 января 2020 г. по делу № 33-1766/2020, Апелляционное определение Московского городского суда от 14 декабря 2020 г. по делу № 33-420938/2020, 2-532/2020, Апелляционное определение Московского городского суда от 26 июля 2021 г. по делу № 33-29929/2021, Апелляционное определение Московского городского суда от 22 июля 2021 г. по делу № 33-29682/2021, Апелляционное определение Московского городского суда от 6 июля 2021 г. по делу № 33-27260/2021, Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-415685/2020, 2-4941/2019.

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 9 июня 2021 г. № 09АП-21445/2021-ГК по делу № А40-100158/2020, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 июля 2020 г. № 09АП-1636/2020 по делу № А40-55977/2019.

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 2 декабря 2021 г. по делу № 33-48830/2021.

земель государству, основанием для возникновения права собственности на земельные участки является решение органов государственной власти или органов местного самоуправления, принятые в рамках их компетенции. Поэтому в отношении спорных объектов гражданских правоотношений не подлежат применению положения статьи 234 ГК РФ о приобретении земли в собственность на основании давности владения¹;

— согласно перечню оснований, в силу которых гражданин обладает правом на приобретение земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, такое основание, как приобретательная давность, не закреплено².

При этом способами разрешения первой и второй проблем при подготовке потенциально успешной правовой позиции по спору о признании права собственности на земельные участки на основании давностного владения могут быть следующие: соблюдение установленных законом процедур по формированию границ земельного участка, постановке на кадастр с целью возможности его дальнейшей идентификации в качестве объекта гражданского права, а также обращение за регистрацией права собственности во внесудебном порядке (при этом обладая правом на обжалование отказа в регистрации соответствующего права).

При рассмотрении споров о правах на здания/строения/иные нежилые помещения в порядке арбитражного судопроизводства стоит отметить следующие особенности:

— основания отказов в удовлетворении соответствующих исковых требований (а именно предъявление требований к ненадлежащему ответчику либо избрание ненадлежащего способа защиты права³);

— заявление требований в порядке особого производства (а именно об установлении факта

добросовестного, открытого и непрерывного владения⁴).

Необходимо отметить, что защита права собственности традиционно предполагает механизмы материального (конституционно-правовой механизм, предоставление компенсаций во внесудебном порядке, самозащита) и процессуального характера (предъявление вещно-правовых исков [1; 2. – 34; 3; 4. – С. 15; 5. – С. 195], исков о признании права, исков об освобождении от ареста и проч.).

Полагаем, что выявленные в результате настоящего анализа судебной практики основания для отказов в удовлетворении исков о признании права собственности на основании приобретательной давности (предъявление исков к ненадлежащему ответчику и выбор ненадлежащего способа защиты) следует отнести к дефектам механизма защиты прав давностного владельца, носящим процессуальный характер.

Суд, мотивируя основание для отказа в удовлетворении требования о признании права собственности в силу приобретательной давности, как правило, подчеркивает недопустимость подмены деятельности органов государственной власти. Например, в деле № А41-111140/2019 Десятый арбитражный апелляционный суд указал, что права на заявленный истцом объект, не являются предметом спора со стороны какого-либо лица, равно как отсутствует регистрация права на указанный объект за другим лицом. Следовательно, при отсутствии спора достаточность сведений для заключения о возникновении прав в результате реконструкции объекта должен установить непосредственно уполномоченный на то орган, поскольку суд не вправе подменять полномочия иных госорганов в ситуации, когда не имеется основания для вывода о том, что единственным способом реализации субъективных имущественных прав является судебное решение⁵.

В свою очередь суд указывает на избрание ненадлежащего способа защиты нарушенного пра-

¹ Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-27876/2020, Апелляционное определение Московского городского суда от 8 июня 2021 г. по делу № 33-22664/2021.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 2 сентября 2021 г. по делу № 33-35067/2021.

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 августа 2021 г. № 09АП-41354/2021 по делу № А40-210232/2019.

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2020 г. № 09АП-3479/2020-ГК, 09АП-3480/2020-ГК по делу № А40-7148/2019, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 ноября 2020 г. № 09АП-44867/2020 по делу № А40-270250/2019.

⁵ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 30 сентября 2020 г. № 10АП-8044/2020 по делу № А41-111140/2019.

ва, поскольку достаточность сведений для заключения о возникновении прав в результате создания/приобретения объекта при отсутствии спора должен определить непосредственно регистрирующий орган, и истцы не лишены возможности на обращение в орган государственной регистрации, кадастра и картографии за осуществлением учетно-регистрационных действий в отношении спорных объектов недвижимого имущества¹.

Наконец, необходимо рассмотреть специфику возникновения права собственности на движимые вещи на основании приобретательной давности.

Прежде всего стоит отметить, что признание права собственности на движимую вещь в судебном порядке происходит достаточно редко – 0,02% – 5 дел из 343 дел, рассмотренных как в порядке гражданского, так и арбитражного судопроизводства.

Споры о праве собственности в порядке приобретательной давности на движимые вещи возникают из наследственных и обязательственных правоотношений (при этом решений о признании соответствующего права на движимую вещь в рассматриваемый период времени не принималось).

Так, Арбитражным судом Московского округа было рассмотрено дело № А40-69759/2020 по иску международной общественной организации «Международный центр Рерихов» к ФГБУК «Государственный музей искусства народов Востока» об истребовании из незаконного владения ответчика 518 картин, эскизов, рисунков, обосновывая наличие права собственности также тем, что спорное движимое имущество принадлежит на основании приобретательной давности. Суд пришел к выводу об отказе в удовлетворении исковых требований, указав на отсутствие добросовестности истца, поскольку состоялись ранее вынесенные судебные постановления, разрешающие вопрос о наследственных правах на спорное имущество, составляющее наследственную массу после смерти С. Н. Рериха, где стороной по делу также был Международный центр Рерихов. Соответственно, истец был осведомлен о том, что оснований для возникновения у него права собственности на спорный объект

не имелось, равно как и оснований признать его добросовестным владельцем имущества².

При рассмотрении другого спора, возникшего из обязательственных правоотношений (договор купли-продажи), Московским городским судом также был сделан вывод об отказе в удовлетворении заявленных требований о признании права собственности на мотоцикл в силу приобретательной давности поскольку транспортное средство, на которое заявляет свои притязания истец, не может быть рассмотрено в качестве объекта правоотношений, и на него не может быть признано право собственности на основании приобретательной давности, так как спорный мотоцикл не идентифицирован в установленном законом порядке, данных о нем в органах государственной регистрации не имеется, а длительное пользование не может быть рассмотрено в качестве основания для признания за истцом права собственности в силу приобретательной давности³.

В результате анализа судебных постановлений, разрешающих вопрос о правах на движимые вещи, следует сделать вывод о том, что рассмотрение вопроса о праве собственности на движимую вещь в судебном порядке происходит крайне редко ввиду малой ценности таких вещей в сравнении с объектами недвижимого имущества. При этом основания возникновения споров в отношении данного вида вещей идентичны с основанием возникновения споров в отношении жилых помещений, а некоторые основания для отказа в удовлетворении требований идентичны с основанием для отказа в отношении земельных участков, в частности, невозможность рассмотрения в качестве объекта спорных правоотношений.

Таким образом, проанализировав основания возникновения споров о праве собственности в порядке приобретательной давности, основания для отказов и удовлетворения соответствующих исков, а также особенности возникновения права собственности на жилые и нежилые помещения, движимые вещи, резюмируем необходимость учета правовых позиций, выработанных судебной практикой при подготовке проекта реформы института приобретательной давности, поскольку

¹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 30 сентября 2021 г. № 10АП-6414/2021 по делу № А41-31915/2020.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 июня 2021 г. № Ф05-14597/2021 по делу № А40-69759/2020.

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 16 ноября 2020 г. по делу № 33-38302/2020, 2-871/2019.

в результате правоприменительной практики являются проблемы, требующие разрешения, в том числе посредством изменения действующего законодательства. Между тем, несмотря на

наличие выработанных правовых позиций судов, приходим к выводу о том, что при подготовке проекта реформы института приобретательной давности данные выводы учтены не были.

Список литературы

1. Ламейкин Ю. А. Вещно-правовые иски в механизме защиты права собственности : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003.
2. Петухова Л. Г., Луц Е. Н. Негаторные иски и иные способы защиты прав собственника // Арбитражная практика. – 2010. – № 5.
3. Подшивалов Т. П. Негаторный иск: проблемы теории и практики: монография. – М. : Инфотропик Медиа, 2019.
4. Потапенко Н. С. Способы защиты права собственности на недвижимую вещь // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 14–18.
5. Сеницын С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. – М. : Инфотропик Медиа, 2015.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-40-45>

О сущности и проблемах института наследственного договора

Р. М. Ушаков

магистр юриспруденции,
помощник адвоката Адвокатского бюро «Ефремов, Тупиков и партнеры».
Адрес: Адвокатского бюро «Ефремов, Тупиков и партнеры»
410034, Саратов, ул. Волжская, 34.
E-mail: rafikov.ruslan@list.ru

About Essence and Problems of Institute of the Hereditary Contract

R. M. Ushakov

Master of Jurisprudence, Assistant Lawyer
of the Law Firm «Efremov, Tupikov and Partners».
Address: the Law Firm «Efremov, Tupikov and Partners»,
34 Volzhskaya Street, Saratov, 410034, Russian Federation.
Email: rafikov.ruslan@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются аспекты гражданско-правового регулирования института наследственного договора с позиции структурно-содержательного анализа его законодательной конструкции. В качестве источников исследования выступают гражданское законодательство Российской Федерации, Германии, Латвии, достижения доктрины и практика реализации изучаемого института. Цель работы – систематизация достижений доктрины, анализ соответствующей российской и зарубежной практики и выработка собственной научной позиции относительно обозначенного в исследовании круга вопросов. Предмет научной работы – правоотношения, возникающие в связи с функционированием института наследственного договора. В ходе исследования использовались диалектический метод познания действительности, формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой и общенаучные методы анализа, синтеза и аналогии, а также методы системного толкования закона и правового моделирования. На основе исследования нормативно-правовых актов России и ряда государств континентальной правовой системы, доктринальных позиций автор аргументирует необходимость дальнейшего развития отечественной модели института наследственного договора с учетом положительного опыта его гражданско-правового регулирования в зарубежных государствах. Обоснована необходимость исправлений выявленных недостатков юридической техники законодательной конструкции наследственного договора и дополнительного уточнения его признаков, более детального урегулирования наследственного договора. В результате исследования автором предлагаются способы решения выявленных проблем посредством внесения соответствующих изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: завещание, договор о наследовании, наследование, наследство, семья, наследодатель, наследник, Гражданский кодекс Российской Федерации, Германское гражданское уложение 1896 г.

Abstract

The article deals with aspects of civil law regulation of the institution of a hereditary contract from the standpoint of a structural and content analysis of its legislative structure. The sources of the study are the civil laws of the Russian Federation, Germany, Latvia, the achievements of the legal doctrine and the practice of implementing the institution under study. The purpose of the research is to systematize the provisions of the legal doctrine, to provide their systematic analysis with the relevant Russian and foreign practice, and the development of their own scientific position on the range of issues identified in the study. The subject of scientific work is the legal relations arising in connection with the functioning of the institution of the hereditary contract. The study used the dialectical method of cognition of reality, formal-logical, historical-legal, comparative-legal and general scientific methods of analysis, synthesis and analogy, as well as methods of systematic interpretation of the law and legal modeling. Based on the study of the legal acts of Russia and a number of states of the continental legal system, doctrinal positions, the author argues for the need for further development of the domestic model of the institution of the inheritance contract, taking into account the positive experience of its civil law regulation in foreign

countries. The necessity of correcting the identified shortcomings of the legal technique of the legislative structure of the inheritance contract and additional clarification of its features, a more detailed settlement of the inheritance contract is substantiated. As a result of the study, the author proposes ways to solve the identified problems by introducing appropriate changes to the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: testament, inheritance contract, inheritance, inheritance, family, testator, heir, Civil Code of the Russian Federation, German Civil Code of 1896.

Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, вступившим в силу с 1 июня 2019 г., внесены существенные изменения в наследственное право России. В частности, в отечественном правовом порядке появилось новое основание наследования – наследственный договор и новый вид завещания – совместное завещание супругов, ранее отвергавшиеся отечественной доктриной права.

Как следует из системного анализа зарубежного гражданского законодательства, в большинстве иностранных государств применяется или наследственный договор, или совместное завещание. Однако законодательство ряда государств содержит правовую регламентацию обоих институтов одновременно. Например, Германское гражданское уложение 1896 г. (§ 2265–2272, § 2274–2302)² (далее – ГГУ) и принятый на его основе Гражданский закон Латвийской Республики 1937 г. (статьи 604–606)³.

Российский законодатель воспринял оба института. В настоящем исследовании проведен анализ гражданско-правовой регламентации наследственного договора.

Задачами настоящего исследования являются выявление и обоснование необходимости исправления недостатков юридической техники законодательной конструкции наследственного договора, дополнительное уточнение его признаков в целях более детального урегулирования наследственного договора в отечественном гражданском законодательстве; определение направления дальнейшего развития отечественной мо-

дели института наследственного договора на основе исследования нормативно-правовых актов России и ряда государств континентальной правовой системы, доктринальных позиций с учетом положительного опыта его гражданско-правового регулирования в зарубежных государствах.

Пунктом 1 статьи 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) введено право распоряжения наследством посредством заключения наследственного договора.

Статья 1140.1 ГК РФ, посвященная правовому регулированию наследственного договора, включена в главу 62 «Наследование по завещанию». Данный подход законодателя представляется непоследовательным. Согласно действующему российскому законодательству, завещание (односторонняя сделка) и наследственный договор (договор) имеют разную правовую природу, вследствие чего нормы о наследственном договоре, который не является разновидностью завещания, не должны содержаться в главе, регулирующей завещание. Некоторые авторы рассматривают исследуемый договор как завещательное распоряжение [10].

Кроме того, в силу статьи 1111 ГК РФ наследование по завещанию, наследование по наследственному договору и наследование по закону – это самостоятельные основания наследования, поэтому полагаем, что законодателю следовало дополнить ГК РФ новой главой 62.1 «Наследование по наследственному договору», включив в нее статью 1140.1, поскольку регулированию двух других оснований наследования в Кодексе посвящены отдельные главы. Если же законодатель включил статью 1140.1 ГК РФ в главу 62 Кодекса исходя из того, что относит наследственный договор к завещательным распоряжениям, то, по нашему мнению, не нужно было указывать его в статье 1111 в качестве самостоятельного основания наследования.

Следует отметить, что впервые конструкция наследственного договора была закреплена в ГГУ в качестве особой формы завещательного распоряжения (Der Erbvertrag). Немецкая модель дого-

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.07.2018 № 217-ФЗ. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201807190062>.

² Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. – 4-е изд., перераб. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – С. VIII–XIX, 1–715.

³ Latvijas Republikas Civillikums. URL: <https://likumi.lv/ta/id/225418-civillikums> (дата обращения: 01.10.2021).

вора о наследовании – это согласованное между двумя или более сторонами распоряжение, имеющее «биполярный юридический характер, так как одновременно выступает договором и распоряжением на случай смерти» [7. – С. 105]. Наследственный договор может быть отменен или оспорен только по определенным основаниям, исключая односторонний отказ наследодателя от данного соглашения [1]. Этим, в числе прочего, обуславливается то обстоятельство, что в современной Германии, по имеющимся данным, его заключают лишь около 5% наследодателей [4].

Большинство российских цивилистов уже отметили, что наследственный договор в силу двойственности сущности гораздо ближе к договорному, а не к наследственному праву. В этой связи представляется целесообразным начать проведение структурно-содержательного анализа законодательной конструкции наследственного договора с положений подраздела 2 раздела III части первой ГК РФ «Общие положения о договоре».

На основе положений частей первой, второй и четвертой ГК РФ известно, что классическое определение гражданско-правового договора должно содержать определенную структуру. Исходя из пункта 1 статьи 420 ГК РФ любой договор – это соглашение, в силу которого, во-первых, обязательно указание существенных условий договора, а в силу части 2 пункта 1 статьи 432 ГК РФ к существенным условиям всех видов гражданско-правового договора отнесено и условие о предмете договора; во-вторых, указание сторон и субъектов на сторонах; в-третьих, из содержащегося в пункте 1 статьи 420 ГК РФ определения возможно вывести как минимум три признака гражданско-правового договора (в подразделе 2 раздела III части первой ГК РФ – это виды), а именно: консенсуальный или (и) реальный (статья 433 ГК РФ); возмездный или (и) безвозмездный (статья 423 ГК РФ); односторонний или двусторонний (многосторонний). В частности, в определении договора купли-продажи после обязанности одной стороны (продавца) о передачи вещи в собственность стоит запятая и перечисляются две обязанности другой стороны (покупателя): принять и оплатить предмет. Порядковое место указанных трех признаков не имеет значения.

При этом в статье 1140.1 ГК РФ, посвященной наследственному договору, отсутствует определение названного договора и указывается только часть необходимых для определения договора элементов: субъекты на сторонах, предмет дого-

вора, а также ряд важных (при этом неотчуждаемых и непередаваемых иным способом) прав и обязанностей сторон. Однако в анализируемой статье отсутствует указание на консенсуальность наследственного договора (это можно выявить лишь из содержания статьи) и название стороны, с которой наследодатель заключает договор.

Напротив, в Латвии наследственный договор реальный, так как, согласно статье 640 Гражданского закона Латвийской Республики, не имеет юридической силы договор, в котором содержится лишь обещание назначить в будущем своих наследников. При этом исполнение договора откладывается до смерти одной из сторон договора, а именно наследодателя.

В ГГУ (раздел 4 книги 5), в котором впервые был закреплён наследственный договор, он сконструирован по принципу консенсуального договора и таких ограничений не содержит, из чего можно сделать вывод, что реальный наследственный договор – это особенность латвийского законодательства.

В отношении такого признака, как возмездность или безвозмездность, необходимо руководствоваться диспозитивными нормами пункта 3 статьи 423 ГК РФ: договор предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное. Полагаем, следует применять указанную оговорку, что из существа наследственного договора вытекает иное – его безвозмездность.

Что касается третьего обязательного признака в определении любого гражданско-правового договора, то в пункте 1 статьи 1140.1 ГК РФ содержится весьма дискуссионная фраза: «...к пережившим наследодателя сторонам договора». То есть одна сторона (наследодатель) умирает и остаются еще одна или несколько сторон.

В юридической литературе вопрос о том, является ли наследственный договор двусторонней или многосторонней сделкой, – дискуссионный. Так, по мнению одного из разработчиков вышеуказанного законопроекта П. В. Крашенинникова, наследственный договор – двусторонняя, но чаще многосторонняя сделка [6]. Названную позицию разделяют, в частности, А. А. Демичев [3], Д. В. Лоренц [7], Л. Д. Туршук [9]. По мнению других авторов, наследственный договор – двусторонняя сделка [2; 5].

Кроме того, на первый взгляд, возможен и еще один признак наследственного договора: если он заключается с условием перехода

наследственного имущества не в пользу сторон договора, а в пользу переживших наследников, не заключавших этот договор, то можно предположить, что налицо договор в пользу третьего лица. В соответствии со статьей 430 ГК РФ одна из сторон договора в пользу третьего лица – это должник, обязанный произвести исполнение не кредитору, а третьему лицу. Однако в данном случае есть кредиторы обязательства, указанные в пункте 2 статьи 1140.1 ГК РФ. При этом непонятно, кто является должником. Указанное обстоятельство позволяет сделать вывод, что не все содержащиеся в части первой Кодекса правила об общих положениях о договоре применимы для наследственного договора.

Исходя из сказанного заслуживает внимания мнение Д. В. Лоренца о необходимости закрепления в ГК РФ допустимости и пределов «применения общих положений обязательственного и договорного права к наследственному договору» [7. – С. 126].

Предмет наследственного договора в законе представлен в самых общих чертах. В частности, основываясь на нормах статей 1112 и 1140 ГК РФ, – это круг наследников, возможность возложения на участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанности совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера, в том числе исполнить завещательные отказы или завещательные возложения.

Возможность включения в наследственный договор таких условий, например, как уход за наследодателем, уборка в его жилом помещении, сближает названный договор с одним из видов договора ренты – пожизненным содержанием с иждивением. Однако существенными различиями между названными договорами является момент перехода права собственности (по договору ренты – при жизни получателя ренты, по наследственному договору – после смерти наследодателя). В свою очередь наследодатель имеет право в любой момент односторонне отказаться от наследственного договора, а получатель ренты не наделен правом на односторонний отказ от договора (пункт 10 статьи 1140.1 ГК РФ).

Значимо то, что условия наследственного договора могут определять переход прав на имущество наследодателя в собственность не только к оставшимся после смерти наследодателя сторонам наследственного договора, но и к нахо-

дящимся в живых к моменту смерти наследодателя наследникам, которые не являлись участниками этого договора.

Наследодателем, согласно пункту 6 статьи 1118 ГК, может быть лишь полностью дееспособный на момент совершения договора гражданин. Для другой стороны такого требования не предусматривается.

В соответствии с абзацем 1 § 2275 ГГУ в качестве наследодателя договор о наследовании может также заключать только полностью дееспособное лицо. Однако, в отличие от российского законодательства, в абзаце 2 того же параграфа закреплено право ограниченного в дееспособности супруга на заключение договора о наследовании в качестве наследодателя со своим супругом.

Согласно пункту 3 статьи 1118 ГК РФ совершение наследственного договора (как и совместного завещания супругов) через представителя не имеет юридической силы (*testamentum nullas vires habet*) и влечет ничтожность сделки. Несоблюдение нотариальной формы рассматриваемого договора влечет абсолютную ничтожность (пункт 3 статьи 163 ГК РФ), так как в силу императивного указания пункта 7 статьи 1140.1 ГК РФ невозможно применить правила статьи 165 ГК РФ. Следовательно, даже суд не вправе признать такой договор (а любой договор есть сделка – пункт 2 статьи 420 ГК РФ) действительным.

Кроме того, для наследственного договора, как и для совместного завещания супругов, устанавливается необычное диспозитивное указание о видеофиксации нотариусом процедуры совершения и заключения указанных сделок (пункт 5.1 статьи 1125 и пункт 7 статьи 1140.1 ГК РФ).

В изъятие из общих правил главы 62 ГК РФ наследственные договоры (как и совместные завещания супругов) не могут быть удостоверены указанными в статье 1127 ГК РФ должностными лицами, а также под угрозой ничтожности не могут быть закрыты (статья 1126 ГК РФ) и не могут быть совершены при чрезвычайных обстоятельствах (статья 1129 ГК РФ).

По нашему мнению, совершив вышеперечисленные оговорки, российский законодатель допустил поспешность, неточность в формировании легальной конструкции анализируемого института.

Безусловно, что ни наследственный договор, ни совместное завещание супругов не могут быть закрытыми. Последнее и составляет с целью максимально возможного сохранения тайны содержания завещания: завещатель при закрытом

завещании (в силу различных причин) не доверяет тайну содержания завещания даже профессионалу – нотариусу – который при обычном (нотариально удостоверенном завещании – статья 1125 ГК РФ) имеет одну, но важнейшую задачу: от имени государства помочь завещателю в правильном с точки зрения закона удостоверении его последней воли на случай смерти, так как после смерти завещателя уже ничего исправить нельзя и зачастую невозможно применить толкование его воли. Именно поэтому ни наследственный договор, ни завещание, в котором участвуют не один, а несколько лиц, для закрытого завещания по своей сути явно не подходят.

Так, стоило ли распространять этот запрет на статью 1127 ГК РФ? К примеру, германским законодательством закрытое завещание также не предусмотрено. При этом в Германии существует нечто среднее между нашими статьями 1127 и 1129 ГК РФ. Согласно § 2249 ГГУ, в случае опасения, что наследодатель умрет раньше, чем появится возможность составить завещание у нотариуса, он может составить завещание в форме записи у мэра муниципалитета, в котором находится. При этом § 2266 позволяет составить совместное завещание супругов (в Германии оно называется общим завещанием) по правилам § 2249 ГГУ, даже если последствия такого завещания наступят только для одного супруга.

Представляется, что по примеру Германии вполне допустимо распространить на наследственный договор и совместное завещание супругов правила статьи 1127 ГК РФ, внося соответствующие изменения в действующее российское законодательство.

Полагаем, что в современных условиях, когда у большинства населения есть при себе всевозможные гаджеты с функцией видеосъемки, процедуру видеофиксации наследственного договора нельзя считать технически невыполнимой. К тому же при удостоверении наследственного договора нотариус обязан осуществлять видеофиксацию процедуры заключения наследственного договора, если стороны наследственного договора не заявили возражение против этого.

Несколько односторонне урегулировано соотношение наследственного договора и совместного завещания супругов: в силу абзаца 3 пункта 5 статьи 1140.1 ГК РФ первый отменяет ранее составленное совместное завещание супругов. Возникает вопрос, возможно ли супругам соста-

вить совместное завещание после заключения наследственного договора. Ответ должен быть положительным, основываясь на норме пункта 12 указанной статьи о том, что после заключения наследственного договора наследодатель вправе совершать любые сделки и иным образом распоряжаться принадлежащим ему имуществом. При этом завещание, как уже упоминалось выше, является односторонней сделкой. Однако указанный вывод определяется путем толкования, в то время как, например, в статье 389 Гражданского закона Латвийской Республики – это прописано напрямую: все три основания наследования – виды права наследования (наследование по договору, по завещанию и по закону) могут существовать вместе. Представляется, что данное положение латвийской нормы целесообразно перенять российскому законодателю.

Новый способ передачи наследственного имущества сконструирован в ГК РФ в целом по образу особого завещательного распоряжения, закрепленного в ГГУ, но вместе с тем содержит ряд элементов, принятых в других зарубежных правовых системах [10. – С. 47]. Он имеет ряд преимуществ в сравнении с институтом завещания: посредством его заключения возможно прижизненно установить и в последующем (после смерти наследодателя) осуществить, в частности, переход имущества к третьему лицу как сингулярному посмертному правопреемнику [10. – С. 47]; возможность возложить на участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанность совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера. Однако признаки рассматриваемой правовой категории в том виде, в котором она закреплена в ГК РФ в настоящее время, весьма дискуссионны. В зарубежных странах опыт гражданско-правового регулирования рассмотренных выше вопросов довольно разнообразен и во многих аспектах противоречив. В результате исследования автором предлагаются способы решения выявленных проблем посредством внесения соответствующих изменений в ГК РФ. В частности, обоснована необходимость исправлений выявленных недостатков юридической техники законодательной конструкции наследственного договора и дополнительного уточнения его признаков, более детального урегулирования наследственного договора.

Список литературы

1. *Аболонин В. О.* Общая характеристика наследственного договора в праве Германии, Австрии и Швейцарии // *Нотариальный вестник*. – 2010 – № 2 – С. 3–9.
2. *Бессараб Н. С.* Правовое регулирование наследственного договора в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути их решения // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2020 – № 4–2 (94). – С. 78–80.
3. *Демичев А. А.* Соотношение наследственного договора и завещания: дискуссионные проблемы // *Наследственное право*. – 2020 – № 4 – С. 33–37.
4. *Другов Я. А.* Совместное завещание и наследственный договор: законодательные тенденции // *Проблемы современного российского законодательства : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С. И. Суслова*. – Иркутск, 2015. – С. 173–177.
5. *Гусейнова А. И.* Понятие и правовая природа наследственного договора // *Закон и право*. – 2020. – № 3 – С. 54–55.
6. *Крашенинников П. В.* Наследственное право, наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). – 5-е изд. – М. : Статут, 2021.
7. *Лоренц Д. В.* Наследственный договор: подход континентального права // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2020 – № 2 – С. 105–129.
8. *Тихонова Е. А.* Наследственный договор как новое основание для наследования: понятие и характеристика // *Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей II Международной научно-практической конференции*. – Пенза : Наука и Просвещение, 2019. – С. 191–195.
9. *Туршук Л. Д.* К вопросу о правовой природе наследственного договора // *CHRONOS*. – 2021 – № 2 (52). – С. 116–117.
10. *Ушаков Р. М.* Наследственный договор как проявление гражданско-правового дозволения: юридическая природа, законодательная конструкция и возможные проблемы применения // *Право и государство: теория и практика*. – 2020. – № 3 (183). – С. 46–50.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-46-49>

О правах и обязанностях родителей: спорные вопросы создания произведений детьми и родителями

В. М. Сайфутдинова

старший преподаватель кафедры финансового и экологического права Института права
Башкирского государственного университета.

Адрес: ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
450076, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: venera-svm@mail.ru

On the Rights and Obligations of Parents: Controversial Issues of Creation of Works by Children and Parents

V. M. Sayfutdinova

Senior Lecturer of the Department of Financial and Environmental Law of the Institute of Law
of the Bashkir State University.

Address: Bashkir State University, 32 Zaki Validi Street,
Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation.

E-mail: venera-svm@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена одному из наиболее актуальных вопросов, касающихся прав и обязанностей родителей и детей, – имущественному, а именно созданию результатов интеллектуальной деятельности в процессе совместной деятельности указанными членами семьи. Автор выделяет основные этические и имущественные проблемы в данной сфере правового регулирования и анализирует их с точки зрения не только гражданского, но и трудового и семейного законодательства. Особое внимание уделяется принципу добросовестности, одному из ключевых принципов гражданского права, который в данной проблематике пересекается и со смежными отраслями российского права. Автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в гражданское законодательство в сфере распределения доходов в результате создания произведений совместно родителями и детьми и учету принципа добросовестности не только в гражданско-правовых, но и семейных правоотношениях.

Ключевые слова: добросовестность, ребенок, распределение доходов между членами семьи, принцип добросовестности, социальные сети, блогеры, доходы.

Abstract

The article is devoted to one of the most pressing issues in terms of the rights and obligations of parents and children – property, namely the creation of the results of intellectual activity in the process of joint activity by these family members. The author identifies the main ethical and property problems in this area of legal regulation and analyzes them from the point of view of not only civil, but also labor and family legislation. Particular attention is paid to the principle of good faith, one of the key principles of civil law, which in this area intersects with related branches of Russian law. The author comes to the conclusion that it is necessary to amend civil legislation in the field of income distribution as a result of the creation of works jointly by parents and children and taking into account the principle of good faith not only in civil law, but also in family legal relations.

Keywords: conscientiousness, child, income distribution between family members, the principle of conscientiousness, social networks, bloggers, income.

Защита прав несовершеннолетних является одной из основных задач государства. Среди довольно большого объема прав особое внимание всегда уделяется имущественным правам ребенка. Говоря о доходах, имуществе, полученном в

дар или в порядке наследования ребенком, нам стоит обратиться к Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ) и учитывать законодательно определенную классификацию

разграничения прав детей по объему дееспособности по возрасту (ст. 26, 28)¹.

Отметим, что в отношении малолетних договор подписывает родитель (опекун), кроме того, в силу возрастных особенностей малолетние дети менее всего разборчивы в имущественных вопросах. Хотя, на наш взгляд, и большая часть несовершеннолетних не всегда может разобраться в тонкостях гражданских правоотношений.

Семейное законодательство также освещает вопросы, связанные с правом на получение содержания от своих родителей и других членов семьи; правом собственности на полученные им доходы, имущество, полученное им в дар, или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка; правом владеть и пользоваться имуществом ребенка с их согласия при совместном с ними проживании (ст. 60 Семейного кодекса РФ)².

Не стоит забывать и о важности соблюдения морально-этических аспектов в имущественных правоотношениях, затрагивающих права ребенка. Совершенно справедливо указывает И. О. Басова, что «обязанность родителей по воспитанию и содержанию детей предполагает заботу о благополучии ребенка в целом, включая физическое, духовное, нравственное развитие ребенка, создание наиболее комфортных жилищных условий его проживания, а также создание условий для получения ребенком достойного образования» [1. – С. 65] Таким образом, у родителей существует имущественная обязанность по отношению к детям в сочетании с этическими принципами.

В современном обществе такое благополучие родители должны обеспечивать и в том, что мы называем цифровым пространством, добросовестно исполнять свои обязанности. Такая необходимость распределения прав и обязанностей в сети обуславливается коммерческим характером, который начинает приобретать Интернет [2]. Создание и развитие цифрового пространства во многом происходит благодаря двум факторам: развитию современных цифровых технологий и бурной интеллектуальной деятельности людей, в том числе не достигших восемнадцати лет. А со-

временные реалии дают все больше новых возможностей родителям и детям для увеличения своего имущественного багажа в этом цифровом пространстве, способствуют коммерциализации творческого продукта [6. – С. 45].

К числу таких вариантов относится создание результата интеллектуальной деятельности в социальных сетях, на каналах платформы YouTube, RUTUBE. В результате складывается еще один канал связи родителей и детей – имущественные правоотношения по созданию результата интеллектуальной деятельности.

Отметим, что при создании такого произведения фактически происходит смешение тех ролей, которые играют и создаются: авторы, сценаристы, исполнители, режиссеры, монтажеры и т. п. Но в основе такой интеллектуальной деятельности – желание систематически извлекать прибыль. Такое желание в значительной степени исходит от родителей, при этом первоначально родители несут определенные затраты.

В процессе указанной деятельности возникают трудовые отношения между родителями и детьми, но никак неоформленные (ч. 3 ст. 16 и ч. 1 ст. 61 Трудового кодекса РФ)³. Можно сказать, что – это фактическое допущение детей к работе с ведома или по поручению работодателя или уполномоченного на это представителя, которая для несовершеннолетнего оплачивается на усмотрение родителей. Плата за труд так же, как и ее размер, не определены, и в установленные трудовым законодательством сроки чаще всего не выплачивается, а представляет собой выплаты расходов на содержание своих детей. Тем самым исполняется имущественная обязанность родителей. Родители в погоне за большими деньгами могут своими действиями нарушать права детей. При создании произведений это чаще всего происходит в двух направлениях: распределение доходов, полученных в результате совместных усилий, и фактическая эксплуатация труда ребенка с нарушением некоторых этических норм.

Возникает вопрос о добросовестности родителей (опекунов, попечителей) при получении и распределении доходов от созданной интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационных сетях. Следует напомнить,

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

² См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

³ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть 1). – Ст. 3.

что добросовестность в гражданском праве связана с недопущением нарушений своими действиями либо бездействием субъективных прав и законных интересов иных лиц: осуществлением прав, принадлежащих им в соответствии с их назначением. При этом доходы от создания таких произведений могут исчисляться гигантскими суммами, хотя справедливости ради отметим, что не все созданные результаты интеллектуальной деятельности имеют бешеную популярность и приносят гигантские прибыли.

Так, каковы перспективы и судьба таких полученных доходов, когда ребенок подрастет? Будут ли они находиться в сохранности?

С учетом развития цифрового пространства и увеличения разнообразных социальных сетей, в том числе отечественных, вопросы такого плана будут возникать в большем количестве. На наш взгляд, возможна ситуация, когда подросший ребенок в недалеком будущем может предъявить имущественные претензии родителям.

Ответы на поставленные выше вопросы могут быть противоположны. И. В. Заикина, Ю. А. Чертова справедливо указывают на опасность такой ситуации, ведь в приоритете семейных отношений будут лишь имущественные отношения, регламентированные законодательством, а семейные ценности отойдут на второй план [5].

Полагаем, что в данных правоотношениях следует быть более прагматичными и думать о будущем ребенка, учитывая настоящие родственные связи и семейные традиции. Любой родитель, если он здравомыслящий и добросовестный, думает не только о настоящем, но и о будущем своего ребенка.

Приведем пример распределения полученных средств в семье блогеров Роговцевых. Так, Алиса Роговцева имеет более 10 млн подписчиков на YouTube. У нее есть три сестры, также ведущие свои блоги. У отца семейства, Максима Роговцева, также есть свой канал, на котором он публикует семейные ролики. Отец подчеркивает, что основной причиной ведения каналов было желание улучшить материальное и социальное положение семьи в обществе. Заработанные средства на роликах дочерей идут на общие нужды семьи, оборудование для съемок, а часть средств откладывается на собственные счета дочерей в банке в целях использования их в будущем. Тем не менее не все родители здраво мыслят и добросовестны, отсюда и возникают проблемы правового и

этического плана. необходимо думать о формах и способах защиты прав детей [3. – С. 113].

Безусловно, существенная часть заработанных детскими блогами и аккаунтами средств идет на административные и управленческие расходы, продвижение и организацию новых съемок. При этом родители также имеют право на доход, часть средств которого они направляют на благотворительность, а часть откладывают на будущее обучение детей.

Распределение средств, как мы указывали выше, достаточно серьезный вопрос. В США 15% заработанных детьми средств по закону отправляется на специальный трастовый счет Coogan Account. Эти деньги хранятся там до совершеннолетия блогеров. Закон Кугана обязывает родителей завести специальный счет для ребенка и регулярно перечислять на него часть доходов. Джеки Куган – первый ребенок-кинозвезда, снимался в фильмах с Ч. Чаплиным. Но к достижению им совершеннолетия родители растратили все его заработанные средства (4 млн долларов), он остался без работы, без средств и подал на родителей в суд. В 1939 г. появился закон, который защищает капитал ребенка-актера. Такой счет неприкосновенен до совершеннолетия ребенка.

В России всеми доходами детей-блогеров распоряжаются их родители: что получают в будущем нынешние кумиры-дети – вопрос открытый и ответ на него зависит только от родителей блогеров.

Не менее важна и этическая сторона вопроса, пересекающаяся по своей сути с регулированием трудовых отношений. Несколько лет назад М. Хобсон из США обвинили в жестоком обращении со своими детьми. Она избивала, морила голодом, прижигала зажимками и электрошоком своих детей, вынуждая сниматься для своего YouTube-канала. В результате канал с 700 тыс. подписчиков был заблокирован.

Канал DaddyOfive, авторами которого являлись супруги Майк и Хизер Мартин, публиковал видео жестоких розыгрышей и приколов над своими детьми, а в некоторых роликах родители и старшие дети издевались над младшими и грозились отдать их в приют. Возмущение общественности привело к блокировке канала.

В России в качестве примера можно привести YouTube-канал «Мисс Николь»¹, который содержит

¹ URL: <https://www.youtube.com/channel/UCaNuwm22HctBJdJjEU7hJg>

такие ролики, как «24 часа собачка управляет моим днем», «Гимнастика 24 часа», «24 часа с новой мамой» и т. п. То есть ребенок в течение 24 часов обязан совершать определенные действия, безусловно, с перерывами на сон, но сам факт указания на характер таких действий, на наш взгляд, не способствует целям воспитания ребенка.

При создании произведений, в которых принимают участие дети с целью демонстрации в социальных сетях и видеохостингах, часто допускаются нарушения режима съемок: съемки длятся довольно продолжительное время, без учета физических и эмоциональных нагрузок на ребенка.

Представляется, что в данном вопросе необходимо присмотреться к опыту Франции, где принятый в 2020 г. закон фактически приравнивает детей-блогеров, зарабатывающих в социальных сетях и онлайн-платформах, к другим работающим несовершеннолетним и дает им право на сокращенные часы работы и право на перечисление доходов от такой деятельности на банковский счет (до достижения 16 лет). Тем самым значительно усилена юридическая защита несовершеннолетних блогеров от недобросовестного поведения взрослых, в том числе родителей [4].

Полагаем, что необходимо запретить создавать аудиовизуальные произведения, в процессе создания которых происходит нарушение прав детей в правовом режиме фактически рабочего времени (длительность, продолжительность времени в течение которого происходит съемка таких роликов). При этом важен прямой и подтекстовый смысл, где идет указание на выполнение так называемых команд родителей или лиц, осуществляющих воспитание, на заведомо унижаю-

щие достоинство детей действия. В связи с этим следует признать злоупотреблением случаи предоставления для всеобщего сведения в информационно-телекоммуникационных сетях доступа к созданным указанными лицами видеороликам и иным произведениям, порочащим честь и достоинство ребенка, исключительными правами.

В части договорных отношений следует защитить имущественные права несовершеннолетних при создании произведений и при исполнении ролей в создаваемых произведениях. С учетом возможного изменения имущественного положения в будущем необходимо включать в договоры с пользователями/приобретателями исключительного права нормы о перечислении части средств на специальные счета детей до их совершеннолетия (наилучшим вариантом будет установление долевого распределения доходов родителей и детей).

В статье 4 СК РФ предусмотрена возможность применения к семейным отношениям положений гражданского законодательства Российской Федерации. Из этой нормы следует, что общие положения ГК РФ о добросовестности (ст. 1) и недопустимости злоупотребления правом (ст. 10) могут применяться в семейном праве.

Таким образом, проведенный анализ проблем в сфере регулирования создания произведений при участии детей показывает, что осуществление родителями, усыновителями и опекунами прав детей должно быть добросовестным, не причинять вреда не только их жизни и здоровью, чести и достоинству, но и не нарушать основы трудового законодательства.

Список литературы

1. Басова И. О. Понятие и защита имущественных прав детей, воспитывающихся в семье // Северо-кавказский юридический вестник. – 2015. – № 1. – С. 64–66.
2. Белозерова Ю. Г. Регулирование деятельности физических лиц в Интернете // Экономика. Право. Общество. – 2022. – № 2. – С. 25–29.
3. Дитякина Е. А. Права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей в Российской Федерации // Закон. Право. Государство. – 2019. – № 2 (22). – С. 112–115.
4. Во Франции детей-блогеров приравнивают к детям-моделям и актерам // Российская газета. – 2020. – 7 октября. ГKD: <https://rg.ru/2020/10/07/vo-francii-detej-bloggerov-priavniaiut-k-detiam-modeliam-i-akteram.html> (дата обращения: 20.06.2022).
5. Заикина И. В., Черткова Ю. А. Проблема защиты имущественных прав детей // Либерально-демократические ценности. – 2021. – № 1. – С. 35–42.
6. Савина В. С. О соотношении норм предпринимательского права и права интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2016. – № 8. – С. 45–52.

Международные стандарты в области прав и свобод человека

С. П. Жданов

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова;

доцент кафедры «Таможенное право и организация таможенного дела» РУТ (МИИТ);
доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ».

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36;

ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»,
127994, Москва, ул. Образцова, д. 9, строение 9;

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
111250, Москва, Красноказарменная ул., д. 14.

E-mail: zhdanov120009@yandex.ru,

И. Б. Качурина

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры правовой и гуманитарной подготовки
Тверского филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.

Адрес: Тверской филиал ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя», 170040, Тверь, ул. Кривичская, д. 12.

E-mail: kachurinaib@mail.ru,

А. М. Скрычев

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры
военно-политической работы в войсках (силах) Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского

Министерства обороны Российской Федерации

Адрес: ФГБОУ ВО «Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского»
Министерства обороны Российской Федерации, 197198, Санкт-Петербург, ул. Ждановская, д. 13.

E-mail: askrjachev@yandex.ru

International Standards in the Field of Human Rights and Freedoms

S. P. Zhdanov

PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of Plekhanov Russian University of Economics;

Associate Professor of the Department of "Customs Law and Organization of Customs Affairs" RUT (MIIT);
Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science,

Sociology named after G. S. Arefieva.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation;

Federal State Institution of Higher Education «Russian University of Transport»
9 Obraztsova street, building 9, Moscow, 127994, Russian Federation;

National Research University «Moscow Power Engineering Institute»,
14 Krasnokazarmennaya Street, Moscow, 111250, Russian Federation.

E-mail: zhdanov120009@yandex.ru,

I. B. Kachurina

PhD, Associate Professor, Head of the Department of Legal and Humanitarian Training of the Tver Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Address: Tver Branch of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Education "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Y. Kikot", 12 Krivichskaya Stret, Tver, 170040, Russian Federation.
E-mail: kachurinaib@mail.ru,

A. M. Skrachev

PhD, Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Military-Political Work of the Military (forces) of the Military Aerospace Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Address: Mozhaisky Military Aerospace Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 13 Zhdanovskaya Street, Saint Petersburg, 197198, Russian Federation.
E-mail: askrjachev@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются международные стандарты в области прав и свобод человека с учетом современных реалий. При написании научной статьи использовались общенаучные и специальные методы познания. На основе анализа положений международных актов, регламентирующих права человека, авторы приходят к выводу, что эти акты носят лишь рекомендательный характер. Авторы сравнивают возможные ограничения прав и свобод в различных актах. Новизна и актуальность проведенного научного исследования заключается в выводах о том, что: 1) в международных отношениях в сфере соблюдения прав граждан, как и в межгосударственных отношениях, положения норм международных правовых актов всецело подменены правилами ситуативного и целесообразного поведения, которые навязываются слабому и фактически не суверенному государству. Если контрагент эти правила не принимает, то представители однополярного мира применяют весь спектр силового давления на противника (конкурента), начиная от посягательства на его имущество и имущество его юридических лиц, граждан, и заканчивая ведением прокси-войн, которые нередко перерастают в открытый вооруженный конфликт; 2) международные стандарты в области прав и свобод человека в XXI в. укладываются в тенденцию пренебрежения ими и отступления от них, если государство (межгосударственное образование) в своей деятельности преследует свои геополитические, политические, экономические и иные цели, руководствуясь принципом ситуативной целесообразности, а не принципами международного права, в том числе и в сфере соблюдения прав, свобод и интересов граждан в любой области их частной жизни.

Ключевые слова: международные организации, международное право, права человека.

Abstract

The article examines international standards in the field of human rights and freedoms, taking into account modern realities. When writing a scientific article, general scientific and special methods of cognition were used. Based on the analysis of the provisions of international acts regulating human rights, the authors come to the conclusion that these acts are only advisory in nature. The authors also compare possible restrictions of rights and freedoms in various acts. The novelty and relevance of the conducted scientific research lies in the authors' conclusions that: 1) in international relations in the sphere of respect for the rights of citizens, as well as in interstate relations, the provisions of the norms of international legal acts are completely replaced by the rules of situational and expedient behavior, which are imposed, as a rule, on a weak and actually non-sovereign state. If the counterparty does not accept these rules, then representatives of the unipolar world apply the full range of force pressure on the enemy (competitor), starting from encroachment on his property and the property of his legal entities, citizens, and ending with proxy wars, which often escalate into an open armed conflict; 2) international standards in the field of rights and freedoms human rights in the 21st century fit into the tendency to neglect them and deviate from them if the state (interstate entity) pursues its own geopolitical, political, economic and other goals in its activities, guided by the principle of situational expediency, and not the principles of international law, including in the field of respect for the rights, freedoms and interests of citizens in any areas of their private life.

Keywords: international organizations, international law, human rights.

Права человека – это наиболее существенная совокупность прав, «характеризующих минимально-гарантированное правовое положение лица в любом современном обществе»¹. Эта универсальная категория приобретает все большее распространение в последнее время. Такая тенденция обусловлена стремлением людей получить гарантированный минимальный уровень благ и, не волнуясь за их потерю, заниматься самореализацией личности. Очевидно, что такое благо имеет популярность, приобретает статус международного стандарта.

В отличие от объектов международных стандартов в сфере оборота продукции, работ, услуг, субъектов которым дано право устанавливать такие стандарты несколько, например, ИСО – Международная организация по стандартизации (ISO – International Organization for Standardization), МЭК – Международная электротехническая комиссия (IEC – International Electrotechnical Commission) и МСЭ – Международный союз электросвязи (ITU – International Telecommunication Union), который предлагает субъектам хозяйственных отношений рекомендации, но совместно с МСЭ разрабатывает международные стандарты. В сфере установления международных стандартов по правам человека такое право принадлежит только Организации Объединенных Наций.

Определение термина «международная организация по стандартизации» дано в Межгосударственном стандарте в пункте 3.1.2 ГОСТ 1.1-2002 «Международная система стандартизации. Термины и определения»², разработанном и принятом УААС (Евразийский совет по стандартизации, метрологии и сертификации). Кроме выше-названных организаций международной стандартизацией занимается, например, Комитет МСФО – Комитет международных стандартов финансовой отчетности (IASB Foundation), который с 2000 г. стал называться Советом по международным стандартам финансовой отчетности.

Отметим, что международные стандарты носят характер обязательного исполнения государствами, принявшими эти стандарты или присоединившимися к ним [6].

Международные стандарты в сфере прав и свобод человека не носят всеобязывающего характера признания прав человека без различия границ государств. С принятием Устава ООН с 1945 г. установлен принцип уважения к правам человека. Устав можно по праву считать фундаментальным и основным источником международных стандартов, положившим начало широкомасштабному развитию прав человека [5].

Права, закрепленные в международных документах, отвечают в большей степени морально-правовым критериям, чем правовым обязательствам вследствие того, что они носят рекомендательный декларативный характер (Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.).

Только ООН правомочен определять критерии и процедуры, которыми необходимо руководствоваться в процессе нормотворчества в области международно-правовой защиты человека. В этой связи на 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 4 декабря 1986 г. была принята резолюция № 41/120 «Установление международных стандартов в области прав человека».

Национальные стандарты в области правовой охраны и защиты гражданина и человека не могут быть ниже уровня международных стандартов.

Важным представляется вопрос об установлении правовых принципов и разработки механизма ограничения прав и свобод, поскольку в настоящее время правительства стран так называемой западной демократии, как показывает практика в этой сфере, руководствуются собственными представлениями и правилами целесообразности, а не собственными законами, и тем более – нормами международного права.

Представляется, что наиболее удачным в сфере научных дискуссий в отношении реализации прав и свобод человека, с одной стороны, и обусловленных многочисленными факторами ограничений таковых – с другой, можно считать следующий подход: «ограничения прав и свобод – это юридическое положение, при котором законом должен быть установлен правовой баланс правоограничений и преимуществ» [2. – С. 13–23].

Ограничения прав и свобод человека (гражданина) устанавливаются в конституционно-правовом порядке.

¹ Павлов С. В. Теория государства и права : учебное пособие. – Тверь: ООО «Издательство «Трида». – 2004. – С. 63.

² URL: www.centrattek.ru (дата обращения: 02.08.2022).

Всеобщая декларация определяет цели ограничений прав человека (пункт 2 статьи 29): «обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других граждан; удовлетворение справедливых требований морали, общественно-го порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Цели ограничений прав и свобод человека нашли свое отражение в Пакте о гражданских и политических правах, например, пункт 3 статьи 12 и др.

В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. они существенным образом расширены. Целями таких ограничений стали поддержание государственной и общественной безопасности и экономического благосостояния страны; предотвращение беспорядков или преступлений; охрана здоровья или нравственности населения (статьи 8; 9); охрана территориальной целостности; защита репутации граждан; предотвращение разглашения конфиденциальной информации; поддержание авторитета и беспристрастности судебных органов (статья 10). Такие же цели преследуют национальные правовые акты, например, в части 2 статьи 55 Конституции Российской Федерации.

В мировой конституционной теории и практике общепризнано, что «ограничения гражданских прав и свобод правомерны в условиях чрезвычайного положения (эпидемии, межнациональные конфликты, стихийные бедствия, массовые беспорядки и др.)» [2. – С. 13–23; 5].

Аналогичные законы существуют и в Российской Федерации, например, о чрезвычайном положении и др.

Основная доля обязанностей, в силу выполнения которых осуществляется ограничение прав и свобод гражданина, возложена на органы внутренних дел [3].

В пункте 1 статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. отмечается, что даже в условиях чрезвычайного положения недопустимы меры, несовместимые с «их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения». Особо подчеркивается недопустимость пыток, рабства и др. (статьи 6, 7, пункты 1 и 2 статьи 8, статьи 11, 15, 16 и 18).

Международное право выработало и иные международные документы, чьи нормы носят рекомендательный характер, например, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г., Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим и языковым меньшинствам 1992 г. и др.

Обязательными с точки зрения международного признания авторитета государства являются стандарты, закрепленные в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и др.

Анализ вышеназванных международных актов позволяет сделать важный вывод о том, что область международного сотрудничества по гуманитарным вопросам должна находиться вне идеологий и вне политики. Необходимо исключить сведение прав человека к пропагандистским, выборным и иным политическим технологиям, используемым для достижения корыстных интересов.

Государство, закрепляя в своих конституциях гарантии соблюдения прав и свобод гражданина, тем самым возлагает на себя ответственность перед личностью за несоблюдение этих прав и свобод человека и гражданина. Так, в соответствии с частью 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации каждый вправе обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Поскольку Россия до 15 марта 2022 г. являлась членом Совета Европы, то каждый гражданин России имел право на обращение в Европейский суд по правам человека. Обращение в Европейский суд предусматривало обязательные ссылки на положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейской конвенции по правам человека).

Известен также ряд всемирных организаций, действующих под эгидой ООН, так называемые специализированные учреждения (ЮНЕСКО, ВОЗ, МОТ, ВОИС), организации, обладающие определенной компетенцией (ФАО, ВОЗ) и региональные организации (ОАЕ, ОАГ, Совет Европы, ОБСЕ).

Генеральная Ассамблея ООН – главенствующий орган, который принимает по проблемным

вопросам резолюции. Среди них особо важное место занимают декларации.

Венская декларация и Программа действий, были приняты на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г. В пункте 5 Венской декларации, в частности, подчеркивается следующее: «все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием».

В свою очередь Россия до 15 марта 2022 г. была полноправным членом Совета Европы. Решение о выходе было принято политическим руководством страны в силу того, что НАТО использовал тему прав человека для реализации своих геополитических интересов, а также в связи с непрекращающейся продолжительной антироссийской дискуссией в ПАСЕ. МИД России отметило, что недружественные России страны ЕС и НАТО долгое время продолжали линию на разрушение этой международной организации и общего гуманитарно-правового пространства. С этого момента Россия вышла из всех органов Совета Европы и в соответствии с положениями статьи 58 Конвенции о защите прав человека и основных свобод с 16 марта 2022 г. фактически денонсировала ее.

Следует отметить, что страны – члены Совета Европы, обвиняя Россию в нарушении многих положений статей Конвенции, сами являлись недобросовестными ее исполнителями.

Для самостоятельного проведения ретроспективного анализа нарушений положений Конвенции недружественными России странами европейского сообщества, проведем краткий обзор ее положений. Последние статистические данные за 2021 г. можно найти в ежегодном отчете Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ)¹.

Нормы, направленные на охрану жизни и здоровья человека:

- статья 2 Конвенции (право на жизнь);
- статья 1 Протокола № 6 (отмена смертной казни);
- статья 3 Конвенции (запрещение пыток).

Нормы, направленные на охрану достоинства, независимости и равноправия людей:

- статья 4 Конвенции (запрещение рабства и принудительного труда);
- статья 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни);
- статья 12 Конвенции (право на вступление в брак);
- статья 14 Конвенции (запрещение дискриминации);
- статья 5 Протокола № 7 (равноправие супругов).

Нормы, направленные на охрану свободы самовыражения и развития человека:

- статья 9 Конвенции (свобода мысли, совести и религии);
- статья 10 Конвенции (свобода выражения мнения);
- статья 2 Протокола от 20 марта 1952 г. (право на образование).

Полагаем, что в связи с проведением начатой Россией 24 февраля 2022 г. специальной военной операцией на Украине число жалоб возросло бы на порядок, что свидетельствует о присутствии в стране той части граждан, которые враждебно настроены к своей стране либо обладают низким уровнем правового сознания и грамотности. Новеллами уголовного законодательства в этой сфере стали статья 207.3 УК РФ, статья 280.3 УК РФ и др.

Нормы, направленные на охрану политических свобод:

- статья 11 Конвенции (свобода собраний и ассоциаций);
- статья 3 Протокола от 20 марта 1952 г. (право на свободные выборы).

Нормы, направленные на охрану личной свободы и обеспечение судебной защиты прав и свобод:

- статья 5 Конвенции (право на свободу и безопасность);
- статья 6 Конвенции (по данным ЕСПЧ, право на справедливое судебное разбирательство с 1959 по 2021 г. занимало первое место в перечне нарушений прав; в 2021 г. – 3-е место из чаще всего нарушаемых прав);
- статья 7 Конвенции (наказание исключительно на основании закона);
- статья 13 Конвенции (право на эффективные средства правовой защиты);
- статья 1 Протокола № 4 (запрещение лишения свободы за долги);
- статья 2 Протокола № 7 (право на апелляцию по уголовным делам);

¹ Страсбургское правосудие: главные цифры за 2021 год. – URL: <https://pravo.ru/story/238497/>

— статья 3 Протокола № 7 (компенсация в случае судебной ошибки);

— статья 4 Протокола № 7 (право не привлекаться к суду или повторному наказанию).

Нормы, направленные на охрану свободы передвижения и выбора места жительства:

— статья 2 Протокола № 4 (свобода передвижения);

— статья 3 Протокола № 4 (запрещение высылки граждан);

— статья 4 Протокола № 4 (запрещение массовой высылки иностранцев).

Нормы, направленные на защиту имущественных прав:

— статья 1 Протокола от 20 марта 1952 г. (защита собственности).

Таким образом, рассматривая содержание международных стандартов в области прав человека, а также их реализацию, важно отметить следующее: 1) государства, подписавшие акты, содержащие международные стандарты, или присоединившиеся к таковым актам в границах своей юрисдикции, обязаны обеспечить комплексную защиту всего спектра прав и свобод своих граждан; 2) международные стандарты в сфере прав и свобод человека, к сожалению, не носят всеобязывающего характера повсеместного признания прав человека без различия границ государств; 3) в сфере правового регулирования прав и свобод граждан под прикрытием борьбы за торжество либеральных ценностей американцы и их союзники на самом деле реализуют идею

глобального тоталитаризма как в отношениях между государствами, так и в жизни гражданского общества этих «суверенных» государств; 4) в международных отношениях в сфере соблюдения прав граждан, как и в межгосударственных отношениях, положения норм международных правовых актов всецело подменены правилами ситуативного и целесообразного поведения, которые навязываются, как правило, слабому и фактически не суверенному государству. Если контрагент эти правила не принимает, то представители однополярного мира применяют весь спектр силового давления на противника (конкурента), начиная от посягательства на его имущество и имущество его юридических лиц, граждан, и заканчивая ведением прокси-войн, которые нередко перерастают в открытый вооруженный конфликт;

5) международные стандарты в области прав и свобод человека в XXI в. так и остались декларативными рекомендательными нормами и укладываются в тенденцию пренебрежения ими и отступления от них, если государство (межгосударственное образование) в своей деятельности преследует свои геополитические, политические, экономические и иные цели, руководствуясь принципом ситуативной целесообразности, а не принципами международного права, в том числе и в сфере соблюдения прав, свобод и интересов граждан в любой области их частной жизни.

Список литературы

1. Зимненко Б. Л. Анализ обращений в Европейский суд по правам человека против Российской Федерации // Московский журнал международного права. – 2001. – № 2. – С. 112–124.
2. Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции Российской Федерации (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 13–23.
3. Сибирский юридический форум: проблемы обеспечения прав человека : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020.
4. Словарь международного права. 3-е изд. перераб. и доп. – М. : Статут, 2014.
5. Стремоухов А. В. Правовая защита человека: теоретические проблемы : монография. – СПб. : Санкт Петербургский ун-т МВД России, 2003.
6. Тиунов О. И. Международно-правовые стандарты прав человека: развитие и характерные черты // Российский юридический журнал. – 2001. – № 4. – С. 41–49.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-56-61>

Основные тенденции правового регулирования персональных данных в России и Европейском союзе и их влияние на бизнес

А. Д. Фролова

юрист ООО «ГлоуБайт Аналитические Решения»

Адрес: ООО «ГлоуБайт Аналитические Решения»,

119530, Москва, внутригородские муниципальные образования Москвы,

Муниципальный Округ Очаково-Матвеевское, ш. Очаковское, д. 28, строение 2.

E-mail: 21039595@mail.ru

The Main Trends in the Legal Regulation of Personal Data in Russia and the European Union and Their Impact on Business

A. D. Frolova

Lawyer of LLC "GlowByte Analytical Solutions"

Address: LLC "GlowByte Analytical Solutions"

28, Building 2, Ochakovskoye Highway, Inner-City Municipalities of Moscow,

The Municipal District of Ochakovo-Matveevskoye, Moscow, 119530, Russian Federation.

E-mail: 21039595@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения Общего регламента по защите персональных данных (далее – GDPR) и Федерального закона № 152 «О персональных данных» (далее – ФЗ-152) как основных источников правового регулирования сферы персональных данных в России и Европейском союзе. Проводится сравнительно-правовой анализ норм Регламента и ФЗ-152 с учетом изменений, внесенных в закон. Подчеркивается высокий уровень развития законодательного регулирования GDPR в вопросах обеспечения безопасности обработки персональных данных, прав субъектов персональных данных, а также во взаимодействии участников процесса обработки данных с надзорными органами. Особое внимание уделяется механизмам защиты персональных данных, оцениваются возможные последствия и их влияние на бизнес в рамках внесенных изменений в ФЗ-152. Делается вывод о том, что инициированные поправки к закону в значительной степени направлены на обеспечение прав и интересов субъектов персональных данных, но в то же время могут вызвать усложнение процессов для бизнеса.

Ключевые слова: субъект персональных данных, оператор, контролер, процессор, лицо, осуществляющее обработку персональных данных, защита персональных данных.

Abstract

This article discusses the main provisions of the General Data Protection Regulation (next – GDPR) and Federal Law № 152 "On Personal Data" (next – Law-152) as the main sources of legal regulation of the sphere of personal data in Russia and the European Union. A comparative legal analysis of some rules of the Regulation and Law-152 is carried out, taking into account the changes proposed in the new draft law. The high level of development of GDPR standards in matters of ensuring the security of personal data processing, the rights of personal data subjects, as well as in the interaction of participants in the data processing process with supervisory authorities is emphasized. Particular attention is paid to the mechanisms of personal data protection, the possible consequences and their impact on business within the framework of the amendments to law-152. It is concluded that the initiated amendments to the law are largely aimed at ensuring the rights and interests of personal data subjects, but at the same time may cause complication of processes for business.

Keywords: personal data subject, operator, controller, processor, person processing personal data, personal data protection.

На сегодняшний день проблема правовой охраны персональных данных является актуальной как в России, так и за рубежом в связи с массовым распространением информации и персональных данных субъектов.

Основным законом, нацеленным на урегулирование персональных данных в России, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ-152)¹. В соответствии с законом «персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу». Таким образом, перечень персональных данных не конкретизируется законодателем, оставляя этот список открытым.

В Европейском союзе (далее – ЕС) регулирование персональных данных осуществляется с помощью Общего регламента по защите персональных данных (The Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation – далее – GDPR или Регламент)². Определение персональных данных в этом документе практически не отличается от представленного в ФЗ-152: «любая информация, связанная с определенным или определяемым физическим лицом («субъектом данных»)). Определяемое лицо признается таковым, если оно может быть определено прямо или косвенно, в частности, посредством ссылки на его имя, идентификационный номер и т. п.»

Относительно участников процесса обработки персональных данных в ФЗ-152 и Регламенте употребляются практически одинаковые термины с разницей в их наименованиях. GDPR под процессором понимает лицо, осуществляющее обработку персональных данных (есть и в российском законе).

Совсем недавно в статье 3 ФЗ-152 «О персональных данных» не было указано определение понятия «лица, осуществляющего обработку персональных данных», но недавний Законопро-

ект от 6 апреля 2022 г. № 101234-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и иные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты прав субъектов персональных данных» (далее – законопроект) ввел это понятие, подчеркнув, что, в отличие от оператора, лицо, занимающееся обработкой персональных данных, не определяет цели обработки персональных данных, их состав. В качестве контролера GDPR определяет физическое или юридическое лицо, которое само определяет цели и средства обработки персональных данных. Такое определение соответствует оператору в ФЗ-152.

Ранее ФЗ-152 имел юридическую силу только на территории России, в отличие от GDPR, который носит экстерриториальный характер. Однако законопроект внес изменения, чтобы распространить действие настоящего закона вне территории России³. Пока непонятно, каким образом уполномоченные органы будут вмешиваться в работу с персональными данными российских граждан на территории иностранных государств тем не менее такие поправки к закону уже приняты.

Несмотря на то что Регламент является продуктом нормотворчества ЕС, нормы GDPR могут распространяться за пределы ЕС, в том числе и на российские юридические лица. Это вытекает из самого текста Регламента, а именно статьи 3, где определяется сфера действия Регламента и критерии его применения:

1) если оператор или обработчик, который совершает действия с персональными данными, осуществляет предпринимательскую деятельность на территории ЕС. При этом не имеет значения, где именно он обрабатывает персональные данные⁴;

2) если оператор не имеет присутствия на территории ЕС и данный оператор обрабатывает

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (часть 1). – Статья 3451.

² The Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). – URL: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679>>

³ Законопроект от 6 апреля 2022 г. № 101234-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и иные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты прав субъектов персональных данных». – URL: <<https://sozd.duma.gov.ru/bill/101234-8>>

⁴ Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD), CJEU, C-131/12. – URL: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62012CJ0131>>; Unabhängiges Landeszentrum für Datenschutz Schleswig-Holstein/Wirtschaftsakademie Schleswig-Holstein GmbH, CJEU C-210/16. – URL: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62016CJ0210>>

данные субъекта, находящегося на территории ЕС. Это условие применяется в отношении товаров или услуг, которые предлагаются субъектам, проживающим на территории ЕС, или в связи с мониторингом поведения лиц, находящихся на территории ЕС. Однако стоит отметить, что если такие товары или услуги предоставляются случайно или непостоянно на территории ЕС, то к данной ситуации Регламент не будет применим [4].

Во всех случаях применения GDPR, указанных в статье 3 Регламента, организация, не зарегистрированная в ЕС, должна назначить представителя в ЕС. При этом в данном требовании есть исключения. Представитель может быть не назначен, если:

- 1) обработка носит временный характер;
- 2) специальные категории персональных данных не обрабатываются в больших объемах;
- 3) обработка не нарушает права и свободы физических лиц;
- 4) обработку персональных данных осуществляют государственные органы.

Представителем может быть физическое или юридическое лицо, которое должно находиться в одном из государств, где присутствуют субъекты, чьи персональные данные обрабатываются, и которое уполномочено контролером или процессором. Однако принципиальным является тот факт, что последние по-прежнему остаются ответственными за свои действия.

ФЗ-152 предусматривает возможность трансграничной передачи персональных данных, т. е. передачу персональных данных на территорию иностранных государств. До принятия поправок к Федеральному закону одним из условий трансграничной передачи была обязанность оператора убедиться, что иностранное государство, на территорию которого передаются персональные данные, способно обеспечить адекватную защиту прав субъектов персональных данных до начала трансграничной передачи персональных данных. Теперь после принятия вышеупомянутого законопроекта оператору будет вменяться обязанность уведомлять уполномоченный орган о такой передаче. Уведомление должно содержать наименование оператора; источник, из которого получены персональные данные; цель трансграничной передачи и их дальнейшей обработки; категорию субъектов персональных данных, чьи данные передаются; сведения о государственном органе, юридическом или физическом лице,

которому планируется передача данных; сведения о мерах, которые принимаются государственными органами, лицами, получающими персональные данные.

В уведомлении также необходимо указать информацию о том, какими законами регулируется сфера персональных данных в иностранном государстве, под юрисдикцией которого находится лицо, которому планируется передать персональные данные. Однако данную информацию следует указывать в случае, если трансграничная передача осуществляется лицу, которое находится в государстве, не способном обеспечить адекватную защиту субъектов персональных данных.

Таким образом, помимо общей информации, трансграничную передачу которой оператор должен будет направить в уполномоченный орган путем уведомления, ему придется провести анализ правового регулирования персональных данных иностранным государством, в которое он планирует передавать персональные данные. Сбор такой информации также накладывает на компании дополнительные финансовые и трудовые затраты.

При этом не имеет значения, в какое иностранное государство оператор будет направлять персональные данные – государство, которое является стороной Конвенции Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (далее – Конвенция), либо в государство, которое не ратифицировало данную Конвенцию.

Трансграничную передачу персональных данных можно запретить или ограничить в целях защиты основ и безопасности государства, нравственности, здоровья и прав граждан этого государства. В принятом законопроекте отдельно указано, что в то время, как уполномоченный орган будет рассматривать уведомление оператора о трансграничной передаче персональных данных на территорию иностранного государства, способного обеспечить защиту персональных данных субъекта, осуществлять трансграничную передачу на территорию указанного иностранного государства можно без ограничений, т. е. оператор может выполнять действия по трансграничной передаче одновременно с принятием решения уполномоченным органом.

Трансграничная передача запрещается на территорию иностранных государств, которые не обеспечивают защиту персональных данных

субъектов до тех пор, пока уполномоченный орган не примет положительное решение.

Кроме того, в случае запрета или ограничения трансграничной передачи оператору следует обеспечить уничтожение лицом ранее переданных им персональных данных. При этом оператор должен отчитываться о любой трансграничной передаче персональных данных в уполномоченный орган. Такой подход кажется не вполне рациональным по причине того, что это может затруднить работу бизнеса, в частности IT-компаний, работающих с облачным сервисом.

В европейском законодательстве под трансграничной передачей понимается передача персональных данных для их обработки в третью страну или международную организацию. Однако важным условием такой передачи является то, что она возможна только при условии соблюдения условий Регламента.

Если Европейская комиссия решит, что третья страна способна обеспечить адекватный уровень защиты персональных данных, то никакого специального разрешения на трансграничную передачу не потребуется. Однако комиссия в любой момент может изменить свое решение, если обнаружит, что законодательство третьей страны не отвечает установленным критериям обеспечения защиты. Тем не менее шанс передать персональные данные даже в страны, которые не могут обеспечить надлежащий уровень защиты, имеется, если контролер и процессор дадут гарантии, и при условии, что у субъектов персональных данных есть эффективные средства правовой защиты.

Стоит также упомянуть изменения закона, касающиеся случаев обработки персональных данных, при которых не требуется уведомлять уполномоченный орган. До вступления поправок к ФЗ-152 в силу их было перечислено девять, но с принятием законопроекта их количество существенно сократилось.

Таким образом, теперь не уведомлять уполномоченный орган можно только в случае: если такие персональные данные включены в государственные информационные системы для защиты безопасности государства; если обработка персональных данных осуществляется без использования средств автоматизации; персональные данные обрабатываются в целях соблюдения законодательства о транспортной безопасности. Такое сокращение случаев уведомления уполномоченного органа видится избыточным.

Поскольку важно не только усилить контрольные меры, но и обеспечить понятный и удобный для всех участников процесс.

Европейский Регламент предусматривает достаточно много возможностей для осуществления субъектом контроля за своими персональными данными. Субъект персональных данных имеет право получить доступ к своим данным, касающимся цели обработки, информации о получателях данных, сроке хранения и т. д. Субъект также имеет право на удаление и изменение своих персональных данных, отзыв согласия на обработку персональных данных, ограничение обработки. Относительно недавно в GDPR появилось право субъекта на перенос персональных данных от одного контролера другому. ФЗ-152 в свою очередь предусматривает практически те же вышеупомянутые права субъекта персональных данных, что и GDPR, кроме права на перенос персональных данных.

Положения о мерах защиты персональных данных субъектов при их обработке достаточно подробно получили свое развитие в GDPR. Регламент содержит подробный план взаимодействия участников процесса обработки персональных данных с надзорными органами. Причем важной особенностью является то, что такое сотрудничество происходит еще до начала действий с персональными данными.

Регламент предусматривает необходимость анализа воздействия на защиту данных в случае, если происходит обработка специальных категорий данных или компания проводит постоянный мониторинг субъектов. При этом если существует большая вероятность, что такой вид обработки, особенно с использованием новых технологий, ставит под риск права и интересы субъектов, то оценка воздействия определенно необходима. Такая оценка должна включать в себя цели обработки (соотношение необходимости обработки с ее целями), предполагаемую оценку рисков для прав субъекта, меры, которые планируется принять для устранения рисков.

Отдельной мерой по защите персональных данных является назначение инспектора. На роль инспектора назначается лицо, владеющее экспертными знаниями законов о персональных данных.

Существуют обязательные случаи, когда контролер или процессор обязан назначать инспектора:

1) обработка осуществляется государственным органом, за исключением судов;

2) происходит постоянный мониторинг деятельности субъектов;

3) специальные категории персональных данных обрабатываются в большом количестве.

Основными задачами инспектора являются информирование и консультирование контролера или процессора по вопросам, связанным с персональными данными, осуществление мониторинга соблюдения Регламента и других законов, связанных с персональными данными, предоставление рекомендаций по оценке воздействия защиты персональных данных, сотрудничество с надзорными органами.

При этом инспектор несет ответственность перед высшим руководством контролера и процессора. Поэтому инспектор не получает от контролера и процессора никаких инструкций при осуществлении своей деятельности и не может быть ими уволен. Таким образом, обеспечивается равенство интересов и дополнительный контроль за обеспечением прав и свобод субъектов.

В дополнение к вышеперечисленным мерам Регламент приветствует принятие контролерами и процессорами различных кодексов поведения, учреждение механизмов сертификации. Помимо превентивных мер, GDPR содержит порядок действий в случае нарушения безопасности персональных данных.

Так, контролер обязан уведомить надзорный орган в течение семидесяти двух часов после обнаружения незаконного доступа к персональным данным. В свою очередь Регламент обязывает процессора уведомлять контролера немедленно без неоправданной задержки. Такое уведомление должно содержать характер нарушения, по возможности количество пострадавших субъектов, описание последствий, предпринятые или предлагаемые к принятию меры для устранения такого нарушения.

Законодательное регулирование обеспечения безопасности персональных данных в России также не стоит на месте. Внесенные поправки в ФЗ-152 направлены на совершенствование мер по их защите. Статья 18.1 ФЗ-152 предусматри-

вает, какие меры оператор мог принять для выполнения своих обязанностей. Поправки к Федеральному закону сделали эти меры обязательными для оператора, сохранив за ним возможность самостоятельно определять состав и перечень таких мер.

Еще одним нововведением стала обязанность оператора наладить взаимодействие с государственной системой, связанной с предотвращением компьютерных атак. В случае возникновения неправомерного доступа к персональным данным субъекта оператор обязан в течение двадцати четырех часов с момента наступления такого инцидента сообщить об этом уполномоченному органу. Сам уполномоченный орган будет вести реестр учета таких инцидентов.

Проблема защиты персональных данных субъектов является краеугольным камнем в вопросе их регулирования. Законодательство обязано учитывать те вызовы и проблемы, которые возникают сегодня в сфере охраны персональных данных. Как в ЕС, так и в России наблюдается довольно быстрое развитие законодательного регулирования. GDPR имеет большую проработанность в вопросах предотвращения незаконного доступа к персональным данным и их утечки. В то же время нельзя принижать роль ФЗ-152, поскольку он достаточно проработан в этих вопросах.

С принятием поправок к ФЗ-152 появилось много существенных изменений в трансграничной передаче, уведомлении уполномоченного органа об обработке персональных данных, а также укрепилось взаимодействие операторов с уполномоченными органами с целью защиты персональных данных.

Безусловно, все эти меры призваны обеспечить соблюдение прав субъектов персональных данных и сократить количество незаконного доступа к их персональным данным. В то же время важным является недопущение учинения препятствий бизнесу в их деятельности в связи с ужесточением законодательства в области персональных данных, которое, вероятно, еще терпит множество изменений.

Список литературы

1. Абышко А. О. Конец общедоступных персональных данных в России? К вопросу о Федеральном законе от 30 декабря 2020 года N 519-ФЗ // Закон. 2022. N 3.

2. Грибанов А. А. Общий регламент о защите персональных данных (General Data Protection Regulation) : идеи для совершенствования российского законодательства // Закон. – 2018. – С. 149–162.
3. Нам К. В. Особенности развития правового регулирования оборота и защиты персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. N 5.
4. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». – М. : Статут, 2017.
5. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. – 2020. – № 1. – С. 60–92.
6. Солдатова В. И. Проблемы защиты персональных данных в условиях применения цифровых технологий // Право и экономика. – 2019. – № 12.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-62-67>

Софиократическая (интеллектуально-аристократическая) теория происхождения государства и права

А. В. Серегин

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Seregin.AV@rea.ru

Sophiocratic (Intellectual-Aristocratic) Theory of the Origin of the State and Law

A. V. Seregin

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: Seregin.AV@rea.ru

Аннотация

В статье рассматриваются историко-правовые проблемы происхождения государства и права с позиции софиократической (интеллектуально-аристократической) теории. Автор, анализируя генезис древнейших цивилизаций мира (египетской, шумерской, харапской и китайской), известных современной науке, приходит к выводу, что становление политико-правовых институтов человечества осуществлялось по плану, разработанному жреческим сословием, совмещавшим в себе качества ученых, идеологов, религиозных вождей и авторитетных деятелей культуры. Государство и право в первую очередь есть продукт человеческой мысли, материализованной в законодательстве и юридической практике. Развитое правовое мышление невозможно без накопления знаний, создающих сложную урбанистическую культуру. Поэтому генезис государственно-правовой организации социума явился закономерным результатом накопления знаний интеллектуальными софискратами – истинными аристократами древнего социума. По сути, в статье отмечается, что экономическая, идеологическая, военная, классовая, биологическая, цивилизационная и др. гипотезы происхождения государства, актуальны лишь в процессе их гностического переосмысления в качестве вторичных факторов развитого знания. Кроме того, автором особо подчеркивается, что тайны овладения огнем, выращивания и выпечки хлеба, изобретения письменности и математики, еще не были проанализированы с позиции протогосударственных факторов. Говоря однозначно, знание первично к праву и государству.

Ключевые слова: софиократия, государство, право, элита, аристократия, жречество, знание, цивилизация, теория, гнозис, правовое мышление, политико-правовая мысль, духовно-нравственные качества.

Abstract

The article examines the historical and legal problems of the origin of the state and law from the standpoint of the sophikratic (intellectual-aristocratic) theory. The author, analyzing the genesis of the most ancient civilizations of the world (egyptian, sumerian, harap and chinese), known to modern science, comes to the conclusion that the formation of political and legal institutions of mankind was carried out according to a plan developed by the priestly estate, combining the qualities of scientists, ideologists, religious leaders and authoritative cultural figures. The state and law are primarily the product of human thought, materialized in legislation and legal practice. Developed legal thinking is impossible without the accumulation of knowledge that creates a complex urban culture. Therefore, the genesis of the state-legal organization of society was a natural result of the accumulation of knowledge by intellectual co-democrats – true aristocrats of ancient society. In fact, the article notes that economic, ideological, military, class, biological, civilizational, etc. hypotheses of the origin of the state are relevant

only in the process of their gnostic reinterpretation as secondary factors of developed knowledge. In addition, the author emphasizes that the secrets of mastering fire, growing and baking bread, the invention of writing and mathematics have not yet been analyzed from the standpoint of proto-state factors. Speaking unequivocally, knowledge is primary to law and the state.

Keywords: sophiocracy, state, law, elite, aristocracy, priesthood, knowledge, civilization, theory, gnosis, legal thinking, political and legal thought, spiritual and moral qualities.

Традиционной мировоззренческой проблемой историко-теоретической юриспруденции, имеющей как эвристический, так и эмпирический смысл, является тайна происхождения двух социальных феноменов – *права и государства*.

Большую часть своей истории (от 45 до 200 тыс. лет) *homo sapiens* жил в условиях родоплеменного строя [20. – С. 266–275].

Феномен государственности как минимум за последние пять тысяч лет охватил всю ойкумену (от др. греч. *οἰκουμένη* – заселенная земля), о чем свидетельствует ООН, представляющая собой универсальную международную площадку для дипломатического сотрудничества преимущественно суверенных государств и наций, борющихся за создание своей собственной государственности [17. – С. 16–29].

От ответа на вопросы, зачем, почему, когда, как и в чьих интересах возникла новая система государственно-юридического управления людьми, «заразившая человечество», зависит понимание современной цивилизации в целом или ее отдельных частей.

Итак, теоретическая юриспруденция по сей день никак не может найти «родителей двух детей» социогенеза: *государства и права*¹.

Более того, дискуссия о первородстве государственной власти или правового регулирования общественного поведения в отношении друг к другу так же актуальна, как и философская проблема о первичности происхождения курицы или яйца.

Разгадать эту загадку весьма сложно, но не безнадежно.

Стоит признать, что познание закономерностей генезиса государства и права осложняется серьезными методологическими, политическими, историческими, религиозными и иными факторами, искажающими или скрывающими истинную

природу первичного государственно-правового развития человечества.

Вместе с тем выявление реальных препятствий для научного познания, как правило, дает возможность найти способы по их преодолению.

Во-первых, точное время возникновения первых государств на нашей планете скрыто толщей тысячелетий. Например, государства в долинах рек Инда, Тигра, Евфрата, Нила, Янцзы и Хуанхэ возникли на рубеже IV–III тысячелетий до н. э. [4]. По существу, эта полуполюгендарная, мифическая история *homo sapiens* покрыта сильным налетом фантазии и трансцендентального герметизма религиозной догматики. Преодолеть нехватку объективных данных пока невозможно из-за отсутствия машины времени, поэтому любая теория, объясняющая процесс происхождения права и государственности, всегда остается гипотезой.

Во-вторых, ученые, как и все люди, подвержены субъективным воздействиям культурно-исторического и политического характера, влияющим в конечном счете на их выводы.

Таким образом, исследователю тайны происхождения государства и права важно не попасть в субъективно-идеалистические и псевдо-объективные ловушки иллюзорного реализма нашего сознания.

Догма догм, одна из древнейших гипотез возникновения государства и права – теологическая – призывает верить в божественное произволение, определившее политико-правовую форму человеческого существования, создавшее власть и закон. Например, в древнеегипетском «Мемфисском богословском трактате» повествуется о деяниях божества следующим образом: «Умиротворился Птах, создав все вещи и божественные слова. Он породил богов, создал города, основал номы, поместил богов в их святилища, учредил жертвоприношения, основал храмы, сотворил их

¹ Кашанина Т. В. Происхождение государства и права : учебник. – М., 2004.

тела ради умиротворения их сердец»¹. Шумерская традиция исходила из того, что царственность в город Эреду принесли бессмертные Боги². Но тогда трудно объяснить, почему у различных народов возникли разные формы правления (монархии в Египте и Шумере и республики в городах Финикии)³ и весьма противоречивые, а иногда и антагонистичные законы?

Так, халдейские Боги (Энлиль, Мардук, Шамаш и др.) в Законах Хаммурапи допускали храмовую проституцию, считая ее, с точки зрения сакрального миропорядка, угодной небесному устройству (ст. 181 Законов Хаммурапи⁴), что противоречило Ветхозаветному законодательству данному Богом Иеговой народу израильскому через своего пророка Моисея, ибо седьмая заповедь божья гласит: «Не прелюбодействуй» (Исх. 20:14), а в Книге Левит дополнительно разъяснялось, что «если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею, если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего, – да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка» (Лев. 20:10). В Древнем Вавилоне, если муж прощал свою неверную жену, то не подлежал наказанию и ее любовник (ст. 129 Законы Хаммурапи). В Шумере, стране Та-Кеми (Египте) и в первых государствах Поднебесной (Китая) не существовало жестких кастовых ограничений о переходе из одного сословия в другое, поэтому гипотетически жрецом или царем мог стать даже крестьянин. В Древней Индии переход из варны в варну при жизни был невозможен, никакой надежды на социальный лифт, даже в порядке исключения Боги не предусмотрели. Законы Ману в ст. 17. гл. III однозначно провозглашали: «Брахман, возведя шудрянку [служанку] на ложе, [после смерти] низвергается в ад; произведя от

нее сына, он лишается брахманства»⁵. Неужели Бог или боги формировали разную мораль?

Зеркальным отражением божественной теории в конце XX – начале XXI в. выступает *уфологическая* концепция, утверждающая, что вся наша цивилизация, а следовательно, государственность и право основаны *инопланетянами*⁶.

Экстраполяция семейно-родовых отношений на систему монархической власти логически сформировала патриархальную теорию, наиболее яркими представителями которой выступают Конфуций (551–479 до н. э.) [8. – С. 56] и Р. Филмер (1588–1653) [21. – С. 50]. Проблема отцовской доктрины проявилась в том, что в данное учение никак не вписывался опыт патриархально организованных народов кельтов, скифов и других, длительное время существовавших вне государства в древности, а также чеченцев и ингушей, организовавшихся в республиканские субъекты Российской Федерации только в XX столетии. Цыганский народ во главе со своими *баронами* вообще живет в параллельном культурном мире, не замечая государственность как таковую. Аналогичным образом можно констатировать анархистский, т. е. безгосударственный характер жизни современных бедуинов.

Обращение к договорным началам государства и права было predetermined потребностями развития буржуазно-либеральных настроений в XVII–XVIII вв. с безусловными субъективистскими перегибами:

– Т. Гоббс (1588–1679) полагал, что договор – это дитя страха, человеческого эгоизма, подчиненного прагматичному разуму [2. – С. 141];

– Д. Локк (1632–1704) считал, что договор о власти, есть великий компромисс разума, желающего достигнуть благоденствия и процветания [11. – С. 337–339];

– Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) увидел в договоре обман властвующими людьми подвластного им народа [15. – С. 255].

Создатель ирригационной теории К. Виттфогель (1896–1988) был близок к поиску априорных начал древнейшей государственности, но в своих

¹ Суверов Е. В. Государство и право Древнего Египта : учебное пособие. – Барнаул, 2007. – С. 24.

² Серегин А. В. История государства и права зарубежных стран Древнего мира и эпохи средневековья : учебник. – М. : Инфра-М, 2022. – С. 50.

³ Александрова Н. В., Ладынин И. А., Немировский А. А., Яковлев В. М. Древний Восток : учебное пособие для вузов / руководитель проекта А.О. Чубарьян. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – С. 40.

⁴ Тураев Б. А. Законы Хаммурапи. – М. : Берлин : Директ-Медиа, 2018.

⁵ Законы Ману / Пер. Г.Д. Эльмановича проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. – М.: Изд-во восточной литературы. – 1960.

⁶ Александрова Н. В., Ладынин И. А., Немировский А. А., Яковлев В. М. Древний Восток : учебное пособие для вузов / руководитель проекта А.О. Чубарьян. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – С. 186.

рассуждениях он преувеличил фактор искусственного орошения земель по отношению к сумме знаний, обеспечивающих существование сложно организованных политических сообществ людей [1].

Сторонники теории завоевания и насилия К. Каутский (1854–1938) [7. – С. 77] и Л. Гумплович (1838–1909) [5] фактически описали вариант восприятия германскими племенами древнеримского государственно-правового наследия. Так, после появления первой государственности соседние народы, столкнувшись с ней, заражались ее идеями и практикой воплощения в жизнь.

Расовая теория Ж. П. Гобино (1816–1882) [3], инцестная или половая теория К. Леви-Стросса (1908–2009) [10], спортивная теория Ортега-И.-Гасета (1883–1955) [14. – С. 40–51] и патримониальная теория К. Галлера (1768–1854) [23] интересны лишь с точки зрения влияния некоторых особенностей, сопровождавших развитие государственности, которые имели место и в догосударственный период истории человечества, ибо межрасовая, половая, военная, торговая и территориальные войны сопровождают человечество с древнейших времен его истории.

Классовая теория в период советской государственности (1917–1991 гг.), объявленная партией и правительством Союза ССР единственно верной, правильной и научной концепцией, разработанная К. Марксом (1818–1883) [12. – С. 24] и Ф. Энгельсом (1820–1895) [20. – С. 57], не смогла ответить на вопрос, почему «сказочные» богатства скифских и галльских племен не способствовали созданию государственности.

Справедливости ради стоит признать, что хотя материалистическая теория логически непротиворечиво описывает возникновение государственности в Европе у древних греков, римлян и германцев, но она игнорирует тот факт, что данные народы уже знали государственность своих соседей или предшественников: этрусков, египтян и минойцев.

Все вышерассмотренные гипотезы происхождения государства и права фактически представляют калейдоскопический лабиринт, в котором блистают экономические, идеологические, военные, классовые, культурологические, биологические и иные факторы сложных человеческих обществ, заводящих ученых в логические тупики, которые воспринимаются ими за окончательные пункты научного анализа.

Выход из пещеры теоретических заблуждений одновременно прост и сложен, ибо государственное управление народом на определенной территории с помощью особой публичной власти, обладающей военно-полицейской силой, издающей законы и осуществляющей правосудие, невозможно без определенного уровня знаний.

Первые государства на Земле (в Шумере и Древнем Египте) стали формироваться по определенному плану вокруг храмовых хозяйств с обязательным строительством монументальных сооружений (зиккуратов, пирамид, величественных храмов и т. д.). Эти сакральные сооружения имели важное религиозно-идеологическое значение, но с прагматической точки зрения представляли напрасную трату производительных сил. Строителей необходимо было кормить, поэтому появились налоги на их содержание. Весьма вероятно, что тайна производства хлеба кроется в необходимости обеспечить продовольствием рабочих: каменщиков, землекопов, подсобников и других тружеников.

Гнозис [16. – С. 14–18] рождения хлеба включает в себя искусство выращивания пшеницы (первоначально ячменя) посредством посева зерна в распаханную землю, проведение ирригационных работ для орошения в жарких климатических условиях, жатву колосьев, перемалывание зерна в муку, замешивание теста и выпечку лепешек или караваев. Воистину эта тайна, которую смогли раскрыть наши далекие предки благодаря не только специальным кулинарным и сельскохозяйственным познаниям, но и уровню накопленной и обобщенной астрономической информации, позволяющей отсчитывать месяцы времен года с помощью календаря, имеющего, архиважное значение для аграрного производства.

Кроме хлеба, для увеселения и расслабления рабочих после тяжелого труда в древнешумерских и древнеегипетских городах варили ячменное пиво.

Обработка камня и производство кирпичей (особенно обожженных) предполагали развитие металлургии для создания бронзовых, а затем и железных орудий труда.

Стоит сказать, что строительство зиккуратов, храмов, дворцов, пирамид и ирригационных каналов не могло осуществляться без глубоких познаний в области математики, особенно в геометрии.

Безусловно, то, что управление этими сложными социально организационными и производ-

ственными процессами потребовало издательства законов, которое немыслимо без гениальнейшего изобретения человечества – письменности. Харапская идеографическая письменность, например, имела около 270 знаков [13. – С. 116].

Носителями всех вышеперечисленных знаний являлись жрецы – древние *софиократы*, первые учителя и управленцы. Именно они основали номы государства, организовали строительство величественных храмов, вокруг которых выросли первые города Эреду, Урук, Ур, Лагаш и др.

Один из древнейших городов мира – библейский Иерихон – уже в VII тысячелетии был обнесен рвом шириной 8,5 м и глубиной 2,1 м, а также имел каменную стену толщиной 1,6 м и высотой около 4 м с круглыми башнями высотой более 8 м [13. – С. 116].

Археологические данные о Харапской цивилизации доарийской Индии указывают на то, что драведийские города имели правильную геометрическую планировку, развитые водопроводную и канализационную системы. Торговля в этих урбанистических центрах строилась на единообразной системе мер и весов [13. – С. 116].

Как только между городами-государствами начались войны за господство, часть военно-административной и судебной власти жречество передало царям (воинам), ставшим видимой, но далеко не единственной и не абсолютной силой в государстве. При этом древнеегипетские фараоны [6] и шумерские *энси* являлись членами жреческого сословия.

Для передачи знания об управлении государством жречество организовало школы, без которых мы не представляем существование нашей современной цивилизации.

Наиболее древние сведения о школьном образовании содержатся в шумерских глиняных табличках, датированных III тыс. до н. э. [6. – С. 125].

Главой школы, говоря современным языком, – директором, являлся «уммиа» (в переводе с шумерского – знающий человек, учитель, «отец школы»). Ученики считались «сыновьями школы», а помощники учителя – «старшими братьями» [9. – С. 20].

В штате школы состояли учитель рисования; учитель шумерского языка; наставник, следивший за посещаемостью; «владеющий хлыстом» – человек отвечающий за дисциплину.

В шумерских школах изучали богословие, ботанику, зоологию, минералогию, географию, математику, грамматику, лингвистику и астрономию. Программы преподавания делились на два вида: научно-техническую и литературную [9. – С. 20].

Благодаря школьной подготовке сложилось сословие писцов, квалифицированных высокообразованных государственных служащих.

Писцы делились на старших и младших, на царских и храмовых, на писцов, имеющих узкую и общую квалификацию [9. – С. 18]. Писцами являлись исключительно мужчины. Археологами не обнаружена ни одна табличка, подписанная женщиной [9. – С. 19].

Учениками шумерских школ были дети наиболее зажиточных горожан: жрецов, правителей (отцов города), храмовых управляющих, военачальников, капитанов судов, налоговых чиновников, хранителей архивов, счетоводов, подрядчиков и т. д. [9. – С. 19].

Подводя итоги сказанному, следует сделать вывод о том, что сущность *софиократической* или *интеллектуально-аристократической* теории государственно-правового генезиса, состоит в понимании государства и права в качестве результата материализации человеческой мысли; их возникновение было связано с реализацией плана управления социумом с помощью знаний, монополия на которые принадлежала жреческому сословию – архаическим софиократам древнего мира, оторвавшим *homo sapiens* от дикой природы и приведшим его к культурно-политической эволюции, к сожалению, с элементами неравенства и эксплуатации человека человеком, но с надеждой на очеловечивание и просвещение людей в процессе их исторического развития (от рабовладения к социальному гуманизму). Источник политико-правовой мысли находится в трансцендентальном мире умопостигаемых сущностей, которые толкуются человеком в меру развития духовно-нравственных и психолого-рациональных качеств личности.

Список литературы

1. *Витфогель К.* От первобытного коммунизма до пролетарской революции / пер. Я. Пакуля ; под ред. и с предисл. К. Грасиса. – Харьков : Путь просвещения, 1923.
2. *Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: в 2 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1991.
3. *Гобино Ж. А.* Опыт о неравенстве человеческих рас. – М. : Самоката, 2007.
4. *Грантовский Э. А.* Государство и общество в странах Древнего Востока // Государство на Древнем Востоке : сборник статей. – М. : Восточная литература, 2004. – С. 6 – 56.
5. *Гумплович Л.* Общее учение о государстве / пер. со 2-го нем. изд. со вступ. очерком, примеч. и доп. ст. И. Н. Неровецкого. – СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910.
6. *Зубов А., Зубова О.* Религия Древнего Египта. – Ч. I. Земля и боги. – М. : РИПОЛ классик, 2017.
7. *Каутский К.* Материалистическое понимание истории / пер. с нем. Е. А. Преображенского. – М. : Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.
8. *Конфуций* Беседы и суждения (Лунь-Ой) // Антология культурологической мысли / сост. С. Н. Мамонтов, А. С. Мамонтов. – М. : РОУ, 1996.
9. *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. – М. : Наука, 1965.
10. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М. : АСТ, 2011.
11. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1998.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Избранные произведения : в 2 т. – Т. I. – М. : Политиздат, 1948.
13. *Найдыш В. М.* Наука древнейших цивилизаций. Философский анализ. – М. : Альфа-М, 2012.
14. *Ортега-и-Гассет Х.* Спортивное происхождение государства // Философская и социологическая мысль. – 1990. – № 6. – С. 40–51.
15. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты : пер. с фр. – М. : КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998.
16. *Серегин А. В.* Трансцендентальный опыт гностического познания системы права // Журнал юридических исследований. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С. 14–18.
17. Субъекты современного международного права : монография / отв. ред. О. И. Тиунов. – М. : Инфра-М, 2015.
18. *Томпсенов В. А.* Государство и право Древнего Египта. – М. : Зерцало-М, 2011.
19. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. – М. : Политиздат, 1951.
20. *Cavalli-Sforza L. L., Feldman M. W.* The Application of Molecular Genetic Approaches to the Study of Human Evolution // Nature genetics. – 2003. – Vol. 33. – P. 266–275.
21. *Filmer R.* Patriarcha: or the Natural Power of Kings. – Oxford, Basil Blackwell, 1949.
22. *Haller de C. L. D.* Ristaurazione della Scienza Politica. – Vol. 1. Napoli: Stabilimento Tipografico Del Tramatea, 1850.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-68-78>

Совершенствование правового и организационного обеспечения новационного формата реализации нацпроектов Российской Федерации

Т. Э. Зульфугарзаде

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Improving the Legal and Organizational Support of the Innovative Format of the Implementation of National Projects of the Russian Federation

T. E. Zulfugarzade

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Аннотация

В статье приведены основные результаты научного исследования организационно-правового обеспечения реализации нацпроектов России 2019–2024 гг. с учетом их последующего развития в перспективе до 2030 г. Определены наиболее конкурентоспособные направления и возможности формирования на их основе новых векторов социально-экономической деятельности, гармонизированных с общими и специальными тенденциями все более расширяющейся цифровизации, способных противостоять новым вызовам и угрозам глобального, регионального и локального масштаба. Внесены предложения, направленные на совершенствование правового обеспечения в указанной сфере с учетом процессов глобализации, а также неблагоприятных последствий пандемических и санкционных явлений. В качестве основных методов познания при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, аналитический, историко-правовой, описательный и др. Научную новизну исследования составили выводы, в соответствии с которыми, обращаясь прежде всего к вопросам семьи и семейных ценностей в современном государстве, рассмотренный в настоящей работе классический либерализм, достаточно сильно укоренившийся в том числе и в России, предполагает атомистический индивидуализм, который подрывает семейную целостность. Таким образом, классический либерализм не подрывает основы семьи допущением о ее наполненности атомистическими, независимыми личностями. Скорее, согласно историческим данным, такие индивидуальности рождаются в семье, тем самым допуская ее создание. При этом в особом внимании классического либерализма к семье присутствует и экономический аспект, о чем свидетельствует тот факт, что полноценные семьи с двумя родителями процветают в относительно свободных экономиках, например, индустриально развитых стран. Здоровье семьи повышает вероятность экономического успеха ее детей. В довольно свободной экономике здоровые домохозяйства способствуют достижению более благоприятных экономических результатов. Свободные рынки фактически вознаграждают здоровые семьи, поддерживают, а не подрывают их. Соответственно, для приверженцев консервативных идей важность обеспечения и поддержания здоровых семей должна стать частью любой будущей политической экономики свободного рынка.

Ключевые слова: право, организация, закон, гармонизация, вызов, угроза, глобализация, пандемия, санкции, импортозамещение, экономика, деятельность, конкурентоспособность, цифровизация, инновации, социальное неравенство, выравнивание, семья, общество, институт, здравоохранение.

Abstract

The article presents the main results of a scientific study of the organizational and legal support for the implementation of national projects of Russia 2019-2024 taking into account their subsequent development in the future until 2030. The most competitive directions and opportunities for the formation on their basis of new vectors of socio-economic activity, harmonized with general and special trends of increasingly expanding digitalization, able to withstand new challenges and threats of global, regional and local scale. Proposals were made to improve legal support in this area taking into account the processes of globalization, as well as the adverse consequences of pandemic and sanctions phenomena. Logical, comparative, empirical, analytical, historical-legal, descriptive and others were used as the main methods of cognition during the research. The scientific novelty of the study was formed by the conclusions, according to which, referring primarily to the issues of family and family values in the modern state, the classical liberalism considered in this work, which is quite strongly rooted, including in Russia, assumes atomistic individualism, which undermines family integrity. Thus, classical liberalism does not undermine the foundations of the family by assuming that it is filled with atomistic, independent personalities. Rather, according to historical data, such individuals are born in the family, thereby allowing its creation. At the same time, there is also an economic aspect in the special attention of classical liberalism to the family, as evidenced by the fact that full-fledged families with two parents thrive in relatively free economies, such as industrialized countries. The health of a family increases the likelihood of economic success of its children. In a fairly free economy, healthy households contribute to more favorable economic outcomes. Free markets actually reward healthy families, support them, not undermine them. So for adherents of conservative ideas, the importance of healthy families should become part of any future free market political economy.

Keywords: law, organization, act, harmonization, challenge, threat, globalization, pandemic, sanctions, import substitution, economy, activity, competitiveness, digitalization, innovation, social inequality, alignment, family, society, institute, healthcare.

Немногим более года остается до окончания реализации двенадцати нацпроектов, которые призваны в первую очередь способствовать преодолению структурных ограничений, снижающих социально-экономическое развитие России с учетом процессов глобализации, негативных пандемических и санкционных явлений, в том числе развивать инициативу граждан, включая иностранцев и лиц без гражданства, имеющих легализованное право на осуществление трудовой и (либо) предпринимательской деятельности (в том числе поставленных на учет в качестве самозанятых) на территории Российской Федерации и юрлиц, независимо от формы собственности таких лиц и тех организационно-правовых форм, в которых таковые зарегистрированы, а также обеспечить стабильный эффективный рост национальной экономики на период до 2030 г. и последующие периоды.

Правовым и социально-экономическим проблемам, важности и необходимости практической реализации нацпроектов посвящены труды многих научных работников и экономических обозревателей-консультантов, среди которых представляется важным отметить Е. М. Бухвальда, С. Д. Валентея, Я. И. Ваславского, И. А. Вдовина, М. В. Вдовина, Д. Р. Венглинского, А. С. Воробьева, Д. В. Галанкина, Н. П. Глинкина, Н. В. Город-

нову, Е. А. Елькина, О. Б. Иванова, С. М. Ильина, Т. М. Козлову, В. Д. Кривова, К. Э. Лайкам, Л. А. Михейкину, И. Н. Орехина, А. Подругину, С. Л. Постникова, С. Н. Рябухина, Н. А. Самарскую, Д. Л. Скипина, А. Табах, А. Г. Третьякова, А. Тухватуллина, И. Л. Унтилову, А. В. Хмардюк, А. А. Шевченко, П. Л. Шестопалова и др.

Указанные авторы, достаточно подробно анализируя проблемы реализации нацпроектов как на федеральном, так и региональных уровнях и отчасти уровне управления муниципального значения в контексте реализации программ более высокого уровня, не уделили, по нашему мнению, должного внимания проблемным вопросам последующей (начиная с 2024 г.) реализации аналогичных проектов национального масштаба на среднесрочную (до 2030 г.) и последующую долгосрочную перспективу. Это объективно предопределило необходимость проведения настоящего научного исследования и его научную новизну, прежде всего с точки зрения формирования перспективных, фундаментальных, конкурентоспособных направлений социально-экономического развития, направленного на удовлетворение реальных нужд граждан, о чем неоднократно упоминает в своих обращениях президент Российской Федерации.

В результате проведенного анализа возможностей, которые в краткосрочной перспективе принесет России успешная реализация нацпроектов 2019–2024 гг., были определены следующие основные, по мнению авторов, конкурентоспособные направления, способствующие формированию на их основе новых векторов социально-экономической деятельности, гармонизированных с общими и специальными тенденциями все более расширяющейся цифровизации, способной противостоять новым вызовам и угрозам глобального, регионального и локального масштаба.

Большое количество нацпроектов, дополненных нацпрограммой и комплексным планом, увеличивающих их общее число до четырнадцати, вызывает определенные сложности в их восприятии, понимании и реализации на новом этапе, охватывающем 2024–2030 гг. Поэтому их целесообразно обобщить в следующие три, взаимосвязанные между собой основные группы (направления перспективного развития), первая из которых направлена на социальное выравнивание, т. е. преодоление бедности – преодоление социального неравенства (ПСН), вторая – на системное формирование новой образовательно-научной среды (ОНС) и третья – на развитие строительной, промышленной и транспортной инфраструктуры (СПТ).

1. *Преодоление социального неравенства.* В своем недавнем ежегодном Послании Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г. Президент Российской Федерации особо подчеркнул: «Сбережение российского народа – высший национальный приоритет страны». Этим приоритетом, по его мнению, определяются все основные положения обновленной Конституции Российской Федерации, а именно «о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей, об укреплении социальных гарантий» [1. – С. 9].

Ведь именно от укрепления соцгарантий, их эффективности зависит судьба нашей страны и ее дальнейшие перспективы, в том числе историческая и стратегическая. Среди приоритетных задач на ближайшую и среднесрочную перспективу снова выдвигаются такие показатели, как улучшение рождаемости. В свою очередь восстановление рынка труда непосредственно связано с необходимостью продолжения активной работы по развитию институтов здравоохранения, соцзащиты, внедрению новых форм преодоления неравенства в обществе и реализации мер поддержки, способ-

ствующих установлению социального равновесия, так необходимого для последующего уверенного и поступательного развития.

Постоянная и целенаправленная работа российского государства, направленная на помощь малоимущим, особенно важна в современных условиях коронавирусной эпидемии и уже дает свои ощутимые результаты. Неуклонное снижение уровня бедности граждан России, чьи доходы ниже установленного прожиточного минимума (11 185 руб./мес.), количество которых достигло, по данным Росстата 17,8 млн человек, что составляет 12,1% народонаселения Российской Федерации [2], отнюдь не отменяет необходимости наращивания усилий в данном направлении.

Немаловажно отметить, что с учетом латентности вынужденного снижения за последние несколько месяцев уровня занятости населения, сопровождающегося снижением уровня доходов, получаемых от трудовой и предпринимательской деятельности, вызванного коронакризисом, приходится говорить о том, что, по различным оценкам, на сегодняшний день количество граждан, проживающих за чертой бедности, превысило 20 млн, и в ближайшей перспективе их число может превысить 25% [4] от общего числа наших сограждан. В формате реализации нацпроектов предполагается, в частности, развивать в Российской Федерации систему соцконтрактов, посредством которых довести адресную помощь нуждающимся уже не до 7,5%, как это происходит в наши дни, а до 35% к 2024 г., что несомненно не позволит считать поставленные задачи по преодолению бедности решенными в достаточной мере. В указанной связи полагаем важным предусмотреть возможность доведения этой цифры к 2030 г. как минимум до 90%.

Наравне с продолжением реализации таких важных социальных программ, как обеспечение доступным жильем, медицинскими и образовательными услугами и т. д., внесенное предложение по доведению к 2030 г. количества соцконтрактов не менее чем до 90% малообеспеченных граждан России представляется стратегически важной задачей, имеющей первостепенное значение. При этом остальные направления соцразвития не могут быть секвестрированы, что позволит приблизиться к достижению значимых показателей в сфере ПСН.

2. *Системное формирование новой образовательно-научной среды.* Учитывая серьезные изменения в области науки и образования, преж-

де всего высшего, в предстоящий период реализации новых нацпроектов (2024–2030 гг.), по нашему мнению, представляется необходимым предусмотреть обязательность формирования новых фундаментальных основ для новационной и инновационной образовательно-научной сферы российского государства, учитывающих условия глобальной цифровизации, при которых традиционные методы преподавания и проведения научных исследований перестают оставаться неизблемыми, уступая место объективной необходимости учиться и повышать квалификацию постоянно, на протяжении всей жизни, используя возможности удаленного доступа для обмена информацией. Это требует от выпускников образовательных организаций высшего образования (институтов, университетов и т. д.) и научных работников, а также от лиц, получающих среднее профессиональное образование, в обязательном порядке системно и целенаправленно изучать в качестве иностранных языков, помимо английского, еще и китайский язык на уровне, позволяющем в достаточно свободной степени читать научную литературу и писать научные статьи на английском и китайском языках. Такого рода подход целесообразно закрепить в последующих нацпроектах в сфере образования и науки, а также в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы изучения иностранных языков в организациях среднего профессионального и высшего образования, в научных организациях, в том числе в аспирантурах (соискатели ученой степени кандидата наук), а также при подготовке докторантов (соискатели ученой степени доктора наук), в том числе в таких структурных подразделениях вузов и НИИ, как докторантуры (учитывая при этом возможность подготовки докторантов вне докторантур в самостоятельном режиме).

Языковой подход (языковая основа), по нашему мнению, является базовым в новой системе ОНС, которая должна вновь объединиться под эгидой единого федерального органа (госоргана, входящего в структуру исполнительной власти правительства Российской Федерации), наделенного соответствующей компетенцией по реализации госполитики в области дошкольного (непосредственно взаимоувязанного прежде всего с решением вопросов по первой группе – преодоление социального неравенства), школьного, среднего профессионального, дополнительного, вузовского, послевузовского дополнительного образования, научной деятельности, включая

аспирантуру и докторантуру, а также деятельность Российской академии наук (РАН) и отраслевых академий наук Российской Федерации. Только консолидированные усилия единого госоргана, приказы и распоряжения, исходящие из одного центра, на который целесообразно также возложить и контрольно-надзорные функции, находящиеся в настоящее время в ведении Рособнадзора, позволят комплексно решать задачи по формированию новой образовательно-научной среды.

В образовательной сфере целесообразно отказаться от системы государственной аккредитации образовательных организаций как от неэффективной системы контроля, заменив таковую на соблюдение организациями, предоставляющими образовательные услуги, лицензионных требований (в соответствии с полученными ими лицензиями на образовательную деятельность). В последующих нацпроектах целесообразно также предусмотреть возможность постепенного перехода после 2030 г. от лицензирования образовательных организаций к саморегулированию в этой, в большей степени творческой, чем административной области, заменив последовательно регулирование в сфере образования, научной деятельности, включая аспирантуру и докторантуру, базовыми федеральными требованиями.

В целях повышения престижа среднего профессионального образования (которое традиционно не считается в Российской Федерации престижным), высшего образования, обучения в аспирантуре и докторантуре лицам, обучающимся на очном отделении, установить за счет средств федерального бюджета или регионального бюджета (субъекта Федерации) при условии обучения на «отлично» и «хорошо» стипендию в размере не ниже, чем средняя заработная плата, нормативно определенная в соответствующем субъекте Федерации, где обучаемый непосредственно проживает, получая образовательную услугу, а при условии обучения на «отлично» – не ниже чем одна целая и три десятых такой заработной платы по соответствующему региону – месту прохождения обучения. Подобная возможность должна регулироваться соответствующим договором, заключаемым между каждым обучаемым на бюджетной основе с Российской Федерацией, с одной стороны, и (или, либо) субъектом Российской Федерации, с другой стороны, и образовательной организацией высшего образования либо научной организацией – с третьей стороны.

С обучаемыми на бюджетной основе в организациях среднего профессионального образования также должен заключаться договор с соответствующей организацией среднего профессионального образования, устанавливающий порядок и правила обучения.

Таким образом, правила обучения для лиц, обучающихся на бюджетной основе, будут коррелироваться в определенной степени с правилами обучения лиц на внебюджетной основе, что в еще большей степени будет соответствовать требованиям гражданского законодательства в части получения образовательных услуг. Соответствующие изменения необходимо внести в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», а также в иные нормативные и правовые акты, регулирующие образовательную деятельность.

Получение достойного дохода позволит повысить правовой статус обучаемых (в том числе аспирантов и докторантов) за счет бюджетных средств на очном отделении, уравнивать их финансово-экономические возможности с работающими и (или) занимающимися предпринимательской деятельностью студентами (обучаемыми); повысить ответственность обучаемых за исполнение своих обязанностей перед самими собой, Российской Федерацией (субъектом Российской Федерации) и организацией, предоставляющей образовательные услуги.

Как известно, для того чтобы получить грант, нередко требуются таланты, не всегда коррелирующие с реальной образовательной и (или) научной деятельностью. Нередко, с трудом выиграв грант, обучаемый или научный работник уже не имеет ни моральных, ни физических сил полноценно его освоить. В указанной связи многие реальные таланты от образовательной (научной) деятельности заинтересованы в своем продвижении и нуждаются в поддержке. Для этого существует институт импресарио, однако недостаточным образом развитый в данной сфере, что в свою очередь требует соответствующего решения и на уровне реализации последующих нацпроектов, и внесения необходимых изменений в нормативные правовые и иные правовые акты. Подобный подход, по нашему мнению, позволит увеличить количество аспирантов и докторантов, обучающихся очно, в определенной степени снизить число научных работников, уезжающих работать за пределы нашей страны, воспользовавшись услугами зарубежных импресарио.

Пересмотра также требуют нормы, устанавливаемые в порядке саморегулирования, затрагивающие объем рукописей научных работ. Часто требуется гораздо больший объем, чем установленный, например для стандартной монографии. В этом случае монография может быть издана в нескольких томах. Также существует возможность монографического изложения, позволяющего изложить материал лаконично. Однако опубликовать монографию в таком виде из-за недостаточности объема проблематично ввиду невыполнения установленных ранее требований к объему монографии. Аналогичные решения должны найти свое отражение применительно к научным статьям и иного рода публикациям научного свойства. Саму публикационную активность в научной сфере предлагается перенести преимущественно в интернет-пространство не только в целях защиты экологии, что связано с расходом бумаги, но и для увеличения доступа заинтересованных лиц к научным публикациям, актуальность подавляющего числа которых не столь значительна, а тиражность изданий в традиционном бумажном формате не столь велика.

Немаловажен вопрос подготовки экспертов в научно-образовательной области, которые придут на смену диссеропедиям (диссернетам) и комиссии, образованной под эгидой РАН. Вызывает много вопросов обычная проверка учебно-научных работ через системы обнаружения заимствований, которые позволяют не только выявить некорректные заимствования, но и приводят к необходимости переписывания уже готовых работ по методике ухода от антиплагиата, превращающие текстовое содержание в сложночитаемый набор слов и аббревиатур. При этом необходимо учитывать, что указанные программные продукты нередко причисляют конкретных лиц не только к авторству общепринятых словосочетаний (словесных оборотов), но и нормативных правовых актов. Как известно, ни первые, ни вторые объектами авторских прав не являются. Так, в студенческих работах часто стало встречаться сознательное изменение законодательно закрепленного и узаконенного в огромном количестве нормативных правовых актов термина «юридическое лицо» на не вполне понятное словосочетание, которое на некоторых интернет-сайтах рекомендуется использовать для обхода антиплагиата – «юридическое личико», что превращает весь текст студенческой работы в напрасный труд. Это касается не только студен-

тов, но и тех, кто их обучает, пишет для них учебные пособия, научные монографии и научные статьи. Немаловажно сразу отметить, что плагиат (который является базовым термином по отношению к его антониму, не нашедшему в отличие от плагиата своего законодательного закрепления), по смыслу статей 146 и 147 УК РФ, явно не подходит к наиболее распространенным случаям заимствования, выявляемым в учебно-научной сфере. В последнее время такого рода программные продукты начали определять в качестве некорректных заимствований даже подстраничные ссылки на использованные при написании работы источники и находящиеся в заключительной части работы указания библиографических данных указанного рода источников. В связи с этим проводимые экспертизы могут нарушать права авторов проверяемых работ, поэтому эти вопросы также требуют законодательного закрепления, в том числе немаловажно предусмотреть юридическую ответственность и для авторов, допустивших некорректное заимствование, и для недобросовестных экспертов, которые зачастую не имеют удостоверения эксперта, не прошли специальной подготовки (насколько известно, аттестованных экспертов в сфере антиплагиата практически нет либо их недостаточно для образовательной и научной сферы).

Аналогичные проблемы экспертного характера возникают также и в других, прежде всего цифровых сферах, например, распространение через Интернет фейковых новостей, высказываний, содержащих оскорбительные выпады в отношении конкретных лиц и т. д., что нарушает права, а также охраняемые законом интересы граждан и юрлиц. Полагаем, что упорядочивание вышеозначенных отношений через посредство реализации нацпроектов и внесения необходимых изменений и дополнений в действующее законодательство позволит и далее развивать и внедрять технологии искусственного интеллекта (ИИ), способные во много крат оперативнее выявлять вышеозначенные недостатки в глобальной сети и вносить в автоматизированном режиме предложения по предупреждению, противодействию и пресечению указанных правонарушений, а также предложения по изобличению и привлечению к юридической ответственности злоумышленников [8].

В связи этим немаловажно более подробно остановиться на исследовании вопросов разработки и внедрения в Российской Федерации ИИ-

технологий, под которые в наше время еще только закладывается фундаментальный базис. Тем не менее на сегодняшний день явными лидерами в исследуемой сфере являются США и КНР. Так, по данным ITWeek, КНР направляет на финансирование ИИ-проектов примерно в 350 раз больше средств, чем Россия.

Представляется важным сделать акцент не на том, чтобы попытаться догнать страны-лидеры, а в перспективе до 2030 г. реализовать концепцию, в соответствии с которой «для того, чтобы Россия могла войти в число лидеров в ИИ в мире, необходимо думать и действовать как лидеры» [3. – С. 4]. Таким образом, в предстоящих нацпроектах, направленных на дальнейшее цифровое развитие, целесообразно предусмотреть перспективные расходы на ИИ-технологии, сопоставимые с теми, которые в настоящее время осуществляет КНР.

При этом развитие ИИ-технологий должно быть неотрывно от общей концепции развития науки в России. В целом на сегодняшний день финансирование российской науки отстает от китайской примерно в 50 раз. Наблюдается также существенная разница в процентном соотношении трат на ИИ: в КНР и в США доля расходов на ИИ в общей структуре всех расходов на науку и наукоемкие технологии примерно в семь раз выше, чем в нашей стране.

Полагаем важным предусмотреть в последующих нацпроектах возможность увеличения финансирования всей научной сферы (научной деятельности и развитие наукоемких технологий) примерно в 4–7 раз по сравнению с тем, что мы имеем на сегодняшний день. Это, по нашему мнению, позволит, консолидированно объединяя подходы по ПСН и ОНС (соответственно, группы 1 и 2), повлиять на позитивное, обеспеченное социально-здоровыми кадрами и инновационными разработками, базирующимися на серьезной научной основе, развитие третьей группы в области капитального строительства, промышленности и транспортной инфраструктуры.

3. *Развитие строительной, промышленной и транспортной инфраструктуры.* Развитие СПТ, равно как и ПСН и ОНС, происходит в весьма непростых условиях, связанных, во-первых, с возрастанием роли так называемого человеческого капитала и параллельным существенным усилением конкуренции не только регионального, но и глобального масштаба; во-вторых, с формированием на цифровых (диджитализиро-

ванных) технологиях (IT-технологиях), нанобиотехнологиях и ИИ-технологиях инновационной технико-технологическо-научной базы; в-третьих, с существенным исчерпанием прежней экономической модели экспортно-сырьевого развития и объективной необходимостью перехода на модель инвестиционного типа, развивающую в том числе государственно-частное партнерство и привлекающую все большее количество частных инвестиций в сфер СПТ, что не столь просто в условиях современного кризиса социально-экономической сферы, вызванного негативными явлениями эпидемиологического характера.

Полагаем возможным внести следующие предложения по развитию СПТ по основным направлениям, которые целесообразно учитывать при подготовке перспективных нацпроектов (без учета уже опубликованных предложений госорганов Российской Федерации и субъектов Федерации):

1. *Строительная инфраструктура:*

- распределение инвестиционного участия в гражданском строительстве (включая жилищное строительство и государственно-частное партнерство), годовой объем около 4,5 трлн рублей (государственные – 2,5%; частные – 95%; прочие – 2,5);

- увеличение темпов строительства социального жилья для обеспечения 70% нуждающихся;

- увеличение объема жилищного строительства ежегодно вплоть до 2030 г. до 120–130 млн. кв. м;

- довести до 2030 г. отвечающий утвержденным нормативам жилищный фонд до 4,9–5,2 млрд. кв. м;

- довести до 2030 г. объем жилищного строительства до 4,5% ВВП Российской Федерации;

- повысить до 2030 г. экспорт строительных услуг (строительной отрасли) на 5%;

- довести до 2030 г. объем индивидуального жилищного строительства до 130 млн кв. м ежегодно.

2. *Промышленная инфраструктура:*

- производство отдельных видов строительной техники, направленное на увеличение доли российской техники на рынке Российской Федерации (средние колесные – до 25%; малые колесные погрузчики – 15%); средние гусеничные бульдозеры – 65%; грузовые катки – 55%; автогрейдеры – 52%; экскаваторы – 55%;

- производство городского наземного электротранспорта должно позволить увеличить его количество до 42%;

- довести до 2030 г. объем загрузки мощности предприятий ЖБИ (мелкоштучных материалов, песка и т. п.) до 70%.

3. *Транспортная инфраструктура:*

- увеличить до 2030 г. количество скоростных спрямленных железнодорожных магистралей в 1,5 раза; автомагистралей – в 1,2 раза;

- увеличить до 2030 г. количество авиаперевозок в 1,4 раза; речных и морских перевозок внутренним водным транспортом – в 1,2 раза;

- увеличить до 2030 г. метростроительство в 1,25 раза.

- повысить до 2030 г. доли субсидий бюджетам субъектов Федерации – до 97%.

Как отмечалось ранее, рассмотренные три базовые группы в обязательном порядке должны быть взаимоувязаны между собой, что потребует выстраивания новых схем взаимодействия федеральных, региональных органов госвласти, а также органов местного самоуправления. Но решение перечисленных выше трех групп задач практически невозможно без существенной реорганизации наиболее значимых, фактически – стратегических целей социально-экономического развития Российской Федерации.

Таким образом, в процессе проведения исследования были сформулированы наиболее значимые (стратегические) цели социально-экономического развития Российской Федерации на перспективу до 2030 г.

Действительно, в современных условиях, характеризующихся подчас непредсказуемым чередованием глобализационных подходов, резко сменяемых возвратом к нацстратегиям и нацприоритетам, усугубленных, как неоднократно подчеркивалось выше, различного рода кризисными явлениями социального, экономического и эпидемиологического свойства. Сторонникам консервативных идей целесообразно было бы подтвердить полезность экономических свобод внутри страны и за рубежом. Не вызывает сомнений, что экономическая политика любой свободной и процветающей нации, как в свое время подчеркивал А. Смит, «зависит от свободы рынков и торговли, поддерживаемых верховенством права и культурой собственности, не пренебрегая при этом важностью таких негосударственных и неэкономических сфер, как религия и семья» [5].

Вместе с тем в настоящее время идеал экономической свободы практически полностью утратил популярность среди тех, кто заметил кардинальные перемены в недавних и отчасти продолжающихся событиях тотальных локдаунов по всему миру, а также весьма негативных последствиях Брекзита, прежде всего для Великобритании и государств – членов ЕС, фактическом отходе от считавшегося элитарным глобалистского либерализма и возвращение назад к прежнему устройству национальных государств, не только политическому, но и социально-экономическому.

В какой-то степени это наблюдение верно, так как в национальном консерватизме нет ничего принципиально нового, потому как в консервативном подходе всегда существовали и подчас доминировали нацприоритеты и даже популистские взгляды, представленные, например, П. Бьюкененом [9] и его сподвижниками. Так, с их точки зрения предполагается, что иммиграция в значительной степени вредна, а тарифы, субсидии и другие протекционистские экономические меры считаются целесообразными и необходимыми. Подобный подход в настоящее время представляет собой наиболее популярную альтернативу идеям консерваторов о свободных рынках и свободной торговле.

В современной литературе выделяют несколько разновидностей нацприоритетов как высшей формы общественного единения и ее первостепенности в процессе государствообразования, которые не тождественны идеям национализма, но отчасти пересекаются с таковыми по ряду параметров. В преддверии возвращения либеральных подходов к консерватизму нацприоритеты дифференцируют на этнические, культурные, политические и экономические.

Этническим нацприоритетам присущи нередко формы радикального свойства, учитывая, что слово нация происходит от латинского *natio*, которое в свою очередь происходит от *nasci*, что означает рождение. Действительно, английские слова «раса» и «нация» исторически применялись как взаимозаменяемые (в этом смысле их продолжают использовать в наше время), а этнические нацприоритеты основываются на вере в то, что «термины «государство» и «нация» (раса) должны толковаться как синонимы» [9].

Культурные нацприоритеты зачастую связывают с этническими, но на самом деле между ними существуют различия: чтобы ценить свои национальные (или даже этнические) культурные

достижения и стремиться к их сохранению, не требуется смешивать свою расовую группу с государством или с другими расовыми группами и с враждебными иностранными государствами. Достаточно поддерживать демократию, корректную деловую и трудовую этику, национальные виды спорта и наиболее распространенные для данной страны виды досуга.

Политические (или гражданские) нацприоритеты учитывают, что многие направления политического влияния ставят принцип национального суверенитета в центр внутренней и международной политики. На практике он может исходить из усложненных теорий или даже популистских настроений. В военном аспекте он может быть хищническим или придерживаться более пассивных ограничений, поскольку и вторжение в другие страны, и отказ от войн за рубежом могут быть оправданы нацинтересами. Точки их соприкосновения сходятся в том месте, где принимаются решения: не транснациональными органами власти, такими, например, как ООН или другая международная универсальная либо даже региональная организация, а суверенным национальным государством.

В свою очередь экономические нацприоритеты представляют собой определенного рода политически регулируемый и стимулируемый социальный механизм поддержки продукции отечественной промышленности вплоть до отказа приобретать товары зарубежных производителей. На практике защита экономических нацприоритетов методами госрегулирования выражается, например, в установлении или повышении ранее установленных тарифов на иностранные товары, с одной стороны, и предоставлении субсидий для отечественных производителей – с другой.

При этом немаловажно отметить, что, несмотря на определенную схожесть, приведенные виды нацприоритетов, особенно некоторые из них, фактически несовместимы. В частности, принцип национального суверенитета несовместим с политикой экономических нацприоритетов. Действительно, из всех случаев практической реализации нацприоритетов, «неблагоразумное вмешательство в торговлю продовольствием является наиболее опасным, так как в нем нет ничего большего, чем ожесточенности людей, а их суждения не столь убедительны из-за наличия у них многих необоснованных популярных предрассудков» [7]. В приведенной цитате явно прослеживается приверженность ее автора идеям А. Смита,

его пониманию позитивного характера стратегии сотрудничества, которая простирается от торговли на местном рынке до международной торговли между странами всего мира. Обмен взаимовыгоден из-за того, что для обычного потребителя быстрее и дешевле купить что-то у рыночного продавца, чем произвести это самому, и наоборот.

К товарам и другим продуктам труда, ставшим предметом сравнительного преимущества той или иной страны, можно отнести те, благодаря которым экономика этой страны является наилучшей. Сравнительные преимущества меняются со временем, и было бы ошибкой полагать, что вчерашнее преимущество все еще действует сегодня или будет действовать завтра. Скорее, использование своих сравнительных преимуществ означает разумную игру с экономическими преимуществами и тем самым укрепление экономики. Практически любая нация, которая осознает и использует свои сравнительные преимущества, обладает большей силой самоопределения на международном уровне, чем та, которая этого не делает. Она может предложить лучшие конкретные товары и услуги, имеющие явные преимущества по сравнению с подобными товарами и услугами, производимыми в других странах. Поэтому только свободные рынки позволяют координировать информацию, необходимую экономическим субъектам для постоянной адаптации к потребностям в любой момент времени. Таким путем свободные рынки и свободная торговля укрепляют национальный суверенитет.

Наиболее важным в данном вопросе являются не процветание, свобода и суверенитет нации, а естественное право, без действия которого свобода не лицензируется, а суверенитет – не легитимизируется. Не случайно, что глобальная экспансия системы свободного предпринимательства, а именно системы экономической договоренности, наиболее соответствующая человеческой природе, привела к наиболее значительному снижению уровня бедности в истории человечества. Подавляющая масса фактов подтверждает убежденность, что люди, будучи свободными, рациональными, общественными и нравственными, будут процветать, если им будет позволено творчески удовлетворять потребности друг друга и ответственно планировать свою собственную жизнь. При этом очевидно, когда процветают граждане государства-нации, процветает и вся нация. В свою очередь экономические нацприоритеты, напротив, фактически нано-

сят ущерб нацсуверенитету и процветанию человека. Как правило, желание наказать иностранных конкурентов отечественных производителей приводит к повышению потребительских цен в любой стране, которая устанавливает высокие тарифы.

На практике, повышение тарифов приводит к снижению импорта и, следовательно, повышению цены, что в свою очередь и обуславливает меньший выбор для потребителей. Тарифы также означают снижение конкуренции между отечественными производителями, и в этом, судя по всему, заключается их явная цель. Однако пониженная конкуренция ведет к снижению динамики экономики, ее большей уязвимости к внезапным изменениям и потрясениям, о чем свидетельствуют, например, экономические неудачи в сталелитейной промышленности США, произошедшие после 2000 г. и сделавшие ее фактически неэффективной.

Зачастую тарифы являют собой опаснейший инструмент экономического нацпротекционизма, стратегически вредный в любом случае, отказывающий более бедным странам в экономическом подъеме и лишаящий их надежд ради немедленных краткосрочных выгод их конкурентов в более богатых странах. Аналогом служат различного рода санкции, введение которых приводит к похожему, а нередко к еще более негативным последствиям. Интеллектуальным, историческим и этическим обязательством молодых консерваторов должно стать их несогласие с поверхностными призывами к поддержанию протекционистской политики. Тарифы представляют собой лучший инструмент, чем поддержка глобального сообщества суверенных государств-наций, например, государств – членов ЕС. Сообщество может быть экономически либеральным для его государств-членов, но внешне оно больше похоже на средневековую гильдию наций, вводившую в одностороннем порядке пошлины и другие ограничения на импорт от имени всех ее членов.

Точно так же и вразрез с нацинтересами выделяемые отечественным производителям субсидии поддерживают неконкурентоспособные компании за счет государства. Таким образом, субсидии можно считать дорогостоящими экономическими ошибками. В качестве примера полагаем важным привести ситуацию с калифорнийскими хлопковыми субсидиями, которые сохраняются из-за ежегодных засух в США. Такая культура, как миндаль, требующая гораздо

меньше поливочной воды, могла бы более выгодно выращиваться в этом регионе в отсутствие субсидий на хлопок. В связи с этим альтернативные издержки в данном случае являются не только экономическими, но и экологическими, включающими в себя дополнительные негативные внешние эффекты. В национальном масштабе по мере роста государственных расходов, в настоящее время регулярно финансируемых за счет возрастания долгов иностранным государствам-инвесторам (по современным подсчетам – около 30% госдолга США), национальный суверенитет Соединенных Штатов Америки явно подрывается, в то время как экономический рост замедляется или сдерживается. Соответственно, протекционистская политика реализации экономических нацприоритетов не является рецептом для достижения национального процветания.

Фактически потенциал экономической свободы распространяется не только за пределы традиционных проблем социально-экономического свойства, но и на некоторые из тех, которые больше всего ценятся социальными консерваторами. В сложившейся ситуации необходимо уклоняться от псевдорелигиозных традиций, которым были подвержены многие страны в 1990-е гг., в том числе и Россия, в которой появились различные непонятные религиозные течения, нередко занятые отъемом собственности у их прихожан.

При этом немаловажно подчеркнуть, что традиционная религия не должна субсидироваться и облагаться налогом со стороны светского государства. Отметим, что религиозность резко спала именно в тех европейских государствах, в которых устояли именно традиционные церкви. Напротив, религиозность остается высокой, в частности, в современных США, где религиозный рынок по-прежнему – один из самых свободных в мире. И это происходит в стране, которая в свое время смогла устоять даже перед жестким напором импорта международных религий, таких, например, как Римско-католическая церковь.

Завершая рассмотрение проблемных вопросов решения стратегических задач развития Российской Федерации на перспективу до 2030 г., важно отметить, что, обращаясь прежде всего к вопросам семьи и семейных ценностей в современном государстве, рассмотренный нами выше классический либерализм, достаточно сильно укоренившийся в том числе и в России, предполагает атомистический индивидуализм, который подрывает семейную целостность. На самом де-

ле «либерализм более фамилистичен, семейственен, нежели чем буквальный индивидуализм. Некоторую разновидность семейной жизни, и более того, какую-то более широкую первичную группу людей следовало бы воспринимать как заданность и в том виде, в каком они существуют в свободном обществе в любое время...» [6. – С. 567]. Классический либерализм не подрывает основы семьи допущением о ее наполненности атомистическими, независимыми личностями. Скорее, согласно историческим данным, такие индивидуальности рождаются в семье, тем самым допуская ее создание.

В особом внимании классического либерализма к семье присутствует и экономический аспект, о чем свидетельствует тот факт, что полноценные семьи с двумя родителями процветают в относительно свободных экономиках, например, в индустриально развитых странах. Здоровье семьи повышает вероятность экономического успеха ее детей. Как показало одно недавнее исследование, «дети из нестабильных семей с двумя родителями, с большей вероятностью окажутся, говоря языком статистики, в квинтиле с наименьшими доходами, став взрослыми, и с меньшей вероятностью в самом высоком квинтиле, чем дети, выросшие в стабильных семьях с двумя родителями» [9]. В свободной экономике здоровые домохозяйства способствуют достижению более благоприятных экономических результатов. Свободные рынки фактически вознаграждают здоровые семьи, поддерживают, а не подрывают их. Так что для приверженцев консервативных идей важность здоровых семей должна стать частью любой будущей политической экономики свободного рынка.

Такого рода культурные, негосударственные, неэкономические институты, как религия и семья, особо значимы для свободной и процветающей экономики, а также свободных рынков и свободной торговли. В современном государстве нация являет собой нечто большее, чем просто рынок плюс государство. Семьи, школы, институты гражданского общества, к которым представляется возможным отнести и традиционные религиозные учреждения, а также другие институты и институции играют важную роль в жизни современного общества, способствуют не только общему благу, но и росту национальной экономики, что в свою очередь необходимо в обязательном порядке учитывать в процессе разработки последующих нацпроектов.

Список литературы

1. Батманова А. Путин назвал высший национальный приоритет России // РБК. – 2021. – 21 апреля. – URL: https://www.rbc.ru/politics/21/04/2021/607fecd29a794707554dd29b?%3Futm_source=facebook&utm_medium=social&fbclid=IwAR06wFceWoVmFAZ6Y4qQLYC1be0P5yQDK_uoB_PsLAV0PXkKyZXZSXqBRd4 (дата обращения: 12.09.2022).
2. Как бедность в России упала до минимума с 2014 г. Инфографика // РБК. – 2021 14 апреля. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/04/2021/60774d779a794796ccb52627> (дата обращения: 12.09.2022).
3. Китай тратит на ИИ в 350 раз больше, чем Россия. Инфографика // ITWeek. – 2021. – 16 апреля. – URL: https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=217907&fbclid=IwAR291-Szi0XVnrwbK_4yadli_xJrmCQgYgEJWjc7G6qZHA3R48FNI0KDO4Q (дата обращения: 12.09.2022).
4. Макурова Т. С. Борьба с бедностью: эффективные меры необходимы. 2021. 17. Февраля. – URL: <https://bujet.ru/article/396586.php>. (дата обращения: 12.09.2022).
5. Blenman J. Adam Smith and «The Wealth of Nations». 2021 Invest. – 2020. – February 6. – URL: <https://www.investopedia.com/updates/adam-smith-wealth-of-nations/> (дата обращения: 12.09.2022).
6. Bloome D. Childhood Family Structure and Intergenerational Income Mobility in the United States // Demography. – 2017. – N54 (2). – P. 541–569.
7. Edmund Burke nationalism. 2020. – URL: https://usuari.xarxacatala.cat/viewtopic/edmund-burke-nationalism-244e7c# (дата обращения: 12.09.2022).
8. Kirillova E. A., Blinkov O. E., Ogneva N. I., Vrazhnov A .S., Sergeeva N. V. Artificial intelligence as a New Category of Civil Law // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2020. – Vol.1 1. Issue 1. – P. 91 – 98.
9. Pahman D. Why Economic Nationalism Fails. – 2019. – 11 December. – URL: <https://www.lawliberty.org/2019/12/11/why-economic-nationalism-fails-conservatism-hazony-deneen/> (дата обращения: 12.09.2022).

Внедрение ESG-принципов как фактор повышения инвестиционной привлекательности региона

Р. А. Абрамов

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой
государственного и муниципального управления РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Abramov.RA@rea.ru

Д. Р. Якубова

магистрантка высшей школы права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: dinarayakubova1998@mail.ru

Introduction of ESG-Principles as a Factor for Increasing the Investment Attractiveness of the Region

R. A. Abramov

PHD, Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration
of Plekhanov Russian University of Economics
of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Abramov.RA@rea.ru

D. R. Yakubova

Master Degree of the Higher School of Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: dinarayakubova1998@mail.ru

Аннотация

ESG-принципы имеют важное значение для инвесторов при решении вопроса о возможности вкладывать свои средства в реализацию инвестиционных проектов на территории конкретного субъекта. В статье представлена структура ESG-принципов, состоящая из трех основных аспектов: экология, управление и социальное развитие. Обосновывается, почему ESG-принципы важны для компаний и инвесторов. Особое внимание акцентируется на принципах ответственного инвестирования. В статье представлена модель инвестиционной привлекательности региона на основе ESG-принципов, которая показывает, что инвестиционная привлекательность зависит не только от развития основных факторов, но и от эффективности осуществления принципов устойчивого инвестирования. Особое внимание уделено факторам, которые следует учитывать в методике оценки инвестиционного потенциала региона, а именно: степени раскрытия информации нефинансового характера организациями региона и затратам на окружающую среду. Авторы отмечают необходимость внебюджетного финансирования и мобилизации федеральных средств для перехода к ESG-принципам, а также важность внедрения ESG-принципов в документы стратегического планирования регионов.

Ключевые слова: инвестиции, ответственное инвестирование, инвестиционный потенциал, региональная экономика, устойчивое развитие, социально-экономическое развитие региона.

Annotation

ESG principles are important for investors when deciding whether to invest their funds in the implementation of investment projects on the territory of a particular entity. The article presents the structure of ESG-principles, consisting of three main aspects: ecology, management and social development. It substantiates why ESG principles are important for companies and investors. Special attention is paid to the principles of responsible investment. The article presents a model of investment attractiveness of the region based on ESG principles, which shows that investment attractiveness depends not only on the development of the main factors, but also on the effectiveness of the implementation of the principles of sustainable investment. Particular attention is paid to the factors that should be taken into account in the methodology for assessing the investment potential of the region, namely: the degree of disclosure of non-financial information by organizations in the region and environmental costs. The authors note the need for extra-budgetary funding and the mobilization of federal funds for the transition to ESG principles, as well as the importance of introducing ESG principles into the strategic planning documents of the regions.

Keywords: investments, responsible investment, investment potential, regional economy, sustainable development, socio-economic development of the region.

В настоящее время конкуренция между регионами за инвестиционные ресурсы на всех уровнях лишь усиливается. В то же время преобразуется содержание инвестиционной привлекательности регионов, что в свою очередь сказывается на конкурентоспособности региональной экономики.

Актуальность работы обусловлена растущим влиянием новых требований людей, бизнеса и государства на траекторию социально-экономического развития регионов и страны в целом. ESG-принципы, характеризующие ответственное инвестирование, приобретают все большее значение в корпоративной среде и оказывают влияние на решение инвесторов инвестировать свои финансовые ресурсы.

Инвестиционная привлекательность региона – возможность получения ожидаемого положительного экономического эффекта (получения дохода) от инвестиций временно свободных денежных ресурсов в определенные проекты с минимальным уровнем риска. Очевидно, что инвестиционная привлекательность региона является одним из главных факторов его экономического развития. В связи с этим на региональном уровне в контексте усиления конкуренции за инвестиционные ресурсы необходимо осуществлять мониторинг и непрерывную работу по совершенствованию ключевых критериев для создания такой привлекательности. Показатели инвестиционной привлекательности непосредственно связаны с потенциалом территории и позволяют быстро выявлять инвестиционные проблемы.

Аббревиатура ESG расшифровывается следующим образом: экология (Environmental) плюс социальное развитие (Social) плюс управление

(Governance). Для рассмотрения влияния ESG-принципов на инвестиционную привлекательность региона необходимо перечислить ключевые факторы, лежащие в основе этой концепции. ESG-принципы включают три аспекта: экологическое воздействие, в том числе экологические факторы воздействия компаний; социальный аспект – взаимодействие компании и общества, социальное воздействие организации; управление – вопросы корпоративного управления и деловой этики (рис. 1).

Органическое сочетание экономических, социальных и экологических вопросов, лежащих в основе устойчивого развития, должно стимулировать экономический рост и повышать уровень и качество жизни населения, сохраняя при этом окружающую среду и сводя к минимуму влияние человека. Однако важно обеспечить сбалансированное сочетание всех трех факторов, не выделяя отдельно влияния какой-либо конкретной области, будь то воздействие, связанное с климатическими изменениями, или гендерное равенство в ущерб другим целям. Неуклонное улучшение всех аспектов позволит сделать так, чтобы идеи устойчивости не искажались, а преимущества этой концепции были реализованы.

Исследования, проведенные крупными консалтинговыми компаниями и аналитическими центрами, подтверждают растущее значение ESG-принципов и ответственного инвестирования¹:

¹ ESG-факторы в инвестировании. – URL: <https://pcnp.ppf/document/1/6/c/6cebe53820e94fcd01f3d74e98923bff.pdf> (дата обращения: 29.08.2022).

- по мнению 75% инвесторов, важными причинами принятия инвестиционных решений являются совершенствование практики управления устойчивым развитием и повышение операционной эффективности;
- в 63% случаев существует позитивная корреляция между включением ESG-принципов в инвестиционные решения и финансовой результативностью Global Sustainable Investment Alliance (GSIA);
- 60% руководящего состава компании подчеркивают, что раскрытие показателей ESG способствует повышению инвестиционной привлекательности компаний;
- около 40% фондовых бирж участвуют в инициативе фондовых бирж устойчивого развития (Sustainable Stock Exchange Initiative), поэто-

му фондовые биржи имеют руководство по отчетности в области ESG-принципов;

- 78% инвесторов утверждают, что устойчивые инвестиции стали для них более важными, чем пять лет назад;

- для 65% компаний ESG-принципы важны в их бизнес-стратегиях;

- 31% инвесторов утверждают, что факторы ESG имеют важное значение для инвестиционных решений.

Рассмотрим принципы ответственного инвестирования (Principal for Responsible Investment), которые были разработаны еще в начале 2005 г. и подписаны группой из 1 700 владельцев активов и инвестиционных менеджеров (рис. 2).

Рис. 1. Структура ESG-принципов [3. – С. 27]

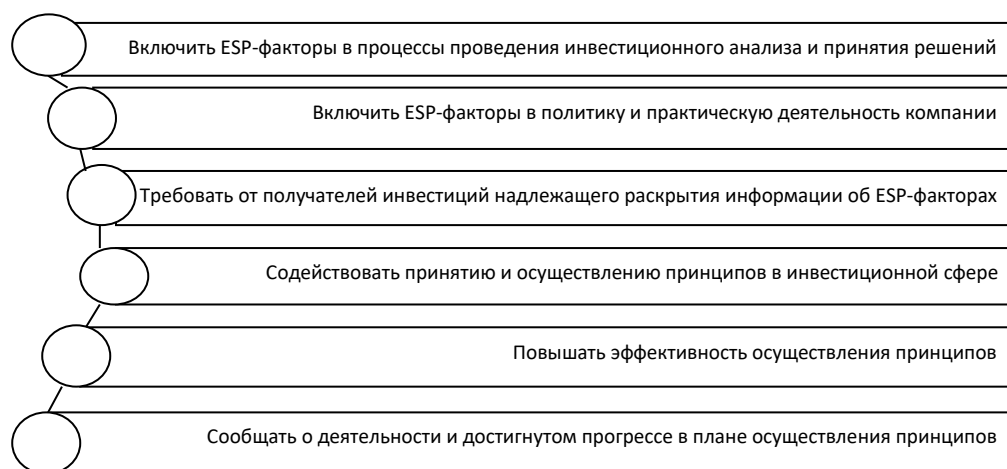

Рис. 2. Принципы ответственного инвестирования¹

¹ Principles for Responsible Investment. – URL: <https://www.unpri.org/about-us/about-the-pri> (дата обращения: 18.02.2022).

В рассмотренных принципах ответственного инвестирования предлагается определенный комплекс мер по включению ESG-вопросов в инвестиционную практику. Данные принципы были разработаны самими инвесторами. Их реализация способствует устойчивости глобальной финансовой системы.

Очевидно, что современные регионы заинтересованы в продаже своей инвестиционной площадки потенциальным покупателям (инвесторам). В связи с этим рассмотрим модель инвестиционной привлекательности региона на основе ESG-принципов (рис. 3).

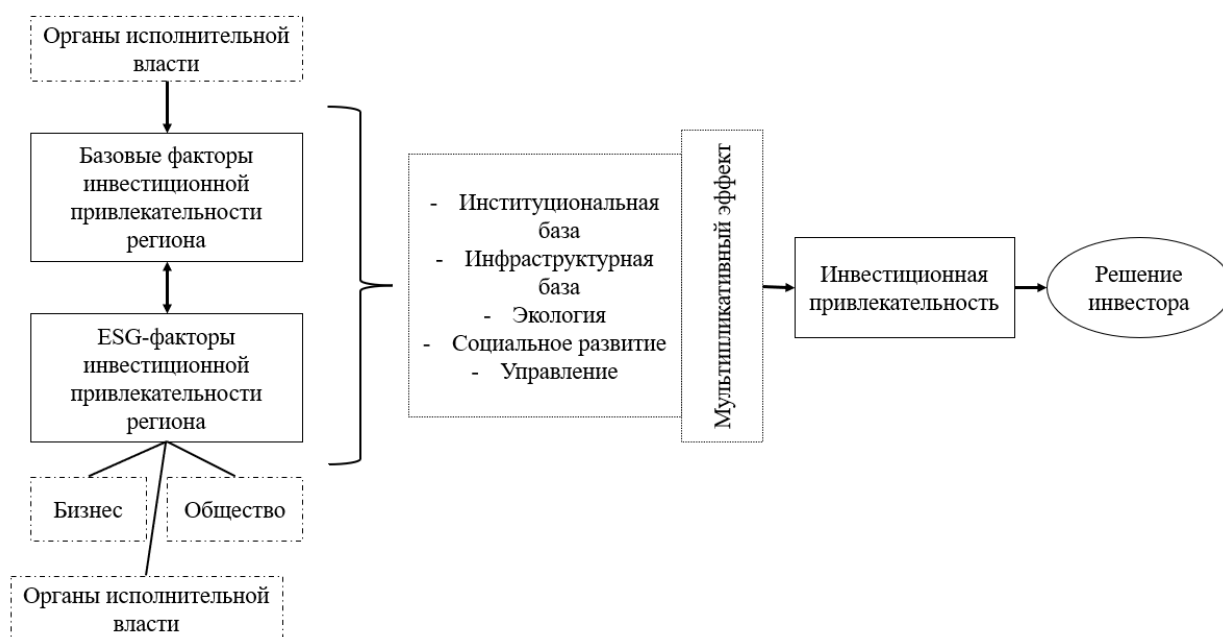

Рис. 3. Модель инвестиционной привлекательности региона на основе ESG-принципов [1. – С. 6]

Содержание модели отражает мультипликативный эффект, возникающий в тех случаях, когда ответственные инвестиционные факторы реализуются вместе с основополагающими факторами инвестиционной привлекательности (институциональная и инфраструктурная база). Внедрение ESG-принципов стимулирует инвестиции, в частности прямые иностранные инвестиции.

Субъектами этой модели являются органы исполнительной власти, ответственные за разработку плана внедрения рассматриваемых факторов, а также деловые круги и гражданское общество, чья роль в реализации этих принципов является значительной.

Объектом модели выступает инвестиционная привлекательность региона. Эти субъекты связаны сотрудничеством и взаимодействием в рамках внедрения ESG-принципов в социально-экономическую систему региона. При этом инвестиционная привлекательность зависит как от успеха развития основных факторов, так и от

эффективности осуществления принципов устойчивого инвестирования.

Рассматривая методики оценки инвестиционного потенциала с точки зрения инвестиционной привлекательности региона, стоит отметить, что в них отсутствуют такие факторы, как степень раскрытия информации нефинансового характера компаниями, которые осуществляют свою деятельность в регионе, а также затраты на окружающую среду.

Международная практика показывает, что полное раскрытие информации о нефинансовых рисках и возможностях относится к ключевому фактору, исходя из которого инвесторы выбирают объекты для вложения своих финансовых ресурсов. Одним из таких нефинансовых рисков является изменение климата. К преимуществам предоставления информации такого типа относятся снижение капитальных затрат и расширение базы инвесторов, поддержание зеленых об-

лигаций и стимулирование инноваций в экологическую сферу.

На рис. 4 представлены другие положительные стороны раскрытия нефинансовой информации.

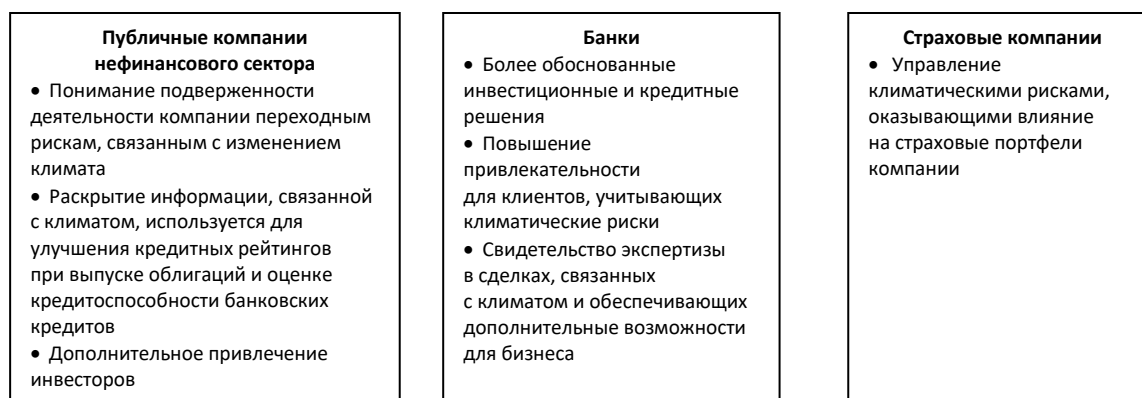

Рис. 4. Эффект от раскрытия нефинансовой информации для разных типов компаний [2. – С. 32]

В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2017 г. № 876-р «Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации» необходимо публиковать нефинансовые годовые отчеты для компаний с участием государства не менее 50%. Однако большинство компаний не предоставляют нефинансовые отчеты, притом что их деятельность связана с экологическими последствиями и рисками. Следовательно, особую важность в Российской Федерации, в том числе в субъектах Российской Федерации, приобретает информирование всех хозяйствующих субъектов не только о значимости раскрытия нефинансовой информации, но и том, что предоставлять нефинансовую информацию – их обязанность.

По состоянию на 29 августа 2022 г. в Национальный Регистр нефинансовых отчетов внесены 217 компаний, зарегистрировано 1 295 отчетов, выпущенных с 2000 г. Структура зарегистрированных отчетов выглядит следующим образом:

- экологические отчеты – 106;
- социальные отчеты – 381;
- отчеты в области устойчивого развития – 487;
- интегрированные отчеты – 325¹.

Рассмотрим затраты на охрану окружающей среды, так как этот показатель имеет важное

значение при оценке инвестиционного потенциала. В таблице показаны расходы на охрану окружающей среды по федеральным округам за 2018–2020 гг.

Расходы на охрану окружающей среды по федеральным округам Российской Федерации*
(в млн руб.)

Регион	2018	2019	2020
Российская Федерация	720 905	872 456	969 965
Центральный федеральный округ	119 638	153 371	158 890
Северо-западный федеральный округ	87 143	89 442	87 133
Южный федеральный округ	35 996	40 291	42 709
Северо-Кавказский федеральный округ	8 168	10 103	10 212
Приволжский федеральный округ	116 975	121 421	146 564
Уральский федеральный округ	93 953	101 896	106 330
Сибирский федеральный округ	93 621	109 606	114 105
Дальневосточный федеральный округ	52 976	58 617	61 677

* Источник: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>

Исходя из данных таблицы видно, что расходы на окружающую среду за 2018–2020 гг. выросли на 34,5% и составили в 2020 г. 969 965 млн рублей. Наибольшая доля расходов на охрану окружающей среды за рассматриваемый период принадлежит Центральному, Приволжскому и Сибирскому федеральным округам.

В большинстве методик по оценке инвестиционного потенциала региона уровень загрязнения окружающей среды относится к одним из факторов оценки, несмотря на то, что он обычно не является определяющим при оценке инвестиционного потенциала региона из-за специфики территории России (ее протяженности) и обеспеченности регионов природными ресурсами. Именно расходы на охрану окружающей среды характеризуют

¹ Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. – URL: <https://pcnp.pf/activity/social/register/> (дата обращения: 29.08.2022)/

инвестиционную привлекательность региона и уровень ответственности органов государственной власти за поддержание благоприятных условий окружающей среды. Соответственно, данный показатель является фактором, оценивающим инвестиционный потенциал региона.

С учетом вышесказанного, методику оценки инвестиционного потенциала региона необходимо дополнить ESG-принципами. Так, в методику следует включить такие два важнейших фактора для инвестиционной активности, как расходы на охрану окружающей среды; степень раскрытия нефинансовой отчетности в регионе, выраженная в количестве компаний, представляющих данную отчетность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В то же время необходимо обратить внимание на то, что переход к ESG-принципам требует значительных финансовых средств, которые выходят за рамки возможностей многих регионов. Решением данной проблемы является привлечение внебюджетных источников финансирования, а также мобилизация федеральных бюджетных средств в рамках реализации государственных программ и проектов. Кроме того, на данном этапе важно включать ESG-принципы в документы стратегического планирования как на региональном, так и на федеральном уровнях. Разработка государственной программы или национального проекта по устойчивому развитию и ESG для совместного финансирования региональных инвестиционных проектов также может стать решением проблемы нехватки средств.

Таким образом, существующие риски, связанные с ESG-принципами, должны быть отражены

на этапе анализа инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности региона. Вместе с рисками в планы, стратегии, программы следует внести соответствующие мероприятия по их устранению, которые будут направлены на улучшение ситуации. Такой подход повысит конкурентоспособность отдельных передовых регионов и в случае повсеместного применения ESG-принципов – конкурентоспособность национальной экономики, а также создаст стимулы для повышения качества жизни населения [4. – С. 92].

В настоящее время многие инвесторы уделяют все больше внимания экологическим, социальным и управленческим факторам объекта инвестирования, в том числе регионам, в которых планируют реализовать инвестиционный проект. Для повышения инвестиционной привлекательности государственным органам власти необходимо акцентировать внимание на различных факторах, связанных с укреплением инвестиционного потенциала, сокращением инвестиционных рисков, непрерывным и всесторонним развитием всех областей экономической деятельности, а также социальной и экологической жизни региона с учетом внедрения ESG-принципов в инвестиционную политику. Кроме того, можно сделать вывод о том, что такие факторы, как надлежащее раскрытие нефинансовой информации об экологических и социальных проблемах, а также расходах на окружающую среду, являются движущими силами инвестиционного потенциала региона и должны быть включены в методику его оценки.

Список литературы

1. *Абрамян Г. А.* Внедрение ESG-принципов как фактор инвестиционной привлекательности регионов // Многополярная глобализация и Россия : материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти А. Ю. Архипова. – Ростов-на-Дону : Таганрог : Южный федеральный университет, 2021. – С. 3–7.
2. *Егорова Д. А.* Принципы ответственного инвестирования как ключевые драйверы инвестиционного потенциала регионов // Вестник евразийской науки. – 2020. – Т. 12. – № 3. – С. 32.
3. *Макаров И. Н., Назаренко В. С.* ESG-повестка как фактор конкурентоспособности бизнеса и регионов в контексте устойчивого развития // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. – 2021. – № 24. – С. 26–37.
4. *Траченко М. Б.* Оценка ESG-политики российских регионов // Экономика и современный менеджмент: теория, методология, практика : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. – Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2021. – С. 92–94.

Формирование инвестиционного законодательства в России: история и перспективы

Н. В. Свечникова

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36
E-mail: Svetchnikova.NV@rea.ru

Л. Н. Щанкина

доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
117997 Москва, Стремянный пер., 36
E-mail: Schankina.LN@rea.ru

Formation of Investment Legislation in Russia: History and Prospects

N. V. Svechnikova

PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Svetchnikova.NV@rea.ru

L. N. Shchankina

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Schankina.LN@rea.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению и анализу источников права, применяемых к регулированию инвестиционных отношений, которые, по мнению авторов, являются важнейшим компонентом в развитии экономики государств. Инвестиции служат основой экономической деятельности и важной предпосылкой для инноваций, роста производства и торговли. Поэтому привлечение инвестиций в экономику на современном этапе является одной из первоочередных задач в мире и, в частности Российской Федерации. Инвестиционная деятельность практически всегда сопряжена с рисками. Вкладывая капитальные ресурсы в экономику своего или иного государства, инвесторы сталкиваются с проблемой возможной потери данных денежных средств при неблагоприятном развитии экономической, политической ситуации. Поэтому на первый план выходит необходимость защиты прав инвесторов и самих инвестиций в рамках российского и международного права. Авторы отмечают, что в отношении иностранных инвестиций регулирование зачастую обеспечивается двусторонними соглашениями между государствами, что не исключает возникновение спорных ситуаций между участниками инвестиционных отношений. Значительную роль в правовом регулировании инвестиционных отношений играют соглашения, заключаемые Российской Федерацией с государствами, входящими в такие международные организации, как ЕАЭС, ШОС, БРИКС.

Ключевые слова: нормативные правовые акты, инвестиции, инвестиционная деятельность, договоры, участники инвестиционной деятельности.

Abstract

The article is devoted to the consideration and analysis of the sources of law applied to the regulation of investment relations, which, according to the authors, are the most important component in the development of the economy of states. Investments serve as the basis of economic activity and an important prerequisite for innovation, production and trade growth. Therefore, solving problems related to attracting investments into the economy at the present stage is one of the priorities, in particular for the Russian Federation. Investment activity is almost always associated with risks. Investing capital resources in the economy of their own or another state, investors face the problem of possible loss of these funds in the unfavorable development of the economic and political situation. Therefore, the need to protect the rights of investors and the investments themselves within the framework of Russian and international law comes to the fore. The authors note that in relation to foreign investments, regulation is often provided by bilateral agreements between states, which does not exclude the occurrence of disputes between participants in investment relations. A significant role in the legal regulation of investment relations will be played by agreements concluded by the Russian Federation with states that are members of such international organizations as the EAEU, SCO, BRICS.

Keywords: regulatory legal acts, investments, investment activity, contracts, participants of investment activity.

Роль инвестиций в развитии экономики государств является одной из ключевых. В вопросах, касающихся источников правового регулирования инвестиционной деятельности, в первую очередь следует выделить международную составляющую нормативной основы данной сферы. Исходя из содержательной стороны международных нормативных актов, регулирующих инвестиционную деятельность, следует отметить, что в них не всегда содержатся четко определенные положения о понятии и других аспектах инвестиций и инвестиционной деятельности. Кроме того, специалисты отмечают, что отдельные формулировки, имеющие место в данных актах, зачастую невозможно трактовать однозначно. В ряде случаев нормы международных актов находятся в противоречии между собой. Хотелось бы отметить, что в международных актах также наличествуют нормы рекомендательного характера.

К значимым среди международных актов в исследуемой сфере следует отнести Вашингтонскую конвенцию 1965 г. о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами¹. К ней Российская Федерация присоединилась путем принятия Постановления Правительства Российской Федерации 13 октября 1995 г.² № 1016, однако не осуществила ратифи-

кацию. По этой причине в данный момент документ имеет статус «ожидание ратификации» в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС).

Конвенция закрепляет порядок функционирования МЦУИС, а также выделяет особенности взаимодействия стран-членов с центром и между собой. Документ закрепляет процедуры разрешения конфликтов и споров, возникающих между различными сторонами. При этом споры о разногласиях относительно толкования самого текста при невозможности разрешить их путем переговоров и консультаций передаются для разрешения в Международный суд ООН.

На сегодня МЦУИС остается наиболее крупной международной площадкой, ориентированной на урегулирование разногласий, которые могут возникнуть в ходе инвестиционных процессов между различными участниками данных правоотношений. Проблемным вопросом является взаимодействие между странами – членами МЦУИС и странами, не ратифицировавшими Конвенцию и не присоединившимися к Центру, так как данное взаимодействие сложно выстроить при отсутствии единого регулирования. Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость создания такой международной организации, которая бы смогла стать местом для формирования единого инвестиционного пространства для значительного количества стран, что дало бы возможность участникам инвестиционных отношений беспрепятственно взаимодействовать друг с другом. При этом следует отметить, что в закреплённых в указанном документе понятиях не содержится точного определения «инвестиции».

¹ Вашингтонская конвенция 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902243> (дата обращения: 02.09.2022).

² Постановление Правительства РФ от 13 октября 1995 г. № 1016 «О Комплексной программе стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/1518511/> (дата обращения: 02.09.2022).

Другим значимым нормативным документом международного права в сфере инвестиционной деятельности стала Сеульская Конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (далее – МАГИ)¹. Документ ратифицирован Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4186-1². Особо следует указать, что в данной конвенции не дается четкого определения понятия «инвестор». По нашему мнению, исходя из статьи 13 данной конвенции, а именно пунктов а, b, с, в контексте данного документа инвестор представлен как физическое лицо, являющееся гражданином страны-члена не являющейся принимающей страной, или юридическое лицо, зарегистрированное в стране-члене, которая не является принимающей страной.

Появление МАГИ стало знаковым событием для международного инвестиционного права в области защиты прав инвесторов. Нормы данного соглашения регулируют деятельность инвесторов с учетом установления гарантий в отношении капиталовложений. В документе закреплены виды инвестиций, подлежащие страхованию, по которым агентство выдает гарантии (среднесрочные и долгосрочные займы). Ввиду необходимости содействовать росту инвестиций, направляемых в развивающиеся государства из числа участников Конвенции, МАГИ наделена правом организации дополнительных отчислений последним сверх выделенных прежде.

Перечень гарантий остается открытым, так как совету директоров МАГИ позволено определять иные виды инвестиций, которые подпадают под гарантии агентства, а также выделять инвесторов, которые могут получить соответствующие гарантии. Инвестором может быть объявлен только тот субъект, который соответствует следующим условиям: физическое лицо, если оно имеет гражданство страны – члена МАГИ и не имеет гражданства государства-реципиента; юридическое лицо – если его капиталы находят-

ся в стране – члене МАГИ, но не в стране-реципиенте.

Финансовые ресурсы, имеющиеся в распоряжении МАГИ, ограничены, поэтому количество заключаемых им договоров также ограничено. Можно выделить тенденцию по передаче значительной части финансовых ресурсов региональным агентствам по гарантиям инвестиций или частным страховым компаниям, оказывающим соответствующие услуги на территории страны – члена МАГИ. Приоритет в предоставлении гарантий непосредственно отдается в первую очередь таким капиталовложениям, в отношении которых иные организации не могут предоставить гарантию от некоммерческих рисков.

Переходя к характеристике следующего нормативного документа, нельзя не упомянуть, что целью создания Договора к Энергетической Хартии³, заключенного в декабре 1994 г., было заявлено обеспечение формирования «...единого игрового поля» для инвестиций в энергетический сектор во всех странах – участниках Хартии, что призвано минимизировать потенциально возможные при этом некоммерческие риски. Понятие «инвестиции» в данном акте закреплено в пункте 6 статьи 1: это все виды активов, находящиеся в собственности или контролируемые прямо или косвенно инвестором.

Таким образом, анализ наиболее значимых международных источников правового регулирования в инвестиционной сфере показал, что существует необходимость в принятии нового единого документа, содержащего правила для регулирования инвестиционных отношений в современных условиях. Здесь считаем важным указать на то обстоятельство, что, несмотря на достаточно длительный период становления международного законодательства об инвестициях, в нем еще не содержится универсального определения понятия инвестиций, отвечающего требованиям современного экономического развития государств.

Законодательство, регулирующее условия инвестиционной деятельности в Российской Федерации, сформировалось не так давно по сравнению с развитыми зарубежными странами.

Характеризуя развитие правового регулирования инвестиционной деятельности путем за-

¹ Сеульская конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900505> (дата обращения: 02.09.2022).

² Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. N 4186-1 «О ратификации Конвенции об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций». – URL: <https://base.garant.ru/2541350/> (дата обращения: 02.09.2022).

³ Договор к Энергетической Хартии от 17 декабря 1994 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499060547> (дата обращения: 02.09.2022).

ключения Российской Федерацией международных соглашений, приведем ряд примеров.

В числе международных актов, регулирующих инвестиционные отношения, значительное место занимают двусторонние соглашения Российской Федерации с зарубежными странами о поощрении и защите иностранных инвестиций. Можно отметить тот факт, что одним из первых было соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 17 декабря 1996 г.¹. Необходимо указать, что приведенное соглашение не содержит понятия «инвестиции». В рассматриваемом акте дано определение термина «капиталовложения» в значении «...любые имущественные ценности, которые вкладываются инвестором одной договаривающейся стороны на территории другой... в любой правовой форме в соответствии с ее законодательством» (статья 1).

Стоит указать, что в том же году было заключено двустороннее соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Чешской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений², где прямо сказано, что режим капиталовложений определяется национальным законом (статья 2). Кроме того, обращает на себя внимание определение инвестора, закрепленное в статье 1 данного соглашения. В частности, инвестором, согласно данной статье, является: «...любое физическое или юридическое лицо, учрежденное и действующее в соответствии с законодательством государства одной из сторон и имеющее свое местонахождение на территории этого государства, при условии, что... лицо правомочно... осуществлять капиталовложения на территории другого государства».

Отметим, что Российская Федерация активно развивала процесс в направлении поощрения и защиты капиталовложений, росло количество

соглашений с другими государствами в этой сфере. К настоящему времени введено в действие более 70 документов. С некоторыми странами Российская Федерация не имеет самостоятельных соглашений о поощрении иностранных инвестиций (капиталовложений), поскольку продолжается действие договоров между ними и СССР. К таковым относится, например, Соглашение от 26 октября 1990 г. между Союзом Советских Социалистических Республик и Испанией о содействии осуществлению и взаимной защите капиталовложений³.

В настоящее время в некоторых странах уже осуществлена кодификация инвестиционного законодательства, в результате на ее основе были приняты инвестиционные кодексы в Республике Беларусь, Филиппинах, Камеруне, Сенегале, Тунисе и т. д.

Вместе с тем имеет место и иной подход к формированию законодательства об инвестициях. В частности, нормы об инвестициях могут быть включены и в неспециализированные акты. Например, во Франции нормы об иностранных инвестициях содержатся в Валютно-финансовом кодексе № 99-1071, принятом 16 декабря 1999 г.⁴, а именно в статье L 141-8. Специализированного кодифицированного законодательства в рассматриваемой сфере нет в Англии, Германии, США и ряде других стран с развитой экономикой, включая Россию.

Национальное законодательство Российской Федерации об инвестиционной деятельности представлено следующими нормативными актами.

В частности, в 1991 г. был принят Закон РСФСР № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»⁵. Законодатель отразил в данном акте основные направления государственно-

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/8314550> (дата обращения: 02.09.2022).

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Чешской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (ратифицировано Федеральным законом РФ от 23 мая 1996 г. № 47-ФЗ). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/58804635> (дата обращения: 02.09.2022).

³ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Испанией о содействии осуществлению и взаимной защите капиталовложений (заключено в Мадриде 26 октября 1990 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131324/ (дата обращения: 02.09.2022).

⁴ Валютно-финансовый кодекс № 99-1071, принятый 16 декабря 1999 г. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006072026> (дата обращения 02.09.2022).

⁵ Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89/a7b1e2b8f0bd9ebc136b048baf9e9a853635ab90/ (дата обращения: 02.09.2022).

го регулирования инвестиционной деятельности. Кроме того, в указанном нормативном документе были закреплены гарантии для субъектов инвестиционной деятельности. Важно, что в настоящем законодательном акте было отражено, что субъекты предпринимательской деятельности наделяются возможностью использовать в хозяйственной деятельности, в частности, в договорной работе, термины «инвестиционная деятельность» и «инвестиции». При этом данные термины также получили законодательное определение. Согласно данному нормативному акту, инвестициями являются денежные средства; целевые банковские вклады; паи; акции и другие ценные бумаги; технологии, машины и оборудование; другое имущество.

Следует отметить, что все вышеперечисленные виды имущества вкладываются в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта.

Рассмотрим дальнейшее развитие правового регулирования инвестиционной деятельности и обратимся к Федеральному закону от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»¹. Инвестор получил право на свободный вывоз сырья, право на свободное и безвозмездное пользование геологической информацией о недрах, а также было закреплено его право собственности на производимую продукцию, кроме того, нормативный акт закрепил ряд гарантий и льгот. Принятие указанного закона было нацелено, во-первых, на привлечение в Россию инвесторов из зарубежных стран, во-вторых, на привнесение новых технологий в Российскую Федерацию. Однако в процессе реализации данного Федерального закона стало очевидным, что иностранные инвесторы получили значительные преимущества не только при добыче полезных ископаемых, но и при разделе продукции, чем, по-нашему мнению, были нарушены государственные интересы Российской Федерации.

Правовое регулирование порядка инвестиционной деятельности в части капитальных вложений в Российской Федерации осуществляется посредством Федерального закона от 25 февра-

ля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»². Следует отметить, что в данном нормативном акте дается определение понятия инвестиций, в котором в целом сохраняется подход законодателя к их определению, однако в некоторой степени меняется круг объектов, а также цели инвестирования. Данный нормативный акт гарантирует субъектам инвестиционной деятельности равную защиту прав, интересов, имущества. При этом деятельность таковых субъектов осуществляется в форме капитальных вложений, независимо от формы собственности.

Указанный Федеральный закон устанавливает гарантии равной защиты прав, интересов и имущества субъектов инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, независимо от форм собственности и дает подробное терминологическое наполнение сопутствующих понятий, используемых в сфере инвестиционных отношений.

Далее рассмотрим Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»³.

Данный нормативный правовой акт устанавливает правовой режим эмиссии ценных бумаг, требования к эмитентам ценных бумаг. Он был разработан и принят для обеспечения защиты интересов участников инвестиционных правоотношений в части противодействия мошенническим действиям в сфере инвестиционной деятельности. В целях защиты прав инвесторов закон содержит требования о раскрытии информации при эмиссии ценных бумаг, требования о регистрации ценных бумаг.

Действие данного нормативного акта распространяется на основных эмитентов ценных бумаг – инвестиционные компании, чья деятельность выражается в эмиссии ценных бумаг и предло-

1 Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8816/ (дата обращения: 02.09.2022).

2 Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 9. – Статья 1096.

3 Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 10. – Статья 1163.

жении их к приобретению другими участниками рынка ценных бумаг.

Правовой режим в сфере иностранных инвестиций в Российской Федерации определяется Федеральным законом от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»¹ В данном нормативном правовом акте в статье 2 представлено иное законодательное определение термина «инвестиции». Иностранной инвестицией признается вложение иностранного капитала в объект предпринимательской деятельности в виде гражданских прав, принадлежащих инвестору при отсутствии ограничения к обороту законодательством Российской Федерации, в том числе:

- денег;
- ценных бумаг (в валюте Российской Федерации);
- ценных бумаг (в иностранной валюте);
- иного имущества;
- имущественных прав, имеющих денежную оценку;
- интеллектуальной собственности, т. е. исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности,
- услуг;
- информации.

Формирование указанного нормативного акта ориентировано не только на привлечение в экономику материальных и финансовых ресурсов, инновационного опыта и технологий, имеющих у зарубежных партнеров в качестве инвестиций, но и на их максимально полное использование, которое было бы согласовано с нормами международного права и тем самым обеспечивало стабильный рост объемов иностранного участия, сопоставимый с международной практикой других государств.

Необходимо указать, что в результате принятия вышеназванных актов и анализа, закрепленных в них понятий инвестиций и инвестиционной деятельности, в юридической литературе сложились несколько подходов, относительно их определений. В частности, согласно первому подходу, инвестиции – это то, во что вкладывают [2]. Приверженцы второго подхода определяют инвести-

ции как объект, который передают, т. е. это что вкладывают [5]. Согласно третьему подходу, инвестиции определяются как процесс, деятельность (совокупность действий по передаче объекта; отношения, связанные с вложением активов) [3]. Авторы статьи присоединяются ко второй позиции. Представляется, что наиболее целесообразно считать инвестициями денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

Важно подчеркнуть, что в 2001 г. был принят Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах», который установил правовой статус инвестиционных фондов, а также закрепил положения о порядке их деятельности. Данный закон сформулировал понятия акционерного и паевого инвестиционных фондов, в которых отражена правовая природа пая, установлены правила, действующие в рамках правоотношений между пайщиками и паевым инвестиционным фондом, а также между пайщиками и управляющей компанией паевого инвестиционного фонда; ряд положений посвящен паевому инвестиционному фонду и т. д.

Следующим нормативным актом в рассматриваемой сфере является Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»². Указанный закон нацелен на привлечение инвестиций в экономику Российской Федерации, обеспечение эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на условиях концессионных соглашений и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям. Важным представляется тот факт, что большинство концессионных соглашений приходится на жилищно-коммунальную, транспортную, социальную и энергетическую сферы. Это обусловлено приоритетными задачами долгосрочного социально-экономического развития как на федеральном, так и на региональном уровнях.

¹ Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 28. – Статья 3493.

² Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/ (дата обращения: 02.09.2022).

В целях регулирования использования иностранных инвестиций в Российской Федерации был принят Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны и безопасности государства»¹. Данный закон регулирует отношения, связанные с осуществлением иностранными инвесторами инвестиций в форме приобретения акций (долей); направлен на запрещение сделок, влекущих установление контроля иностранных государств над хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение. Правовое регулирование в данной сфере претерпевает изменения с целью защиты национальных интересов и обеспечения безопасности государства.

Федеральный закон «Об инвестиционном товариществе»², вступивший в действие с 1 января 2012 г., направлен на формирование отношений по коллективному инвестированию. Исходя из правовой нормы, закрепленной в части 3 статьи 1041 ГК РФ, указанный акт регулирует отношения по созданию инвестиционного товарищества. В данном нормативном акте определены особенности договора простого товарищества, который заключается для осуществления совместной инвестиционной деятельности. У субъектов инвестиционной деятельности появилась возможность (обязанность) нотариального обеспечения анализируемой деятельности (пункт 8 статьи 3). Согласно указанному акту, взаимоотношения между инвесторами (товарищами) складываются исключительно в рамках договора, при этом создание юридического лица не предусмотрено.

Развитие инвестиционных процессов в Российской Федерации тесно связано с внедрением в них электронных средств, поэтому изменение законодательства об инвестиционной деятельности коснулось и сферы цифровизации. Так, с 1 января 2020 г. в России действует Федераль-

ный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. Он аккумулировал нормы и правила, ориентированные на регламентацию привлечения инвестиций посредством электронных платформ, деятельности вовлеченных в это электронных площадок и проведения соответствующих инвестиций. В указанном нормативном акте законодатель вновь закрепляет понятия «инвестор» и «инвестиция». В частности, под инвестициями, согласно статье 2 ФЗ № 259, понимаются денежные средства, используемые в целях получения прибыли или достижения иного полезного эффекта путем приобретения предусмотренных настоящим Федеральным законом ценных бумаг или цифровых прав либо путем предоставления займа. В силу данного акта в качестве инвестора выступает физическое лицо (гражданин) или юридическое лицо, которому оператор инвестиционной платформы оказывает услуги по содействию в инвестировании.

Следует отметить, что инвестиционное законодательство Российской Федерации представлено и иными нормативными актами, так как с момента принятия первых законов в инвестиционной сфере прошло более 30 лет. За этот период установлено правовое регулирование инвестиционной деятельности в производственной сфере, а также в таких сферах, как оборонный заказ, рынок ценных бумаг, строительная отрасль и др.

На развитие инвестиционного законодательства, безусловно, влияет санкционная политика западных стран. Это приводит к разрыву экономических связей, в том числе в инвестиционной сфере. Отметим, что санкции вводятся в целях сокращения или полного прекращения участия иностранных инвесторов в российских инвестиционных проектах в сфере телекоммуникаций, транспорта, энергетики, инфраструктуры, добычи нефти и газа, минералов, а также поставке соответствующего оборудования и технологий в Россию. Из-за санкций срываются контракты с ино-

¹ Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 18. – Статья 1940.

² Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. N 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (часть 1). – Статья 7013.

³ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. N 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/ (дата обращения: 02.09.2022).

странными партнерами, уменьшилось число зарубежных организаций и проектов, в которых участвовали бы субъекты предпринимательской деятельности Российской Федерации. Потери российской экономики, связанные с уходом иностранных инвесторов, остро ощутимы, однако в Российской Федерации формируются новые подходы к привлечению национальных инвесторов в процесс реализации инвестиций.

Таким образом, в настоящее время Российская Федерация вводит меры по защите финансовой системы, различных сфер экономики, в инвестиционной сфере активизируется процесс расширения взаимодействия с дружественными странами с целью укрепления технологического и экономического суверенитета. С учетом новых вызовов, связанных с комплексом различных причин, законодательное регулирование инвестиционных отношений требует новых оперативных подходов, касающихся установления правил

взаимодействия государства с иностранными инвесторами, а также создания условий для увеличения активности национальных инвесторов.

Считаем необходимым отметить, что в недостаточной степени урегулированы вопросы вовлечения граждан, имеющих сбережения, в инвестиционные процессы. В частности, отсутствует доверие, например, к таким институтам, как пенсионные фонды. Кроме того, субъекты малого и среднего предпринимательства обладают инвестиционной активностью, которая на настоящий момент не соответствует потребностям экономики. В связи с этим следует разработать и принять ряд нормативных актов, направленных на расширение участия указанных субъектов в инвестиционной деятельности, оказывая поддержку и увеличивая привлекательность с точки зрения содержания и результатов самих инвестиционных проектов.

Список литературы

1. Антипова О. М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности: анализ теоретических и практических проблем. – URL: <https://base.garant.ru/5483800/> (дата обращения: 17.09.2022).
2. Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Государство и регулирование инвестиций. – М. : Городец-издат, 2003.
3. Майфат А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования: монография. – М. : Волтерс Клувер, 2007.
4. Муравьев Б. В. Инвестиционное обязательство в строительстве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
5. Серебрякова Т. А. Регулирование инвестиционной деятельности: финансово-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002.

Россия в глобальном управлении трансграничным движением прямых инвестиций

А. А. Макарова

Младший научный сотрудник ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН.
Адрес: Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук,
117997, Москва, Профсоюзная, д. 23.
E-mail: a.makarova@imemo.ru

Russia in the Global Governance of Foreign Direct Investment

A. A. Makarova

Junior Researcher of Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
Address: National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: a.makarova@imemo.ru

Аннотация

Исследование посвящено актуальным проблемам трансграничного регулирования прямых иностранных инвестиций с точки зрения позиции Российской Федерации в глобальном управлении прямыми иностранными инвестициями (ПИИ). Методология данного исследования основана на общенаучных методах познания, таких как анализ и синтез, системный подход. Материалы, на которых основана данная работа, включают в себя официальные правовые источники, а также данные международных организаций. Показано, что в современных реалиях влияние России на управление глобальными процессами, связанными с трансграничным движением инвестиций, является ограниченным и во многом обусловлено внешними негативными политическими факторами. При этом заключение универсальной многосторонней конвенции в сфере трансграничного движения инвестиций не представляется возможным, что определяет дальнейшую деформацию международного режима ПИИ, укрепление региональных сил и наращивание их влияния на глобальные процессы, в том числе посредством интеграционных группировок, таких как ЕАЭС, БРИКС и ШОС.

Ключевые слова: глобальное регулирование, урегулирование споров, инвестиционные риски, страхование рисков, трансграничное движение инвестиций, Россия, ЕАЭС, БРИКС, ШОС, ЕС, ПИИ.

Annotation

The study is devoted to the topical issue of cross-border regulation of foreign direct investment in terms of the role and position of the Russian Federation in the global management of FDI. The methodology of this study is based on general scientific methods of cognition, such as analysis and synthesis, and a systematic approach. The materials on which this work is based include official legal sources, as well as data from international organizations. It is shown that in modern realities, Russia's influence on the management of global processes associated with the cross-border movement of investments is limited and is largely due to external negative political factors. At the same time, it is not possible to conclude a universal multilateral convention in the field of cross-border movement of investments, which determines the further deformation of the international FDI regime, the strengthening of regional forces and the growth of their influence on global processes, including through integration groups such as the EAEU, BRICS and SCO.

Keywords: global regulation, dispute resolution, investment risks, risk insurance, cross-border movement of investments, Russia, EAEU, BRICS, SCO, EU, FDI.

В настоящее время трансграничное движение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) находится в крайне неустойчивом положении, что наряду с другими проблемами в первую очередь обусловлено последствиями пандемии. Эти последствия будут иметь долгосрочный характер, поскольку нарушенные цепочки поставок выдвигают на передний план новые полюса притяжения, такие как Китай и Индия, в то время как факторы, влияющие на международное разделение труда и, соответственно, ПИИ, еще окончательно не обозначились [1; 2]. В этих условиях крайне важно определить текущие позиции Российской Федерации в трансграничном управлении ПИИ и факторы, оказывающие влияние на международную политику, задающие тренды и направление современных форм и способов их регулирования [3; 4].

Считается, что в вопросах глобального регулирования различных сфер ведущая роль отдается специализированным международным организациям, которые посредством генерирования общих принципов и норм способствуют достижению консенсуса между государствами [5]. Несмотря на то что сложившийся международный порядок достаточно фрагментирован и базируется в основном на двусторонних договорах о защите и поощрении инвестиций (ДИД), в сфере глобального управления трансграничным движением инвестиций таких организаций две – Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС)¹ и Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МАГИ)². Обе организации являются специализированными учреждениями ООН, которые были созданы с целью многостороннего регулирования защиты и поощрения иностранных инвестиций. Так, в компетенции МЦУИС входит разрешение инвестиционных споров между субъектами трансграничной инвестиционной деятельности. Поскольку судебное урегулирование с точки зрения поощрения процессов глобализации является крайне нежелательным и вынужденным способом защиты любых нарушенных прав, в том числе и прав

иностранного инвестора, целью МАГИ является минимизация возможности возникновения тяжб посредством предоставления страховых гарантий от политических рисков. Таким образом, деятельность обеих организаций является взаимосвязанной и представляется в качестве единого глобального механизма защиты и поощрения иностранных инвестиций.

По данным ЮНКТАД, в общем количестве арбитражных споров между инвестором и государством-реципиентом по основаниям, вытекающим из двусторонних (многосторонних) инвестиционных соглашений (Investor-State Dispute Settlement – ISDS), более 70% приходится на механизм разрешения споров МЦУИС. На известные дела, решенные в пользу государства-ответчика в период с 1987–2021 гг., приходилось 35,5%, инвестора – 29,5%³, оставшиеся споры были урегулированы без вынесения арбитражного решения (прекращены по обоюдному согласию сторон либо урегулированы примирительной процедурой) либо решение было вынесено не в пользу ни одной из сторон, т. е. факт нарушения прав был доказан, однако возмещение убытков не присуждалось.

Наибольшее количество тяжб традиционно инициируется инвесторами из США, Нидерландов и Великобритании (рис. 1).

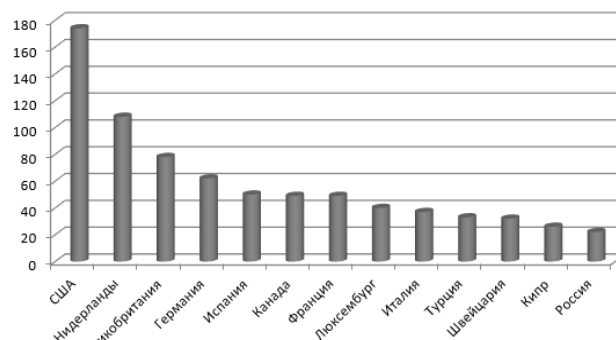

Рис. 1. Топ стран-истцов по количеству известных споров ISDS, инициированных инвесторами, 1987–2021 гг.⁴

Стабильной тенденцией является то, что большинство новых дел ежегодно возбуждаются против развивающихся стран и стран с переход-

¹ Конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и юридическими, физическими лицами другого государства от 18 марта 1965 года. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.07.2022).

² Сеульская конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций от 12 апреля 1988 г. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.07.2022).

³ URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/investment-dispute-settlement?id=175&name=russian-federation&role=investor> (дата обращения: 12.08.2022).

⁴ URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/publications/1266/facts-on-investor-state-arbitrations-in-2021-with-a-special-focus-on-tax-related-isds-cases> (дата обращения: 13.08.2022).

ной экономикой. Страна-лидерами по количеству предъявляемых к ним претензий являются Аргентина, Испания и Венесуэла (рис. 2). В 2021 г. новые дела были возбуждены против 42 стран, при этом пять из них – Камбоджа, Конго, Финляндия, Мальта и Нидерланды – столкнулись с подобными исками по ISDS впервые.

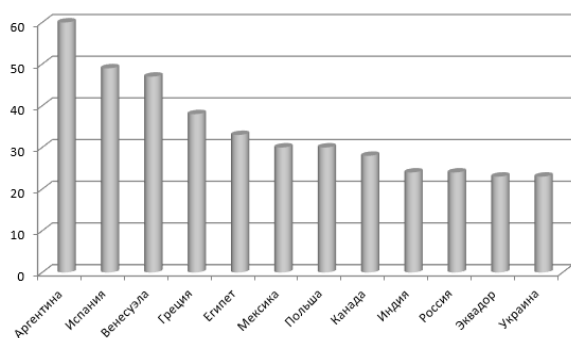

Рис. 2. Топ стран-ответчиков по количеству известных споров ISDS, 1987–2021¹

Российская Федерация не является полноправным членом МЦУИС, однако, согласно дополнительным правилам к Вашингтонской конвенции 1965 года, МЦУИС обладает юрисдикцией, если одновременно выполняются следующие условия:

- государство – реципиент ПИИ, с одной стороны, физическое или юридическое лицо гражданства другой страны не являются участниками Вашингтонской конвенции 1965 года, однако спор вытекает из инвестиционной деятельности сторон;
- возможность обращения в МЦУИС на основании дополнительных правил закреплена в двустороннем инвестиционном договоре (ДИД) или ином многостороннем договоре участвующих сторон.

Таким образом, де-факто спор с участием Российской Федерации может быть передан в МЦУИС при наличии письменного соглашения сторон и соответствующего положения в двустороннем инвестиционном договоре². Кроме того, возможность обращения в МЦУИС закрепляется в статье 85 Договора о ЕАЭС 2014 г., участника-

ми которого, помимо Российской Федерации, являются еще 4 страны – Казахстан, Беларусь, Армения и Киргизия. Например, в 2018 г. российский инвестор «ГРАНД ЭКСПРЕСС» предъявил иск к Беларуси на основании положений Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах – членах Евразийского экономического сообщества 2008 года и Договора о ЕАЭС 2014 года³.

В период с 1987 г. и до начала пандемии COVID-19 в качестве истца российскими инвесторами было инициировано 22 спора в подавляющем большинстве против стран СНГ, причем 9 (40%) из них до сих пор находятся на рассмотрении. Из 13 закрытых дел 3 (23%) решены в пользу российского инвестора, 4 (30%) – в пользу государства-ответчика, оставшиеся 8 дел урегулированы без вынесения арбитражного решения в пользу одной из сторон (прекращены по обоюдному согласию либо посредством примирительной процедуры). Еще по 24 делам ISDS Российская Федерация выступала ответчиком. Из 16 завершенных споров большинство – 69% арбитражных решений – было вынесено против Российской Федерации и только в трех случаях (19%) наблюдался положительный вердикт, в то время как в общемировом разрезе количество решений, вынесенных в пользу государства, преобладает. Причем даже если не принимать во внимание положительные решения международного арбитража по искам со стороны украинских компаний, каждый второй спор со странами Европейского союза (ЕС) до 2014 г. был решен не в пользу Российской Федерации.

Обращаясь к градации оснований, стоит отметить, что в мировом разрезе наибольшее количество – более 60% – споров ISDS традиционно приходится на тяжбы, связанные с экспроприацией и национализацией иностранных инвестиций в секторе услуг. Около 20% споров относятся к инвестициям в первичный сектор экономики, на долю инвестиционных споров в обрабатывающей промышленности приходится менее 14%. В своем инвестиционном законодательстве, а также в двусторонних инвестиционных соглашениях, страны праве указывать, какие инвестиционные

¹ URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/publications/1266/facts-on-investor-state-arbitrations-in-2021-with-a-special-focus-on-tax-related-isds-cases> (дата обращения: 13.08.2022).

² Среди всех ДИД РФ только в 24 из 63 действующих соглашений имеется положение о возможности обращения в МЦУИС.

³ ЗАО «ГРАНД ЭКСПРЕСС» против Республики Беларусь (ICSID № ARB(AF)/18/1). – URL: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/investitsionnye-spyry-protiv-belarusi/> (дата обращения: 10.07.2022).

споры могут быть урегулированы посредством МЦУИС, а какие изымаются из сферы его компетенции. Так, например, В ДИД РФ, в которых указывается на возможность обращения в МЦУИС, а также в договоре о ЕАЭС¹ положений об изъятиях не приводится. Согласно исключениям, принятым Саудовской Аравией и Турцией, споры, касающиеся иностранных инвестиций в нефтяной сектор, а также затрагивающие вопросы суверенитета страны, не могут быть переданы на рассмотрение в международный инвестиционный арбитраж. Китай в свою очередь согласился на передачу только таких споров, которые непосредственно связаны с вопросами компенсации за экспроприацию и национализацию иностранной собственности. В общем случае положениями Вашингтонской конвенции определяется способ разрешения споров о компенсации тогда, когда убытки не могут быть в полной мере возмещены страховой премией национальных или международных страховых агентств.

Переходя к рассмотрению места и роли России в деятельности МАГИ, отметим, что с 1995 г. Российская Федерация стала полноправным членом МАГИ в статусе развивающейся страны. Присвоение определенного статуса имеет важное значение, поскольку инвестиции стран-членов в развитых странах не могут быть застрахованы посредством МАГИ.

Деятельность МАГИ основывается на предоставлении гарантий иностранным инвесторам по проектам, способствующим развитию экономической, экологической и социальной составляющей устойчивого развития развивающихся стран. Прямые капиталовложения в принимающей стране должны отвечать следующим требованиям (статья 12 d (i–iii) Сеульской конвенции):

- быть экономически целесообразными;
- не противоречить законодательству принимающей страны;
- соответствовать целям и задачам стратегического приоритетного развития принимающей страны;
- перечисленные в договоре страхования риски, подлежащие покрытию МАГИ, должны

быть одобрены принимающим государством (статья 15 Сеульской конвенции).

Наиболее удачным с точки зрения объемов выпущенных гарантий в МАГИ был 2018 г., когда общая сумма составила 5,3 млрд долларов для различных проектов в развивающихся странах общей стоимостью более 17,9 млрд долларов, причем более 60% из них были инвестиции в проекты, направленные на борьбу с последствиями изменения климата². Всего с момента основания МАГИ было застраховано более 845 проектов в 111 странах мира на сумму более 50 млрд долларов. С 1988 г. Агентство компенсировало убытки по 10 искам на общую сумму 26,5 млн долларов в валовом выражении и 10,2 млн долларов за вычетом возмещений. Из десяти удовлетворенных требований восемь были связаны с рисками войны и гражданских беспорядков и два – с рисками экспроприации.

Финансовое обеспечение деятельности Агентства складывается из взносов стран-членов в уставный и подписной капитал (оплаченный и гарантированный). Уставный капитал МАГИ составляет более 2 млрд долларов (более 200 млн акций в эквиваленте стоимости одной ценной бумаги 10 тыс. специальных прав заимствования (СПЗ) по курсу 1 082 доллара за одну единицу СПЗ), подписной – 1,9 млрд долларов. При этом доля Российской Федерации в 5 528 акций эквивалентна сумме в 59,8 млн долларов, что в свою очередь соответствует 2,64% от общего числа голосов. Наибольшее число голосов у США – 15,02%, что дает представителям страны существенные преимущества в принятии решения и негласное право вето в том, какие инвестиционные проекты соответствуют критериям и могут быть застрахованы, а какие нет.

На сегодня ни один проект с участием ПИИ из России за рубежом в МАГИ не был застрахован, хотя по состоянию на 2019 г. в портфеле Российской Федерации как страны-реципиента иностранных инвестиций значилось 7 действующих страховых соглашений. Стоит сказать, что, начиная с момента присоединения к Сеульской конвенции, иностранные инвесторы ежегодно обращались за получением гарантий при осуществлении инвестиций в Российской Федерации. Динамика активности обращений полностью пре-

¹ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 15 марта 2018 г.). – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

² См.: MIGA. Annual report 2018. – URL: <https://www.miga.org/report/2018-annual-report> (дата обращения: 09.08.2022).

кратилась в 2014 г. с выдачей последнего на сегодня обязательства МАГИ французскому инвестору ООО «Кэн-Пак» – заводу упаковки на территории России. Санкции, наложенные США и европейскими государствами, отразились на инвестиционной активности зарубежного бизнеса в России и, как следствие, на страховании.

Таким образом, влияние Российской Федерации на процессы глобального управления трансграничным движением инвестиций на сегодняшний день представляется ограниченным. Российская Федерация не является полноправным членом международного центра по урегулированию инвестиционных споров, а участие страны в процессе принятия решений на уровне Международного агентства по инвестиционным гарантиям не прослеживается. Необходимо отметить, что, как и другие институты глобального управления (например, МВФ), механизм защиты и поощрения инвестиций посредством учреждений ООН под-

вергается критике ввиду очевидной политической составляющей в принятии решений и дискриминации различных групп стран-участниц. Нецелесообразность заключения многосторонней универсальной конвенции в отношении иностранных инвестиций по причине невозможности достижения консенсуса между развитыми и развивающимися государствами была отмечена зарубежными учеными еще в 1980-е гг. [6]. Сегодня в эпоху становления и формирования полицентричного миропорядка, в котором развивающиеся страны с каждым годом приобретают все более значимый вес и влияние (в частности, Китай, Индия, а также такие организации, как Шанхайская организация сотрудничества и Евразийский экономический союз), необходимо искать новые подходы к поиску консенсуса в отношении защиты иностранных инвестиций между развитыми и развивающимися странами на основе баланса интересов.

Список литературы

1. Дробот Е. В. Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // Экономические отношения. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 937–960. – DOI: 10.18334/eo.10.4.111375
2. Ерохина Е. В., Джергения Ю. Б. Угрозы реализации национальных интересов Российской Федерации в период после пандемии // Экономическая безопасность. – 2020. – Т. 3. – № 3. – С. 259–272. – DOI: 10.18334/ecsec.3.3.110681
3. Лисица В. Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения : монография. – Новосибирск, 2011.
4. Утигалиева А. В. Влияние пандемии COVID-19 на реализацию инвестиционных проектов в России и их перспективные направления // Молодой ученый. – 2021. – № 20 (362). – С. 280–281.
5. Хейфец Б. А. Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы. – М. : Институт экономики РАН, 2013.
6. Sella P. Dealing with investment Problems: the World Bank and the International Centre for Settlement of Investment Disputes // International Control of Investment : the Dusseldorf Conference on Multinational Corporations. – New York : Washington; London, 1973. – P. 136

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-98-103>

Организационно-правовое регулирование трудовой миграции и ее влияние на экономику современной России

И. А. Гарная-Иванова

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36

E-mail: Garnaya-Ivanova.IA@rea.ru

Organizational and Legal Regulation of Labor Migration and Its Impact on the Economy of Modern Russia

I. A. Garnaya-IvanovaCandidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics.Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.E-mail: Garnaya-Ivanova.IA@rea.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению воздействия трудовой миграции на экономику современной России. В работе на основе рассмотренной научной литературы анализируются экономические причины, побуждающие к трудовой миграции. Автор обращает внимание на высококвалифицированных трудовых мигрантов, называя их катализаторами экономического роста принимаемого государства. Уделяется внимание проблеме притока низкоквалифицированных мигрантов, изучаются факторы, способствующие данному явлению. Акцентируется внимание на том, что с учетом современных условий развития экономики России важно создавать благоприятные условия для вовлечения высококвалифицированных трудовых иммигрантов во все сферы экономики: промышленность, сельское, лесное хозяйство, строительство, торговлю и общественное питание и т. д. Сформулированы предложения по улучшению организационно-правового регулирования закупок сельскохозяйственной продукции в Херсонской и Запорожской областях. Определена авторская категория организационно-правового регулирования трудовой миграции, сформулированы рекомендации по совершенствованию как организационного, так и правового регулирования в сфере цифровой экономики. Методологическую основу исследования составили современные общенаучные и специальные методы научного познания. Системный метод позволил исследовать проблемы в сфере трудовой миграции в единстве их социального содержания и юридической формы. С помощью логико-семантического метода углублен понятийный аппарат. Для анализа особенностей организационно-правового регулирования трудовой миграции использовались методы анализа, синтеза, классификации.

Ключевые слова: организационно-правовое регулирование, экономический рост, миграционная политика, высококвалифицированный трудовой иммигрант, низкоквалифицированный трудовой мигрант, информационные технологии, цифровая экономика, электронная площадка.

Abstract

The article is devoted to the study of the impact of labor migration on the economy of modern Russia. In the work, on the basis of the reviewed scientific literature, the economic reasons that encourage labor migration are analyzed. The author draws attention to highly qualified labor migrants, calling them catalysts for the economic growth of the host state. Attention is paid to the problem of the influx of low-skilled migrants, the factors contributing to this phenomenon are studied. Attention is focused on the fact that, taking into account the current conditions of economic development in Russia, it is important to create favorable conditions for the involvement of highly qualified labor immigrants in all spheres of the economy: industry, agriculture, forestry, construction, trade and catering, etc. Proposals are formulated to improve the organizational and legal regulation of procurement agricultural products in the Kherson and Voronezh regions. The author's category of organizational and legal

regulation of labor migration is defined, recommendations for improving both organizational and legal regulation in the field of digital economy are formulated. The methodological basis of the study was made up of modern general scientific and special methods of scientific cognition. The systematic method made it possible to study the problems in the field of labor migration in the unity of their social content and legal form. With the help of the logical-semantic method, the conceptual apparatus is deepened. Methods of analysis, synthesis, classification were used to analyze the features of organizational and legal regulation of labor migration.

Keywords: organizational and legal regulation, economic growth, migration policy, highly skilled labor immigrant, low-skilled labor migrant, information technology, digital economy, electronic platform.

Миграция – это социальный процесс, связанный с перераспределением населения между территориями разных государств (международная миграция) или в пределах одного (внутренняя миграция). Существующая со времен возникновения человечества миграция в настоящее время трансформировалась в различные виды (временная-постоянная; внешняя-внутренняя, законная-незаконная, трудовая), которые изучаются миграциологией – наукой, обобщающей и анализирующей закономерности, побуждающие человечество к переселению.

Проанализируем организационно-правовое регулирование трудовой миграции, ее воздействие на экономику России, а также сформулируем предложения по совершенствованию правового регулирования трудовой миграции с целью достижения устойчивого социального развития России. Проблемы, связанные с надлежащим осуществлением организационно-правового регулирования трудовой миграции имеют большое научное и практическое значение, поскольку состояние миграционного порядка и его обеспечение влияют на стабильность прав граждан, способствуют созданию нормальных условий для свободы передвижения и свободного выбора места жительства, трудоустройства, обучения, культурного отдыха, обеспечению общественного порядка [2. – С. 58].

Актуальность исследования вызвана требованиями российского общества, в котором одними из первостепенных задач являются возрождение обрабатывающей промышленности, востребованность научно-технического прогресса и инновационного развития во всех сферах экономики. Немаловажная составляющая успеха реализации этих задач зависит от внутренних и внешних трудовых миграционных потоков. Многие ученые и практики уделяли и уделяют внимание разработке теоретических и методологических принципов определения правового регулирования трудовой миграции, а именно: И. А. Алешкова, Л. В. Андриченко, Д. А. Бекашева, Т. А. Васильева, Н. А. Во-

ронина, Л. Н. Галенская, С. А. Глотова, Р. Ш. Давлетгильдеева, С. Г. Денисова, А. Н. Жеребцова, Н. Н. Зинченко, Д. В. Иванова, О. С. Кажеева, А. А. Мишунина, И. В. Плюгина, В. Е. Подшивалова, В. И. Потапова, Т. А. Прудникова, Е. С. Смирнова, Ю. А. Тихомирова, С. А. Трыканова, А. Ю. Ястребова и др.

Такие исследования обладают несомненной теоретической и практической значимостью, однако стремление к трансформации гражданского общества требует постоянного совершенствования организационно-правового регулирования трудовой миграции, субъектами которой являются трудовые мигранты. Поэтому целью данной статьи являются анализ организационно-правового регулирования трудовой миграции, ее влияние на экономику современной России и аргументация предложений по его совершенствованию.

В основе главных причин, побуждающих людей осуществлять переселение с целью реализации трудовой функции, являются экономические, а второстепенными следует считать причины, связанные с удовлетворением профессиональных и личностных потребностей. Об этом свидетельствует ряд теорий. Так, теория Э. Г. Равенштейна содержит законы миграции [5], Э. Ли объясняет эконометрическую модель миграции [3], в теории М. Пиоре представлен двойной рынок труда [4]. Все обозначенные теории можно объединить единой идеей о том, что трудовые мигранты заполняют свободную нишу рынка труда с целью повышения своих доходов и качества жизни. В дополнение к названным теориям определим положительный эффект наличия трудовых мигрантов в государстве в следующих положениях:

- экономический рост в связи с притоком высококвалифицированных трудовых иммигрантов;
- поступления в бюджет через уплату налогов (например, ежемесячная плата за трудовой патент);

- повышение производства товаров и услуг благодаря навыкам трудовых иммигрантов;

- повышение потребления товаров и услуг; например, в Австрии покупательная способность мигрантов была оценена выше, чем поступления от сферы туризма.

Следует обратить внимание на то, что высококвалифицированный трудовой мигрант является катализатором экономического роста принимаемого государства. В свою очередь экономический рост отражает взаимодействие факторов рабочей силы, средств производства, технологий, природы и сырьевых ресурсов, а также имеет количественные и качественные критерии этого взаимодействия, т. е. социально-экономический результат (национальное богатство) и цель (народное благосостояние) [1. – С. 122]. Поэтому в стратегии Российской миграционной политики приоритет должен отдаваться созданию благоприятных условий для привлечения именно высококвалифицированных трудовых иммигрантов (путем предоставления ожидаемого социального пакета с гарантиями дальнейшего инновационного развития личности) с одновременным сохранением отечественного высококвалифицированного человеческого достояния.

Вместе с тем инновационное развитие личности в государстве зависит не от количества мигрантов, а от их образования, культуры, законопослушания, взаимоуважения. Соответственно, создание условий для социальной адаптации высококвалифицированных трудовых иммигрантов косвенно способствует стабильному развитию экономики России.

На данном этапе развития экономики нужно обратить внимание на пути решения проблем, возникающих в связи с ростом трудовой миграцией. Риск наступления неблагоприятных последствий выше, чем блага, которые Россия получит от данной категории переселенцев.

Следует обратить внимание на проблемы, связанные с заинтересованностью крупного бизнеса в притоке трудовых иммигрантов и обеспечением их нелегального положения в государстве, а именно:

- дефицит работы для граждан Российской Федерации;

- низкое качество выполняемых работ и услуг;

- отток капитала через осуществление денежных переводов в страну своего происхождения;

- ухудшение эпидемиологической обстановки;

- снижение уровня культуры в обществе;

- возникновение иммиграционной общности среди трудовых иммигрантов одной национальной общности, коллективное нарушение ими общественного порядка;

- ухудшение общественного порядка;

- повышение криминогенности региона.

Рост потоков трудовых иммиграций увеличивается по направлению развития промышленности, торговли и транспорта, что закономерно связано с развитием крупных городов. Результаты исследований свидетельствуют о том, что к привлекательным для внутренних и внешних трудовых иммигрантов регионов России относятся Москва Санкт-Петербург, Владивосток, Московская, Ленинградская, Тюменская области и Краснодарский край. Указанные субъекты Федерации испытывают дополнительную потребность в трудовых ресурсах. Значительный вклад в иммиграционный прирост населения России вносят иммигранты из стран СНГ, в частности, из стран Средней Азии – Узбекистана, Таджикистана. Их доля в иммиграционном приросте в течение последних 10 лет составляет около 90–95%, оставшаяся часть приходится на выходцев из стран дальнего зарубежья (в основном Китая, Индии и Вьетнама).

Следует подчеркнуть, что иммигранты из указанных стран обычно имеют низкий уровень квалификации и чаще всего занимают рабочие места, не востребованные со стороны постоянного населения. Низкоквалифицированные трудовые иммигранты компенсируют недостаток трудовых ресурсов на российском рынке. Например, отлаженно действует схема предоставления работы в Москве для граждан Украины, которые присматривают за инвалидами, пожилыми гражданами Российской Федерации. Иностранцы находятся в нелегальном положении и осуществляют трудовые функции, проживая совместно с гражданином, который требует присмотра, а расчет за труд осуществляют родственники в обход системы налогообложения России. Отработав полгода, трудовые мигранты выезжают на три месяца в страну своего происхождения и вывозят заработанный капитал. От такой категории иммигрантов экономика России никак не выигрывает, поскольку иностранцы живут в экономном режиме, и все денежные средства вывозят за пределы государства.

При этом низкоквалифицированная рабочая сила способствует удешевлению производимой продукции и, соответственно, росту ее конкурентоспособности. Это может приводить к технологическому отставанию тех отраслей, в которых используется труд иммигрантов, снижению качества производимых продуктов или предоставляемых услуг с одновременным завышением их стоимости.

Отдельно следует обратить внимание и на соблюдение законодательства низкоквалифицированными трудовыми иммигрантами. Они объединяются по национальному признаку и помогают друг другу адаптироваться к новой социальной среде, совершая деяния часто в обход законодательства. Эти группы трудовых иммигрантов не подчиняются установленным в государстве правилам, а находят пробелы в законодательстве для их обхода. Можно привести множество таких примеров, начиная с въезда трудового иммигранта в Россию и обращения в уже образованные такими же ранее приехавшими иммигрантами организации по оказанию платных услуг:

- для получения временной регистрации по месту пребывания;
- получения переводов документов с их нотариальным заверением (латентность нарушений заключается в том, что на документе ставится печать со стоимостью услуги 250 рублей, а реальная оплата составляет 1 500 рублей);
- для получения определенного статуса иммигранта: разрешения на работу, разрешения на временное пребывание, вида на жительство, гражданства Российской Федерации. Сотрудники таких организаций за низкоквалифицированных иммигрантов оформляют документы, сдают экзамены (на знание законодательства, истории России, русского языка) и даже умудряются сдавать документы в Федеральную миграционную службу.

Далее, помогая друг другу, низкоквалифицированные трудовые иммигранты создают другие юридические лица по оказанию услуг, например, в сфере быта, торговли продуктами питания. От этих коррумпированных схем снижается конкурентоспособность, а производитель теряет возможность вывести на рынок свой товар. Например, организованные по национальному признаку группы предпринимателей монополизируют рынок сельскохозяйственной продукции в субъекте Федерации и закупают продукцию у фермеров по

заниженным ценам, нерентабельным для производителя, а до конечного потребителя продукция доходит по завышенным ценам и сомнительного качества. И от этих латентных схем страдает как население, так и экономика России в целом.

В свою очередь экономика России нуждается в высококвалифицированных трудовых иммигрантах для применения их компетенций в востребованных секторах экономики, таких как промышленность, сельское, лесное хозяйство, строительство, торговля, общественное питание и т. д.

Приведем пример необходимости организационно-правового регулирования процессов высококвалифицированной внутренней трудовой миграции в Херсонской и Запорожской областях в сфере сельского хозяйства, а именно организационно-правовое регулирование закупок сельскохозяйственной продукции.

Для того чтобы избежать вышеуказанных латентных, коррумпированных схем, важно безотлагательно осуществить ряд управленческих мероприятий:

- провести мониторинг сельскохозяйственной отрасли данных областей;
- составить план-проект по ассортименту сельскохозяйственной продукции,
- изучить потребности производителя (фермера) по посеву, обработке, сбору урожая;
- организовать практику государственных закупок сельскохозяйственной продукции по конкурентным ценам;
- дать предложения по развитию областей в указанной сфере на следующий год.

Возможно, перечисленные управленческие мероприятия следует проводить совместно с разнородными органами управления сельским хозяйством, а именно: государственным, муниципальным, корпоративным и внутрихозяйственным. Для совместной работы, безусловно, должны быть задействованы субъекты трудовых миграционных процессов, которые сопутствуют принятию правильных управленческих решений с одновременным применением информационных технологий. Подчеркнем, что дистанционно можно собрать нужную информацию о тенденциях на рынке, уровне спроса и предложения. Однако в данном случае возрастают и требования к государственным служащим, сотрудникам корпораций, правоохранительным органам по профилактике и пресечению распространения ложной информации, информационным преступлениям, которые в виртуальном пространстве редко рас-

крываются, а виновные остаются безнаказанными, что приводит к хаосу в сфере электронной информации. При этом на государственном уровне поставленная цель – экономический рост и социальное развитие региона и в целом государства – так и остается не достигнутой.

Своевременным, на наш взгляд, является предложение, которое соответствует национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» правительства Российской Федерации. Содержание предложения заключается в создании электронной площадки для онлайн-торговли сельскохозяйственной продукцией производителями (фермерами) разного уровня и в разных субъектах Российской Федерации. Участниками электронной площадки должны выступать следующие субъекты правоотношений в сфере онлайн-торговли:

- производитель (фермер);
- агротрейдеры;
- федеральные органы и органы исполнительной власти субъектов Федерации, осуществляющие управление государственным резервом;
- правоохранительные органы по осуществлению надзора за соблюдением законности в сфере онлайн-торговли и пресечению возможных нарушений.

Важно остановиться на еще одной составляющей миграционных процессов, которая влияет на экономику России – трудовой эмиграции высококвалифицированных специалистов.

Внутренняя трудовая эмиграция, которая носит временный характер (командировки), оказывает положительное влияние, как на юридических лиц, чьи филиалы находятся в разных субъектах Федерации, так и на специалистов, перемещающихся с целью выполнения трудовых функций.

Организация временно привлекает квалифицированных специалистов для обмена опытом, получения новых знаний по оптимизации труда, не принимая их на постоянную работу. При этом возникает стимул для новых идей, а специалисты, повысив свою квалификацию, становятся более востребованными для организации.

Если проанализировать влияние внутренней и внешней трудовой эмиграции на экономику России, следует отметить, что последняя наносит непоправимый вред экономической и научно-технической безопасности государства. Это выражается в потере ведущих научных школ математики, физики, биологии, химии, высококвалифицированных

специалистов, вследствие чего замедляется развитие новейших технологий, цифровизации, науки, медицины, инженерии и т. д.

В завершении работы важно сформулировать ключевой термин. Под организационно-правовым регулированием трудовой миграции в России следует понимать целенаправленное воздействие компетентных государственных органов на правоотношения в сфере трудовой миграции при помощи специальных юридических средств и методов с целью создания благоприятных правовых, экономико-социальных условий для притока высококвалифицированных трудовых иммигрантов.

Из приведенного определения следует, что сам миграционный порядок автоматически не обеспечивается и нуждается в постоянном регулировании со стороны государственного аппарата.

Цель организационно-правового регулирования трудовой миграции в России носит комплексный характер и включает две группы мер организационного и правового регулирования.

К предложениям, которые улучшают меры организационного регулирования, следует отнести:

- создание благоприятных социально-экономических условий для притока высококвалифицированных трудовых иммигрантов;
- борьбу с коррупционной составляющей;
- своевременное предупреждение и пресечение нарушений в сфере трудовой миграции;
- привлечение виновных трудовых иммигрантов к ответственности, а также их работодателей [2. – С. 61];
- создание благоприятных условий для реализации трудовыми мигрантами своих конституционных прав и свобод.

К предложениям, которые улучшают правовое регулирование, следует отнести:

- разработку и внесение изменений в Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года с ранее предложенными в статье рекомендациями;
- предусмотреть и внести дополнения в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» такой пункт, как разработка и внедрение электронной площадки для возможности онлайн-торговли сельскохозяйственной продукцией;
- разработать концепцию развития экономики до 2025 года и предусмотреть в ней государственную поддержку бизнеса, который принимает на работу молодых специалистов выпускников вузов.

Так, важно подчеркнуть необходимость в организационно-правовом регулировании трудовой миграции. От надлежащего нормативно-правового регулирования, от планирования, организации привлечения высококвалифицированных

трудовых иммигрантов и осуществления контроля за соблюдением миграционного законодательства на территории Российской Федерации зависит приток денежных средств от данного сегмента рынка.

Список литературы

1. Бурук А. Ф. Сущность и виды экономического развития, инновационная составляющая в обеспечении экономического роста. – URL: <file:///C:/Users/innaa/Downloads/suschnost-i-vidy-ekonomicheskogo-razvitiya-innovatsionnaya-sostavlyayuschaya-v-obespechenii-ekonomicheskogo-rosta.pdf> (дата обращения 02.09.2022).
2. Гарная-Иванова И. А. Организационно-правовой механизм регулирования миграционных процессов в России // Экономика. Право. общество. – 2021. – № 4 (28). – С.57–63.
3. Everett S. Lee a Theory of Migration // Demography. – 1966. –Vol. 3. – N 1. – P. 47–57.
4. Piore M. Birds of Passage. Migrant Labour and Industrial Societies. – New York : Cambridge University Press, 1979. – P. 23–63.
5. Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. – 1885. – Vol. 48. N 2. – P. 167–235.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-3-104-112>

Исчисление срока уголовного наказания в виде принудительных работ

В. С. Исаков

аспирант кафедры уголовного права
юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета.

Адрес: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»,
634050, Томская область, Томск, пр. Ленина, д. 36.
E-mail: vladislav.isakov.97@mail.ru

Calculation of the Term of Criminal Punishment in the Form of Forced Labour

V. S. Isakov

Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law of the Law Institute
of the National Research Tomsk State University.

Address: National Research Tomsk State University,
36 Lenin prospect, Tomsk, 634050, Tomsk Region, Russian Federation.
E-mail: vladislav.isakov.97@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются нормы уголовно-исполнительного законодательства, закрепляющие порядок исчисления времени отбывания такого уголовного наказания, как принудительные работы. При написании статьи использовались эмпирические методы описания, теоретические методы формальной и диалектической логики, а также частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. На основе положений нормативно-правовых актов и научной литературы сформулирован вывод о необходимости изменения правил исчисления срока анализируемого наказания. Автором предложено рассчитывать период отбывания принудительных работ в зависимости от времени, в течение которого осужденный официально состоит в трудовых отношениях. При этом в срок принудительных работ не должны засчитываться рабочие дни, когда осужденный по неуважительным причинам отсутствовал по месту работы, что будет способствовать полноценному отбыванию уголовного наказания. В процессе исследования также выделены дополнительные промежутки времени, не связанные с реальным отбыванием принудительных работ, но подлежащие обязательному учету при исчислении срока наказания: период нахождения осужденного в помещении для нарушителей и период задержания осужденного по причине его уклонения от отбывания наказания. Данные периоды, наряду с периодом краткосрочных выездов за пределы исправительного центра, предложено засчитывать в срок отбывания принудительных работ по особым правилам.

Ключевые слова: осужденный, исправительный центр, задержание, краткосрочный выезд, помещение для нарушителей, трудоустройство, место работы, рабочий день, отбывание наказания, трудовая деятельность, время.

Abstract

The article explores the norms of criminal legislation stipulating the procedure for calculating the time of serving a criminal punishment such as forced labour. When writing the article empirical methods of description, theoretical methods of formal and dialectical logic as well as private scientific methods: legal-dogmatic and method of legal norms interpretation were used. Based on the provisions of regulatory legal acts and scientific literature the conclusion about the need to change the rules of calculation of the term of the analyzed punishment has been formulated. The author proposed to calculate the period of forced labour depending on the time during which the convict is officially in labour relations. The term of forced labour should not include working days when the convict was absent from his/her place of work for unreasonable reasons that will contribute to full serving of a criminal sentence. The study also identified additional periods that are not connected with the actual serving of forced labour, but must be taken into account when calculating the sentence: the period when the convicted person is in a facility for offenders and the period when the convicted person is detained due to evasion from serving his or

her sentence. These periods along with the period of short-term departures out of penitentiary centre it is offered to count in time of serving forced labour by special rules.

Keywords: convict, correctional centre, detention, short-term departure, offenders' premise, employment, place of work, working day, serving of sentence, labour activity, time.

В 2011 г. система уголовных наказаний была дополнена новым наказанием в виде принудительных работ, которое получило свое закрепление в статье 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Появление принудительных работ было обусловлено необходимостью гуманизации пенитенциарного законодательства, что предполагает сокращение числа случаев назначения наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества. Основной задачей принудительных работ является исправление осужденного не путем его помещения в исправительные учреждения различного типа, а с помощью привлечения к трудовой деятельности на недобровольной основе, о чем указано в части 3 статьи 53.1 УК РФ.

Существующий порядок исчисления срока отбывания принудительных работ в настоящее время препятствует выполнению этой задачи. Так, согласно части 1 статьи 60.3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), срок принудительных работ исчисляется со дня прибытия осужденного в исправительный центр. В отличие от правил исчисления срока обязательных и исправительных работ, положения статьи 60.3 УИК РФ не указывают на строгое соответствие продолжительности принудительных работ количеству времени, отработанному осужденным. Поэтому из части 1 статьи 60.3 УИК РФ следует, что срок отбывания принудительных работ не зависит от факта осуществления осужденным трудовой деятельности. Дополнительно это подтверждается частью 5 статьи 60.8 УИК РФ, в силу которой ежегодный оплачиваемый отпуск не предоставляется осужденным, не трудоустроенным в период отбывания наказания. Очевидно, что законодательство допускает ситуации, когда осужденные не привлечены к труду, но при этом время их нахождения в исправительном центре засчитывается в срок отбывания принудительных работ.

Указанной проблеме в юридической литературе уделяется большое внимание. По мнению Э. В. Лядова, принудительный труд является основным признаком уголовного наказания. Проживание в исправительном центре безработных

осужденных искажает суть принудительных работ и приводит к необоснованным расходам на содержание таких осужденных [4. – С. 49]. А. В. Мусалева отмечает, что закрепленные в статье 60.3 УИК РФ правила исчисления срока принудительных работ не позволяют достичь целей данного наказания, предполагающего обязательное привлечение осужденного к трудовой деятельности [5. – С. 159]. О. Н. Уваров указывает на то, что положения об исчислении времени отбывания принудительных работ не ставят перед сотрудниками исправительных центров задачу надлежащего исполнения наказания. При таких условиях трудоустройство осужденного необходимо только для возмещения расходов из заработанных им денежных средств на содержание исправительного центра, что снижает эффективность принудительных работ как наказания, связанного с исправительно-трудовым воздействием на осужденного [8. – С. 62–63].

В практике исполнения принудительных работ встречаются примеры нахождения в исправительном центре осужденных, которые не привлечены к труду. По данным Э. В. Лядова, на конец августа 2019 г. среднероссийский уровень привлечения осужденных к труду составил 90,8% [3. – С. 108]. Кроме того, в процессе изучения 163 личных дел осужденных, отбывающих принудительные работы в исправительных центрах на территории Красноярского края, установлено, что 7 лиц были привлечены к труду в течение одной недели с момента постановки на учет, 103 лица – через одну неделю с момента постановки на учет, 43 лица – через две недели с момента постановки на учет, а 10 лиц – через один месяц с момента постановки на учет в исправительном центре. Объяснения данному явлению могут быть разными. Одно из них, что подтверждается исследованием Р. З. Усеева, связано с отсутствием у осужденного документов, необходимых для заключения трудового договора. В результате сотрудники исправительного центра на оформление данных документов вынуждены тратить часть времени, предназначенного для непосредственного отбывания наказания [9. – С. 337]. Также факт проживания в исправитель-

ном центре временно безработных лиц может быть связан с отсутствием у осужденного квалификации, необходимой для выполнения определенного вида работ.

Учитывая вероятность нахождения в исправительном центре не привлеченных к труду лиц, полагаем, что исчисление срока принудительных работ должно напрямую зависеть от трудовой деятельности осужденного. Аналогичную позицию занимают Р. В. Комбаров, А. М. Потапов и др. [2. – С. 82]. Приведенное нами утверждение объясняется следующим.

Во-первых, при наличии в исправительном центре осужденных, не обеспеченных работой, невозможно говорить о полноценном исполнении уголовного наказания. Суть принудительных работ заключается прежде всего в привлечении осужденного к труду. Зачет в срок отбывания наказания периода, в течение которого осужденный не был обеспечен работой, означает подмену принудительных работ режимом содержания в исправительном центре. Нахождение в исправительном центре также влечет некоторые ограничения для осужденного: покидать территорию исправительного центра можно только по согласованию с администрацией места отбывания наказания, запрещается иметь при себе определенные предметы, необходимо подчиняться внутреннему распорядку дня в исправительном центре и т. д. Однако обязанность осужденного находиться в исправительном центре стоит рассматривать только как составную часть карательного элемента принудительных работ, который, в сочетании с обязанностью лица трудиться, образует содержание данного уголовного наказания. Размещение осужденного в исправительном центре также можно рассматривать как средство обеспечения исполнения принудительных работ. Это объясняется тем, что по сравнению с обязательными и исправительными работами принудительные работы осуществляются не по месту жительства осужденного. Поэтому необходимы специализированные учреждения уголовно-исполнительной системы, которые станут не только объектами временного содержания осужденных, но и местом контроля над соблюдением ими порядка и условий отбывания принудительных работ. Дополнительным подтверждением того, что пребывание лица в исправительном центре не сводится к содержанию принудительных работ, является наличие у осужденного права проживания за пределами исправительного

центра при выполнении им определенных условий, о чем указано в части 6 статьи 60.4 УИК РФ.

Во-вторых, текущий порядок исчисления срока отбывания наказания не стимулирует сотрудников исправительного центра к быстрому поиску для осужденного подходящего места работы. УИК РФ не устанавливает время, в течение которого осужденный должен быть трудоустроен после его прибытия в исправительный центр, а также минимальную продолжительность периода нахождения осужденного в статусе безработного в тех случаях, когда трудовой договор расторгнут, но лицо еще не отбыло весь срок принудительных работ. В УИК РФ также не закреплены положения об ответственности должностных лиц за несвоевременное трудоустройство осужденных. Поэтому сотрудникам исправительного центра достаточно создать условия, необходимые для размещения осужденного в месте отбывания наказания, чтобы началось исчисление срока принудительных работ.

В-третьих, отсутствие у осужденного работы не позволит производить удержания из его заработной платы, что, согласно части 5 статьи 53.1 УК РФ, наряду с обязанностью трудиться также составляет содержание анализируемого наказания. В результате у осужденного не будет возможности для возмещения вреда от совершенного им преступления, что является одним из условий реализации права на условно-досрочное освобождение. Администрация исправительного центра в свою очередь не сможет воспользоваться нормами статьи 60.5 УИК РФ, чтобы компенсировать траты на содержание осужденного за счет его собственных средств, получаемых в виде заработной платы, когда у осужденного нет других источников дохода. Это приведет к неоправданным расходам из федерального бюджета, связанным с созданием условий проживания в исправительном центре для лиц, которые отбывают наказание не в полном объеме.

Следовательно, необходимо разработать иной порядок исчисления срока принудительных работ. Для решения данной задачи Э. В. Лядов и А. В. Мусалева предлагают воспользоваться нормами об исчислении времени отбывания исправительных работ [4. – С. 50; – 5. С. 159]. Так, согласно статье 42 УИК РФ, в срок данного наказания засчитывается время, в течение которого осужденный трудился и из его заработной платы осуществлялись удержания. При этом в данное время должны входить все рабочие дни, уста-

новленные для соответствующего календарного месяца. Если осужденный в указанные дни отсутствовал на работе, то он продолжит отбывать наказание до момента полной отработки необходимого количества рабочих дней. Период, когда осужденный не осуществлял трудовую деятельность, в срок отбывания исправительных работ не засчитывается.

По нашему мнению, при создании новых правил исчисления срока принудительных работ можно учитывать положения статьи 42 УИК РФ, но с некоторыми исключениями.

Законодатель в части 1 статьи 42 УИК РФ, связывая исчисление времени отбывания исправительных работ с количеством отработанных осужденным рабочих дней, использует не совсем точные формулировки. Это влечет ошибочное толкование части 1 статьи 42 УИК РФ таким образом, что в срок отбывания исправительных работ не включаются выходные и нерабочие праздничные дни, а также дни ежегодного оплачиваемого отпуска. Однако в указанные дни за осужденным сохраняется место работы и начисляется заработная плата. Поэтому в новой редакции части 1 статьи 60.3 УИК РФ отмечается, что необходимо исчислять время принудительных работ в зависимости от периода, когда осужденный официально трудоустроен. В этом случае, согласно законодательству, автоматически будут учитываться дни, в которые при отсутствии на рабочем месте осужденный по-прежнему состоит в трудовых отношениях с работодателем, что обуславливает выполнение последним своих обязанностей по выплате заработной платы и обеспечению надлежащих условий труда. В обновленной части 1 статьи 60.3 УИК РФ следует указать, что если осужденный не отработает все рабочие дни, приходящиеся, согласно графику работы организации, на конкретный календарный месяц, и отсутствуют основания для зачета дней, неотработанных полностью или частично в срок принудительных работ, то отбывание данного наказания будет продолжено до отработки лицом незачтенного количества рабочих дней.

На основании части 2 статьи 42 УИК РФ время исправительных работ исчисляется с момента выхода осужденного на работу, однако не указано, какой именно это по счету день осуществления лицом трудовой деятельности. Из-за наличия данного пробела возможны злоупотребления со стороны сотрудников исправительного центра при исчислении срока наказания. Также не указа-

но в части 2 статьи 42 УИК РФ начало исчисления времени исправительных работ в тех случаях, когда осужденный был уволен с места работы до освобождения от наказания. По этим причинам статью 60.3 УИК РФ необходимо дополнить частью 1.1 следующего содержания: «Началом срока отбывания принудительных работ является день, в который осужденный впервые приступил к выполнению работы. Если трудовой договор расторгнут, но осужденный не отбыл полностью срок назначенного наказания, то учет времени принудительных работ приостанавливается до первого дня выхода осужденного на новую работу».

Помимо дней, составляющих продолжительность наказания, необходимо выделять промежутки времени, которые не будут засчитываться в срок отбывания принудительных работ в период трудовой деятельности осужденного. Для наказания в виде исправительных работ, согласно части 3 статьи 42 УИК РФ, ими является время, в течение которого осужденный не работал. Из данной нормы непонятно, подлежит ли зачету в срок отбывания наказания рабочий день, который осужденным был отработан частично. В части 3 статьи 42 УИК РФ также не указаны обстоятельства, при которых время отсутствия осужденного на рабочем месте может или не может быть зачтено в срок исправительных работ. Поэтому данное правило исчисления срока наказания не является подходящим для исчисления срока принудительных работ. Тем более статья 60.3 УИК РФ уже содержит норму о порядке исчисления времени отбывания принудительных работ в тех случаях, когда осужденный трудоустроен, но не находится по месту работы. Так, согласно части 3 статьи 60.3 УИК РФ, в срок принудительных работ не засчитывается время самовольного отсутствия осужденного на работе свыше одних суток. Из данного положения следует, что в срок наказания могут засчитываться дни, когда осужденный отсутствовал на работе без уважительных причин в течение нескольких часов. Однако в соответствии с подпунктом а пункта 6 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации для установления факта прогула лицу достаточно находиться вне пределов рабочего места минимум 4 часа подряд, что уже является не только грубым нарушением трудовых обязанностей, но и нарушением со стороны осужденного порядка отбывания принудительных работ. Кроме того, часть 3 статьи 60.3

УИК РФ позволяет осужденному неограниченное количество раз уклоняться от работы в течение рабочего дня, поскольку этот день все равно будет засчитан в срок наказания. Поэтому при исчислении срока принудительных работ не стоит учитывать те дни, которые частично отработаны осужденным по причине его нахождения вне места работы без согласования с администрацией исправительного центра или работодателем. Это обуславливает необходимость иного изложения части 3 статьи 60.3 УИК РФ: «Не засчитываются в срок принудительных работ рабочие дни, в течение которых осужденный полностью или временно отсутствовал по месту работы, за исключением случаев, когда у осужденного на это имеется письменное разрешение от администрации исправительного центра и (или) уполномоченных представителей организации, где отбывается наказание. При невозможности получения осужденным такого разрешения заранее, уважительность причины отсутствия лица по месту работы определяется администрацией исправительного центра, что подлежит отражению в соответствующем постановлении».

При заимствовании положений статьи 42 УИК РФ также следует помнить, что, в отличие от исправительных работ, время отбывания принудительных работ состоит из основного периода, когда осужденный работает и (или) проживает в исправительном центре, и прочих периодов, связанных не с реальным отбыванием наказания, а с особенностями его исполнения. Согласно части 2 статьи 60.3 УИК РФ, к последним относятся время следования в исправительный центр под конвоем; время краткосрочных выездов за пределы исправительного центра, о которых упоминается в статье 60.4 УИК РФ. К этим периодам необходимо добавить время нахождения осужденного в помещении для нарушителей и время задержания осужденного по причине его уклонения от отбывания наказания.

Рассмотрим указанные периоды более подробно, чтобы выявить спорные моменты, возникающие при исчислении срока принудительных работ.

1. *Следование в исправительный центр под конвоем.* В соответствии с частью 3 статьи 60.2 УИК РФ, если осужденный до момента вступления в законную силу приговора о назначении принудительных работ находился под стражей, то он следует в исправительный центр под конвоем. При этом один день следования под конво-

ем засчитывается за один день принудительных работ. Когда, согласно части 1 статьи 60.2 УИК РФ, осужденный следует к месту отбывания наказания без сопровождения, время его нахождения в пути в срок принудительных работ не засчитывается. По мнению О. С. Дорошенко и С. А. Сивцова, закрепленные правила исчисления срока принудительных работ в зависимости от способа следования в исправительный центр ставят осужденных в неравное положение. Авторы объясняют свой вывод тем, что способ следования в исправительный центр не влияет на его территориальную удаленность и может сложиться ситуация, когда осужденный находился в пути слишком длительное время, которое при исчислении срока принудительных работ учитываться не будет. Дополнительно О. С. Дорошенко и С. А. Сивцов ссылаются на часть 3 статьи 75.1 УИК РФ, в силу которой время самостоятельного следования осужденного в колонию-поселение засчитывается в срок наказания в виде лишения свободы. На основании данных аргументов авторы предлагают засчитывать период следования осужденного в исправительный центр как под конвоем, так и без него в срок принудительных работ из расчета один день за один день [1. – С. 277–278; 6 – С. 177].

Предложение О. С. Дорошенко и С. А. Сивцова заслуживает определенной критики. Период следования осужденного в исправительный центр под конвоем засчитывается в срок наказания, поскольку в это время осужденный, как и при содержании под стражей, находится в условиях изоляции от общества, которые значительно строже условий отбывания принудительных работ. Напротив, при самостоятельном следовании к месту отбывания наказания осужденный не ограничен в свободе своих действий, за исключением обязанности прибытия в исправительный центр согласно имеющемуся у лица предписанию. Также во время следования в исправительный центр без конвоя осужденный еще не приступает к отбыванию наказания. На основании этих доводов период самостоятельного следования к месту отбывания наказания в срок принудительных работ засчитываться не должен. Следует отметить, что в 2021 г. Министерство юстиции Российской Федерации разработало проект закона о внесении изменений в УИК РФ, предусматривающий только самостоятельный порядок следования осужденного в исправительный центр, который так же, как и в настоящее время, не бу-

дет учитываться при исчислении срока принудительных работ¹

2. *Краткосрочные выезды за пределы исправительного центра.* На основании части 2 статьи 60.3 УИК РФ один день краткосрочного выезда равен одному дню принудительных работ. Из содержания статьи 60.4 УИК РФ следует, что краткосрочными выездами осужденного за пределы места отбывания наказания являются выезд для решения неотложных вопросов личного характера на срок до 5 суток, выезд на период ежегодного оплачиваемого отпуска длительностью 18 календарных дней, а также выезд для обучения в образовательной организации. Данные положения позволяют осужденному, не обеспеченному работой, умышленно сокращать время отбывания наказания. Поэтому перечисленные выезды должны засчитываться в срок отбывания принудительных работ только в том случае, если осужденный в момент реализации права на краткосрочный выезд официально трудоустроен. Так, во время выезда такой осужденный не будет работать и, за исключением периода ежегодного оплачиваемого отпуска, получать заработную плату, что противоречит нашему утверждению о зачете в срок принудительных работ только тех дней, когда наказание отбывалось в полном объеме. Однако здесь отсутствие осужденного на работе связано с наличием уважительных причин и предварительно согласовано с администрацией исправительного центра, а при необходимости и с работодателем. Следует иметь в виду и то, что, согласно статье 97 УИК РФ, лицам, находящимся в исправительных учреждениях, тоже разрешен выезд за пределы места отбывания наказания, длительность которого засчитывается в срок лишения свободы. Поскольку лишение свободы является более строгим наказанием, чем принудительные работы, то не совсем правильно снижать уровень правовых гарантий для осужденных, не находящихся в условиях изоляции от общества.

3. *Нахождение осужденного в помещении для нарушителей.* Данный период времени не

упоминается в части 2 статьи 60.3 УИК РФ, но исходя из толкования части 1 статьи 60.3 УИК РФ подлежит зачету в срок принудительных работ. Так, согласно части 1 статьи 60.3 УИК РФ началом исчисления срока принудительных работ является день, когда осужденный впервые появился в исправительном центре. Поскольку помещение для нарушителей расположено в пределах территории исправительного центра, время нахождения осужденного в данном помещении будет засчитываться в срок принудительных работ. Существуют следующие основания для водворения осужденного в помещение для нарушителей:

- на срок не более 24 часов в связи с решением вопроса о выборе конкретной меры взыскания лицу, нарушившему порядок отбывания наказания (ч. 4 ст. 60.16 УИК РФ);
- на срок до 15 суток в качестве меры взыскания по причине нарушения порядка отбывания принудительных работ (п. в ст. 60.14 УИК РФ);
- в связи с признанием лица со стороны администрации исправительного центра злостным нарушителем порядка отбывания принудительных работ (ч. 5 и 6 ст. 60.15 УИК РФ);
- на срок до 30 суток по причине уклонения лица от отбывания наказания (ч. 2 и 3 ст. 60.17 УИК РФ).

Можно сделать вывод, что водворение осужденного в помещение для нарушителей, согласно части 4 статьи 60.16 УИК РФ, является превентивной мерой; согласно пункту в статьи 60.14 УИК РФ – мерой дисциплинарного характера, а в соответствии с частями 5 и 6 статьи 60.15 УИК РФ и частями 2 и 3 статьи 60.17 УИК РФ, – способом задержания осужденного до решения в отношении него вопроса о замене неотбытой части принудительных работ наказанием в виде лишения свободы. Нахождение осужденного в помещении для нарушителей препятствует реальному отбыванию принудительных работ, что должно исключать зачет данного периода в срок наказания. Тем не менее, согласно пункту 155 Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы, утвержденных Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110, осужденному, находящемуся в помещении для нарушителей, может предоставляться право выхода на работу. Следовательно, в срок принудительных работ из расчета один день за один день необходимо включать только те дни нахож-

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (в части привлечения к труду осужденных к принудительным работам, расширения периодов времени, подлежащих зачету в срок отбывания наказания, применения мер поощрения)». – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=120547> (дата обращения: 24.08.2022).

дения осужденного в помещении для нарушителей, в которые он осуществлял трудовую деятельность. Такое исчисление времени принудительных работ соответствует идее полноценного отбывания наказания и подлежит закреплению в части 2 статьи 60.3 УИК РФ.

Вместе с тем следует обратить внимание на несколько целей, преследуемых мерой водворения осужденного в помещение для нарушителей. Когда осужденный находится в таком помещении в связи с необходимостью замены неотбытой части принудительных работ лишением свободы, не исключено, что суд откажет в такой замене, и осужденный продолжит отбывать ранее назначенное наказание. Принятие такого решения означает признание судом ошибочности выводов администрации исправительного центра о нарушении лицом режима принудительных работ. Следовательно, осужденный был необоснованно водворен в помещение для нарушителей, что лишило его возможности трудиться и отчислять установленный судом процент от заработной платы. Поэтому, согласно статье 60.15 УИК РФ и статье 60.17 УИК РФ, время, в течение которого лицо необоснованно находилось в помещении для нарушителей, должно быть учтено при исчислении срока принудительных работ, включая и дни, когда осужденный не выходил на работу. Аналогичной точки зрения придерживаются О. В. Соколова и И. Б. Степанова, которые предлагают время содержания осужденного в помещении для нарушителей засчитывать в срок принудительных работ из расчета один день за два дня [7. – С. 401].

С данным предложением стоит согласиться, поскольку запрет на свободное передвижение по территории учреждения уголовно-исполнительной системы сближает водворение лица в помещение для нарушителей с мерами взыскания, применяемыми в отношении осужденных к лишению свободы: водворение в штрафной или дисциплинарный изолятор, перевод в помещение камерного типа или единое помещение камерного типа. В свою очередь, согласно части 3.3 статьи 72 УК РФ, нахождение осужденного в перечисленных объектах исправительного учреждения приравнивается к периоду содержания лица под стражей. Это позволяет аналогичным образом поступить с нахождением осужденного в помещении для нарушителей и воспользоваться правилом об исчислении срока принудительных работ, закрепленным в части 3 статьи 72 УК РФ.

Однако УК РФ запрещает применение его норм по аналогии, поэтому в часть 3 статьи 72 УК РФ следует добавить, что «время содержания лица под стражей засчитывается в срок принудительных работ из расчета один день за два дня применительно к сроку нахождения осужденного в помещении для нарушителей, если в отношении него судом вынесено постановление об отказе в замене неотбытой части принудительных работ наказанием в виде лишения свободы». Для удобного исчисления времени отбывания принудительных работ, а также по причине иной специфики водворения лица в помещение для нарушителей, необходимо отменить право выхода на работу тем осужденным, в отношении которых решается вопрос о замене неотбытой части наказания лишением свободы.

4. *Период задержания осужденного по причине его уклонения от отбывания наказания.* В УИК РФ не указано о возможности включения такого периода в срок отбывания принудительных работ, однако его так же, как и период нахождения осужденного в помещении для нарушителей, необходимо выделить в части 2 статьи 60.3 УИК РФ и на определенных условиях учитывать при исчислении времени наказания. Обозначенный нами период имеет две разновидности.

Прежде всего, это время задержания лица в связи с его уклонением от отбывания принудительных работ. Здесь имеется в виду уклонение осужденного от наказания по основаниям, закрепленным в подпунктах а и б части 1 статьи 60.17 УИК РФ, когда лицо еще не прибыло в исправительный центр. В отличие от частей 2 и 3 статьи 60.17 УИК РФ, уклонение осужденного от отбывания принудительных работ влечет, согласно частям 4 и 5 статьи 60.2 УИК РФ и пункту 18 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), его задержание не путем водворения в помещение для нарушителей, а посредством заключения под стражу на срок до 30 суток. В течение этого срока суд должен рассмотреть вопрос о замене осужденному принудительных работ лишением свободы. Суд может вынести постановление об отказе в производстве данной замены, если придет к выводу, что неполучение осужденным предписания о его направлении в исправительный центр или несвоевременное прибытие лица в этот центр связано с уважительными причинами. Тогда задержание осужденного будет считаться

неправомерным, что требует для лица определенной компенсации в части исчисления времени наказания, к отбыванию которого осужденный еще не приступил. Условия нахождения под стражей в качестве меры пресечения не отличаются от условий содержания под стражей в качестве меры задержания. Поэтому время, в течение которого осужденный был задержан в порядке частей 4 и 5 статьи 60.2 УИК РФ, аналогично правилам части 2 статьи 60.3 УИК РФ и части 3 статьи 72 УК РФ, должно засчитываться в срок принудительных работ из расчета один день за два дня.

Следующий период задержания осужденного возникает в ситуациях, когда, согласно пункту в части 1 и части 2 статьи 30 УИК РФ, частям 3 и 4 статьи 46 УИК РФ, пунктам в и г части 4 и части 6 статьи 58 УИК РФ, лицо скрылось в целях уклонения от отбывания обязательных и исправительных работ, ограничения свободы, а местонахождение осужденного неизвестно. Из перечисленных положений УИК РФ и пункта 18 статьи 397 УПК РФ следует, что задержание осужденного осуществляется посредством его заключения под стражу на срок до 30 суток, в течение которых суд обязан рассмотреть вопрос о замене осужденному неотбытой части наказания или

неотбытого полностью наказания принудительными работами или лишением свободы. В случае принятия судом решения о замене ранее назначенного наказания на принудительные работы время задержания осужденного должно учитываться при исчислении срока принудительных работ из расчета один день за два дня.

Таким образом, установленный законодателем в статье 60.3 УИК РФ порядок исчисления срока принудительных работ содержит множество пробелов и не полностью связан с реальным отбыванием наказания. Предложенные в ходе исследования нормы направлены на совершенствование механизма исчисления времени принудительных работ, что позволит учесть основное содержание данного наказания: привлечение осужденного к трудовой деятельности и осуществление удержаний из его заработной платы в размере, установленном по решению суда. Кроме того, в срок наказания будут засчитываться все дополнительные периоды, сопровождающие процесс исполнения принудительных работ. В результате сотрудники исправительных центров смогут более точно отслеживать время отбывания принудительных работ в зависимости от факта нахождения или отсутствия осужденного по месту работы

Список литературы

1. *Дорошенко О. С.* Правовые аспекты исчисления принудительных работ // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений и докладов участников, Рязань, 21–23 ноября 2017 г. : в 8 т. – Т. 3. – Рязань, 2017. – С. 276–278.
2. *Комбаров Р. В., Потанов А. М.* Об отдельных проблемах исполнения наказания в виде принудительных работ // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 4 (29). – С. 79–83.
3. *Лядов Э. В.* Вопросы совершенствования правового регулирования реализации уголовного наказания в виде принудительных работ // Функционирование учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы : материалы Межвузовской научно-практической конференции, 18 октября 2019 г. – Псков, 2019. – С. 107–111.
4. *Лядов Э. В.* О некоторых проблемных моментах правового регулирования применения уголовного наказания в виде принудительных работ // Международный пенитенциарный журнал. – 2018. – Т. 4 (1–4). – № 1. – С. 47–50.
5. *Мусалева А. В.* Назначение, исполнение и отбывание наказания в виде принудительных работ: постановка некоторых проблем // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий) : сборник тезисов выступлений и докладов участников, Рязань, 17–19 ноября 2021 г. : в 9 т. – Т. 3. – Рязань, 2021. – С. 156–160.
6. *Сивцов С. А.* Принудительные работы как вид уголовного наказания: практика и проблемы реализации // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара, 2020. – С. 174–177.

7. Соколова О. В, Степанова И. Б. Проблемные вопросы законодательной регламентации исчисления срока отбывания наказания в виде принудительных работ // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, 2 ноября 2018 г. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 396–401.

8. Уваров О. Н. О месте труда при отбывании наказания в виде принудительных работ // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2020. – № 2 (4). – С. 60–64.

9. Усеев Р. З. Правовые и организационные вопросы исполнения наказания в виде принудительных работ // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сборник тезисов выступлений и докладов участников, 20–22 ноября 2019 г. : в 10 т. – Т. 3. – Рязань, 2019. – С. 333–337.

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки.
Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.
Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
 - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
 - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
 - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
 - статьи из периодических изданий;
 - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
 - материалы конференций;
 - монографии.
 - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных сносок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового

номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].

8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.

9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.

11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.

12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.

Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.